

No. nel. 3334-2

Badenije

<36634768200010

<36634768200010

Bayer. Staatsbibliothek

... Но онъ не успѣлъ кончить убійственный моноръ
звякнулъ - и голова его закатилась назадъ, отско-
чила отъ туловища и покатилась, черта по песку
крававья слѣды свои.

илл. В. Лосинова.

**ПАДЕНИЕ
ВЕЛИКАГО
НОВГОРОДА.**

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ XV ВѢКА,
ИЗЪ КНЯЖЕНІЯ
ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА III ВЕЛИКАГО.

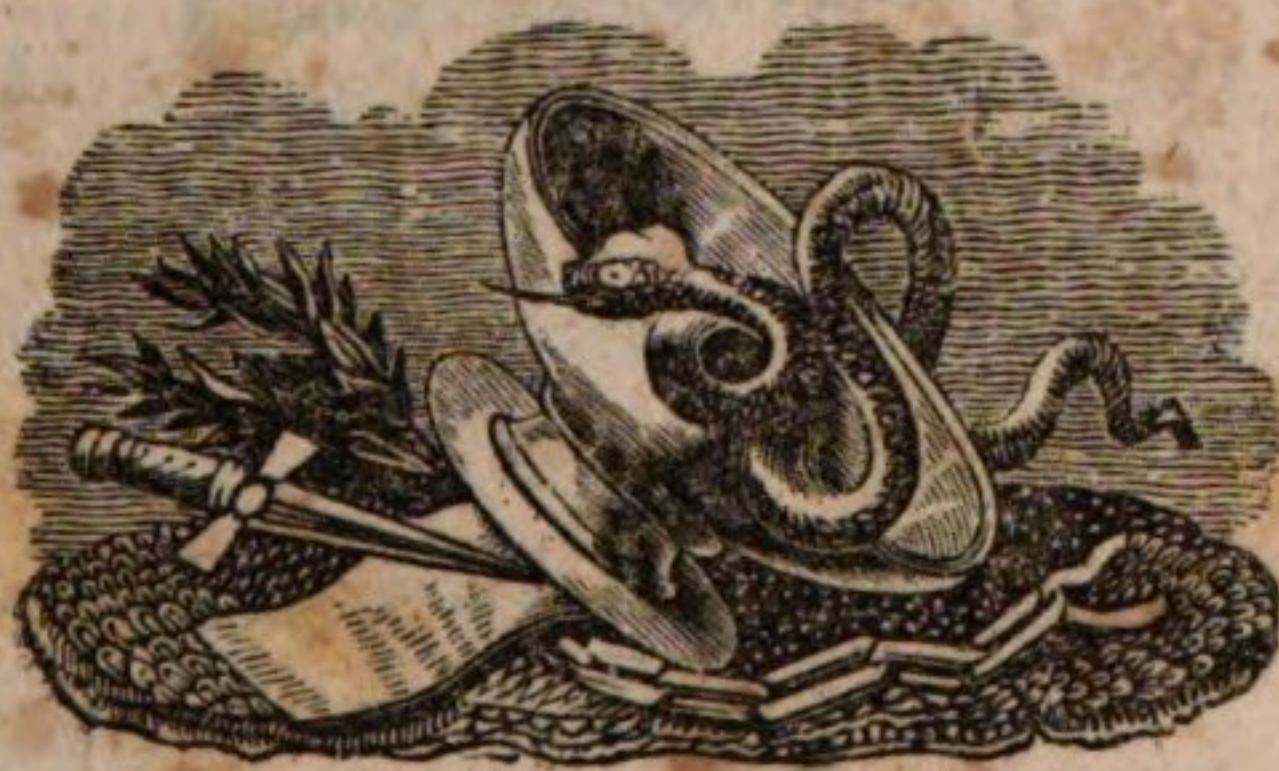
СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя каго.

Кто пропивъ Бога, кто пропивъ
Великаго Новгорода?

Новгородская пословица.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чптобы по оппечатапаніи предспавлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва, 1832 года, Ноября 25 дня.

Професоръ, Ценсоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ГЛАВА I.

Народъ послѣ пирушки. Поѣздъ Боярѣ на Велико-Княжескія именины. Дворъ Велико-Княжескій и Красная палата. Гости его. Разговоръ гостей. Кушанья у именинника, вина и закуски. Приѣмъ его. Внутренность Красной палаты. Поздравленіе. Гостинцы и дары. Молебень. Нечаянная радость Великаго Князя.

..... Звѣздящаяся влага
Не даромъ сердце веселишь:
Она опрадою кипись;
Какъ дикой конь не терпиль пльна,
Рветъ пробку рѣзвою волной
И брызжетъ радостная пьна,
Подобье жизни молодой.

Баратынскій.

На широкой Дворъ Княжеской вела по
Кремлю извивистая дорога, обспавленная

по споронамъ вопкнуемыми ёлками и березками, а по срединѣ усыпанная бѣлымъ Воробьевскимъ пескомъ. Народъ, пресыщенный пирушкой, копорую задалъ имъ Великій Имянинникъ, и копорая шолько чпо кончилась, гульливими шолпами бродилъ по ней, пригшповясь зѣвапъ на проѣзжающихъ во Дворецъ Боярѣ, Князей и прочихъ Сановниковѣ. Иной, вдохнупый винными парами, зашпягивалъ звонкую пѣсню; иной, споялъ молча, покрякивалъ и поглаживалъ бороду въ знакъ довольспва своего, а иной дожевывалъ еще похищенный имъ съ общей шрапезы лакомой кусокъ, держа его въ рукахъ своихъ и беззабопно поглядывая на всѣ предметы; иной, переливши въ свой желудокъ лишнюю чару вина, расхаживалъ, или лучше сказапъ, раскачивался между народомъ въ косвенномъ направлѣнии, и попупя голову и порою бурливо ворча на всѣхъ, прошалкивался

курсивно и черпилъ по песку ногами своими фигуры кренделей и бубликовъ Валдайскихъ. Однимъ словомъ: всякой былъ занятъ самъ собою.

Наконецъ показался и поѣздъ: попянулась цѣпь разно-калиберныхъ возковъ и колымагъ, и толпы народныя, услыша спукъ гремящихъ колесъ и звонъ конскихъ копытъ, раздвинулся на двѣ стороны, чшобъ дать ему дорогу. Иные споронились сами по себѣ, а иные по не однокрапнымъ убѣжденіямъ нагаекъ, которыми Боярскіе вершники, или *знакомицы*, въ цвѣпныхъ плапьяхъ, съ большими бубнами въ рукахъ (*), скачуцѣ каждой напередъ своей повозки, поровапо одѣляли всякаго, медленно сворачивающагося съ середины дороги. —»Чпо пы, ахальной холопъ, озарни-

(*) Копорыми они попряхивали, означая поѣздъ Бояръ, чшобъ давали имъ дорогу.

чаешь!» — «А ты что, непропиха, медвѣдь, чуть ворочаешься!» слышались часто восклицанія въ это время.

Между непрерываемою полосою ѣдущихъ колымагъ, бишкомъ начиненныхъ хозяевами ихъ, ярко и пестро разряженныхъ, находился и Князь Спирига-Оболенскій съ госпями своими, Назаріемъ и Захаріемъ. Гораздо не доѣзжая до высокихъ, наспежъ распворенныхъ воропъ Дворцовыхъ, всѣ поѣзжане вспали изъ повозокъ своихъ и широкою полпою повалили къ воропамъ, у копорыхъ спояли по обѣимъ споронамъ на караулъ дюжіе копейщики въ свѣп-лыхъ шишакахъ и крѣпкихъ кольчугахъ, держа въ рукахъ иные бердыши, иные копья. Около воропъ шапалась придворная челядь, параца глаза на госпей Велико-Княжескихъ, какъ по: Псари, Сокольники, Кречепники, Яспребники, Кашевары, Медовары, Пивовары,

Ясельничѣ, (1) Подъдѣяки, (2) изъ писцовыхъ палапъ и изъ многихъ другихъ судныхъ Приказовъ, Шашарничѣи (3), Спремянныѣ и Спольничіѣ, и проч.

Всякой изъ госпей спѣшилъ скорѣе взойти на дворъ, и широкія воропа вдругъ сдѣлались для нихъ узки. Однѣю рукою снимая шапку (4), а другою распалкивая другъ друга, продирался всякой, не разбирая чиновъ; рука, инаго кинувшись на удачу, вдругъ спускалась о брюхо сосѣда своего, какъ палка по барабану; одинъ же рослой Бояринъ, въ пѣснопѣ не догляда, а можепѣ быпѣ, показывая полько видъ шакой, охвапиль полою распахнушаго кожуха

(1) Конюшіѣ.

(2) Писцы нижняго ранга.

(3) Копорыѣ завѣдывали уборкой грѣдницъ, или комнапъ, Велико-Княжескихъ.

(4) Дворомъ Велико-Княжескимъ никто не смѣлъ ходипѣ съ покрывною головою.

своего, низменнаго Дьяка Новгородскаго Захарія и, будпо не примѣчая сего, вовлекъ его на самой Дворъ бьющагося въ попемкахъ руками и ногами.

Общій говоръ народа, гудящаго, какъ цѣлый улій пчель, заглушилъ смѣхъ нѣкопрыхъ, примѣпившихъ, какъ на проспоръ Захарій избавлялся глухихъ пенепъ своихъ, оправлая волосы и захлебываясь оскорбительными выраженіями, на копорья обидчикъ его опвѣчалъ только громкимъ хохотомъ и спѣшилъ, ни мало не извинясь, идти въ свое мѣсто.

Обширный дворъ раздѣлялся на маленькіе дворики. Въ одномъ мѣстѣ высились перема, вышки; въ другомъ, низились кирпичные своды, означающіе погреба, въ копорыхъ находились ледники съ винами: Воложскими, Греческими, Фряжскими и Венгерскими, брага опличныхъ сорповъ и маршовскіе ква-

сы. Наконецъ, около самой *Красной палаты* (*), дворъ разширялся на большое пространство, наполненное также шпашеными людьми, проходящими госпями, а болѣе всего юродивыми и увѣчными нищими, изъ копорыхъ одни толпились у задняго крыльца Палаты и принимали мѣлкія мѣдныя деньги изъ рукъ Дворцовыхъ Спряпчихъ (**), а одѣленные сидѣли по сторонамъ дороги, поджавъ ноги, и кланялись госпямъ, выискивая себѣ еще милоспивыхъ дашелей; кто же былъ изъ нихъ посмѣлѣе и пооборошливѣе, тотъ умѣлъ подвернувшись къ Спряпчему въ другой разъ за деньгами; но если обманъ его обнаруживался, то *задворные Спряп-*

(*) *Красной палатой* назывался обширный залъ, въ которомъ Великіе Князья угощали госпей своихъ.

(**) Сіи имѣли смотрѣніе во дворецъ за съѣсными припасами и напипками, также надзирали за поварами, хлѣбниками и за прочими нижними

ѣи (*) лакомили ихъ палками, ибо въ рукахъ у нихъ находился и гнѣвъ и милоспѣ.

На спупеняхъ параднаго крыльца и по косому корридору палапы, змѣился кармазинной коверъ, пѣнувшійся по длиннымъ и круглымъ сѣнямъ, у коихъ половая наспилка была каменная и кои были болѣе шемны, чѣмъ свѣшлы, попому чпо въ высокихъ спѣнахъ, за слонявшихъ ихъ, длинныя и узкія окна были расположены въ самой верхней выпуклоспи купола. По окончаніи сѣней, показали другія двери и двоерядная спража копейщиковъ у дверей, ко-

служишелями. Другой разрядъ ихъ завѣдывалъ шапкою, посохомъ, рукавицами, плапкомъ и проч., чпо называлось спряпнею. Они чесали голову Государю и одѣвали его и носили за нимъ помянушую спряпню, копорую подавали ему не голыми руками въ знакъ почпенія. Они равнялись нынѣшнимъ камеръ-юнкерамъ.

(*) Помощники дворцовыхъ спряпчихъ.

порые ввели наконецъ въ прихожую, гдѣ суешилось множесство людей всякаго званія, по большой часпи изъ высшаго придворнаго шпапа; какъ по: Кравчіи (1), Спольники (2), Казначей (3), Постельничьи (4), Чашники (5) комнап-

- (1) Въ старину *Кравчіи* споялъ всегда при сполѣ Государевомъ, когда онъ кушалъ, а особенно въ праздничные и церемоніальные дни, для разниманья и подаванья кушанья.
- (2) Помощникъ кравчаго, находился при сполѣ для сдачи со спола и переспавки блюдъ.
- (3) Сіе званіе спояло въ *чести*, ниже Окольникьяго и Кравчаго; въ вѣдомствѣ его находилась не казна, но собспвенныя вещи Государевы. Главная его должностъ была, хранишь Государево платьѣ и сберегати оное опъ волшебствъ, какъ по изъ присяги его видно. См. Судебн. Цар. I. В. гл. 149.
- (4) Наблюдалъ за чистотою постели Государя. На рукахъ его было все бѣлье, и люди, при спальнѣ служившіе, находились въ его вѣденіи. Должностъ сія почипалась пѣмъ важною, что приближала къ особѣ Государя.
- (5) Чинъ ниже Кравчаго въ списокѣ чиновъ споялъ между Окольничимъ и Думнымъ Дворяниномъ,

ные Дворяне (6), спепенные Ключники (7), пухевые Ключники (8), Чарошники, (9), спражи комнапные, или гридни (10) и проч.

они подносили Государямъ напитки, прежде сами прихлебнувъ опъ нихъ нѣсколько.

- (6) Назывались симъ именемъ попому, чпо имъ по милоспи Государевой дозволялся входъ въ его комнапы.
- (7) Имѣлъ въ своемъ вѣденіи нижнихъ придворныхъ служипелей, какъ по: Спряпчаго, подключника и проч. и всѣ споловые и пипейные припасы, копорые по его распоряженію разносились.
- (8) Они находились въ каждомъ дворцѣ, въ сыпномъ, кормовомъ и хлѣбномъ, они были поварищи спепенному ключнику и во время похода Великаго Князя имѣли смопрѣніе за приготоленіемъ кушанья.
- (9) Тоже, чпо и Чашники, оппускали пипье и сосполяли подъ вѣдомспвомъ *Степенныхъ* Ключниковъ сыпнаго двора.
- (10) Самые нижніе служипели придворные; мели полы и проч. За ними присматривали дворяне. Слово *Дворянинъ* означаетъ чинъ на одну особу, а не въ наслѣдспвенность; разд. на Московскіе и иногородные. Сіи послѣдніе были ниже первыхъ.

Всѣ бояре, коихъ считалось при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III до двадцати и кои всѣ были въ свѣтломъ, п. е. въ праздничномъ плащѣ, раскладывались между собою привѣспвенно и смопрѣли изумленно на незнакомыхъ имъ Захарія и Назарія. Здѣсь оспановились они ожидапъ дозволенія, когда Великій Князь укажетъ имъ войти къ себѣ съ поздравленіями и вручить ему *поклонные* дары.

»Какъ прозывается эпопъ Сановникъ, котораго лице я признаю немного?« спросилъ Назарій пошихоньку Оболенскаго, показывая на спараго, не высокаго, но добраго мужа, коего окладисная, сѣдая борода покоилась на мягкомъ, бархатномъ ворошникѣ длиннаго комлоповаго кафпана, шипаго золопыми узорочьями. Въ рукахъ держалъ онъ высокую горлапную шапку (*), у ко-

(*) Горлапныя шапки назывались такъ опъ гор-

ей верхъ былъ парчевой, а исподъ со-
болій; сверхъ того на шеѣ у него висѣ-
ла на жемчужной цѣпи, золошная грив-
на, и кошпору давали съ покорнымъ
видомъ дорогу, когда онъ разхаживалъ
размѣрными шагами по прихожей.

»Эпо чпимый Бояринъ и великій Во-
евода Ѳедоръ Давыдовичъ,« опвѣчалъ
Оболенскій пакже негромко.

»А, теперь припомнилъ я его! Мно-
го надѣлалъ онъ зла родинѣ моей! — А
эпо коль не чпимой, пакъ вѣской Бо-
яринъ: давича мы съ нимъ начали бы-
ло *котораться*« (*), продолжалъ Назарій,
показывая на пучнаго человѣка, коего
небольшая голова погружалась въ глу-
бокой, споячій воропникъ, шипой жем-
чугомъ, какъ въ купель; иногда ныряла
изъ него, а иногда до половины понула,

ла или душки черныхъ лисицъ, употребляв-
шейся на опушку, какъ часпъ лисицы самая
черная и дорогая.

(*) Ссорипись.

выказывая клочекъ рѣденькой бородки. Кафпанъ на немъ былъ обьяринной съ бархапными опворопами.

»А эпо любимецъ и пакже ближній Бояринъ Великокняжескій, Григорій Лукьяновичъ Мамонъ. Онъ гораздъ развеселятъ его и памятливъ на многіе присказки и прибаутки, и хиперъ на всякія выдумки и присловья. Онъ успился бы и скоморошипъ, если бы брюшной привѣсокъ тянулъ его вверхъ, а ни къ землѣ гнулъ. Вишь, онъ карапышъ и пузатъ, а любишъ придерживапсья хмѣльку. Вина доброй боченокъ уляжешся въ его коплѣ; оптъ шого-по ему и надавали ужасъ сколько прозваній: Мамонъ, кадушка, винная губка, ходячая фляга и проч. Голосипъ молва, чпо его Великій Князь часпо и преушинами оплепаешъ; но не задолго до сего, указалъ ему правишъ Земскимъ Приказомъ, пошому чпо, вишь, онъ по одному духу разыщешъ неблагообраз-

наго вида людей испивущихъ и всякихъ папей, и что, вишь, онъ самъ смышленъ кой на какіе обороты...»

» Каковъ попъ, таковъ и приходъ!« подумалъ про себя Назарій.

Тутъ прервалъ рассказъ Оболенскаго шорохъ, раздавшійся сзади, и вошелъ, или лучше сказать, влѣпѣлъ въ комнату спашной юноша, въ легкомъ изъ зеленой шелковой маперіи перликѣ, застегнутомъ опъ груди до колѣнъ пуговицами изъ драгоцѣнныхъ камней, на коемъ висѣли золотыя застѣжки. Швы перлика его обложены были серебряною битью красиво и узорчато; исподнее плащъ на немъ было бѣлое, апласное; кушакъ, шуго охватывавшій спанъ его, изъ дорогаго воспочнаго пканья; шапка, которую онъ поправлявалъ въ рукахъ своихъ, унизана была бурмишскимъ жемчугомъ и на верху ея мопалась киспъ изъ золотыхъ снурковъ, на коихъ были нанизаны крупныя алмази-

ны; съ боку висѣлъ корешкой, но широкой мечъ на двойной серебряной цѣпочкѣ, а на шеѣ богатое золотое ожерелье. Наружность его была пріятна, выразишельна, поспушь смѣлая, а борода только что начала опушашъ молодое лице его

» Здравствуй, Князь! Да здравствуетъ Василій Михайловичъ! Здоровашъ тебѣ на многія лѣта!« зачали возглашашъ Бояре, споронясь и кланаясь вошедшему юношѣ.

» Благодарствую вамъ, Бояре: Ѳедоръ Давыдовичъ, Данила Даниловичъ, Григорій Лукьяновичъ, Алексѣй Полуектовичъ!« говорилъ онъ, опкланиваясь на всѣ спороны.

» Эпо что за молодецъ?« спросилъ Назарій. »Давича видѣлъ я его въ Княжескомъ поѣздѣ.«

» А что я тебѣ говорилъ о полуденѣ про сокола-по Русскаго—вошъ онъ

и еспѣ, удѣльной, молодой Князь Верейскій,« опвѣчалъ Оболенскій. »Онѣ доводился Великому Князю съ родни, хопѣ и въ дальнемѣ колѣнѣ; но родишель его у него въ почепѣ, а онѣ самѣ въ любви горячей и у Великаго Князя и у народа. Сколько разѣ уже онѣ оберегалѣ его Особу на бипвахѣ. Пошли Боже этому соколу въ соколицы шу, на кого онѣ цѣлипся. Ужѣ и Марья-по Андреевна, сказывающѣ, куды пригожа и красива! Вопѣ двоешичка - по будепѣ приглядная!«

Всѣ занялись въ ожиданіи разговорами: спарики о хозяйспвахѣ своихѣ, погребвахѣ, думныхѣ дѣлахѣ; молодые о правляхѣ: звѣриной и ппичьей, о шахмашной игрѣ (*). Князь Верейскій рассказывалѣ съ воспоргомѣ, какѣ недавно правилѣ онѣ въ Сокольникахѣ волка

(*) До которой предки наши были великіе охотники.

и убилъ его рукопашно, да проспрѣ-
лилъ еще на повалъ лань; послѣ сожа-
лительно прибавилъ, что кречетъ его
вихрь промахнулся на лешу за добычей
и разшибся, что спременному его до-
спалось бы за это, еслибъ шопъ не
открылъ вчера логовища медвѣдя, на
правлю копорого приглашалъ всѣхъ
избранныхъ ловчихъ.

»А я съ моего сокола, къ слову ска-
зашъ, пошерялъ красной, вычурно вы-
шишпой колпакъ!« сказалъ Мамонъ съ
такимъ вздохомъ, что у споявшаго
пропивъ него Князя Данилы Холмскаго
шевельнулась въ сторону борода. »И
только что спустилъ другаго, что у
меня *непропадной* съ бубеньчикомъ-шо,
а взъерошенной кабанъ вопъ въглазахъ,
паки мимо меня какъ ерзгнелъ, оскала
зубы....«

Всѣ значительно переглянувшись за-
смѣялись и шѣмъ перервали его слова;
но Верейскій, любившій подшучивашъ,

оборопясь къ нему, сказалъ: »Вошъ и оправдываешся коренная наша поговорка, къ слову сказашь ее, Бояринъ: вóронъ вóрону не выключеши глаза.«

»Да поспой, не мѣшай ему, Князь; вишь онъ говорилъ не о вóронъ, а о соколъ, какъ онъ напустилъ его....« началъ было Князь Данило Холмской, также прищучивая.

»Ха, ха, ха!« перервалъ его Верейской; »пакъ онъ кабана-то правилъ соколомъ? Эпо все равно, чпо ему самому съсипъ верхомъ на клопа: оба не далеко уѣдушъ.«

»Вѣспимо, на блоху не усядешся; па воспра больно, да рѣзва—сшибеши еще!« сказалъ Холмскій.

»А колпакъ-то поперялъ, а то бы годился, чпобъ изъ него выкроишь сѣдло для эпакого коня,« прибавилъ Федоръ Давыдовичъ.

»Ему Дядя Князь Великій передаетъ съ Богатырки попѣшника своего, поль-

ко съ шѣмъ, чшобъ самъ носилъ его; а скинешь, такъ приколопаяшь гвоздями.»

» Ахъ, ты молодой — къ слову ска-
зашь—бѣлогубой Князекъ! Мнѣ ужъ ско-
ро минешь два сорока лѣтъ, а ты—къ
слову сказашь — цыпленокъ! Чшо пвой
умишка?... Мякинью, восковой! На тебѣ,
— къ слову сказашь — спыдно, грѣш-
но серчаешь,» возразилъ ему Мамонъ, при-
мѣрно озлобясь.

» Грѣшно! спыдно! За чѣмъ же ты
серчаешь? А еще два сорока лѣтъ шу-
повспвуешь на бѣломъ свѣтѣ. Вѣдь я
эпо къ слову сказалъ,» отвѣчалъ Верей-
ской.

Пока всѣ Бояре обспутили Мамона,
шупили и прунили надъ нимъ, Захарій
косился на вожапаго своего, копорый
впащилъ его покрываго на дворъ и
жаловался на него Оболенскому, на чшо
сей, смѣясь, отвѣчалъ ему, чшо эпо
Бояринъ Григорій Селифоньевичъ Още-
ра, также любимецъ Великокняжескій и

Совѣтной мужъ. Назарій же, опошедъ въ спорону, прислушивался чпенію сполбца, копорое раздавалось изъ со-сѣдней комнапы, называемой *приспѣм-ною*, голосомъ спепеннаго Ключника:

»Господарь и Великой Князь Іоаннъ Васильевичъ указалъ нынече бытъ пир-ному сполу своему шако:

изъ яствъ подавать:

»Сперва наперва спавишь: павлинь жареной; опосля сего разносишь: спудень изъ говяжьичъ ногъ, да икру зер-ниспую, да рыбину Волжскую, а неспи ее на большой серебряной посудинѣ премъ сильнымъ гриднямъ: Ивашкѣ, Хрипуну, да Бѣлому; за ней слѣдуешь: щука паровая живая, оладья шѣльная живой рыбы, лещъ паровой, спина бѣлой рыбицы, уха щучья, пирогъ съ шѣломъ живой рыбы, коровай просыпной, щуки голова живая, двѣ полголовы осе-прей свѣжихъ, шежка бѣлужья.

» Съ кормоваго двора приказныхъ
 яспвѣ взявъ папорокъ лебединъ подъ
 шафраннымъ взваромъ, да рябъ окраши-
 ванъ съ попрохомъ гусинымъ, да гусь
 жаркой, да порося жаркое, да куря въ
 кальѣ, да куря въ лапшѣ, да куря въ
 щахъ богапыхъ, да перепеча крупиче-
 шая въ шри лопапки недомѣрокъ, да
 курникъ подсыпанъ яицы, да пирогъ,
 съ бараниною, да блюдо пироговъ ки-
 слыхъ съ сыромъ, да блюдо жаворон-
 ковъ, да блюдо блиновъ шонкихъ, да
 блюдо пироговъ съ яицы, да блюдо сыр-
 никовъ, да блюдо карасей съ бараниною,
 да пирогъ росольной, да коровай яцкій,
 да блюдо пироговъ жареныхъ, да ушя
 жареное съ подливкою, да взваръ слад-
 кій съ пшеномъ и съ ягоды, съ перцомъ,
 да съ шафраномъ, да греночки, да горо-
 шекъ зобанецъ холодной, да киселекъ
 клюковной съ медомъ, да кашка шерпа
 съ маковымъ сочкомъ, да хлѣбцы слад-
 кіе кругличапки, да горшочекъ папоки

съ инбиремъ, горшочекъ мазули съ инбиремъ, да придесять шишки ядеръ.

» Изъ пипья успавишь на *столъ пирной* вина заморскія: Греческія, Фряжскія, Венеціанскія и Волжскія, Ренскія и малвазію съ ярлыками.

» Меда не почапые, имбирные: клюковные, яблочные, бѣлые, красные и крѣпкіе съ хмѣлемъ.

Закуски:

» Ковришка большая, гербъ Великокняжескій; вторая коричная голова большая пряничная (*), расписана съ цвѣпомъ

(*) Нѣкоторые полагають, что печенье пряниковъ заимствовано отъ образа жерпвъ, какія въ древности сѣверные Славяне приносили *Свѣтовиду* и *Перуну*. Жрецы ихъ жерпвовали имъ огромной величины хлѣбами, замѣшанными на меду. По моему мнѣнію, они попому названы пряниками, что въ нихъ клали много пряностей.

узорочная, вѣсомъ два пуда двадцать фун-
шовъ; лебедь, ушя, голубь шаковые же;
городъ Кремль съ людьми конными и
пѣшими, съ гвоздикою. Марципанъ боль-
шой на пяти кругахъ. Тридцать блюдъ
на разныхъ пряныхъ зеліяхъ, по фун-
ту въ блюдъ. Ягодъ смоквей полъящи-
ка, вѣсомъ пятнадцать фуншовъ; сука-
шу, шепшалы, яблоковъ мошкапныхъ,
имбирю въ папокъ, всего на всего спо
двадцать блюдъ.

» На споль уложишь всякихъ посудинъ:

» Серебряныхъ сосудовъ тридцать
блюдъ безъ одного, да пять мисъ, да ук-
сусница серебряная, да перечница позоло-
чена; да двѣ солонки большія, да три ма-
лыхъ гладкихъ, да двадцать съ пяпкомъ
ложекъ, да семь ковшовъ, да семь чарокъ
гладкихъ, да осьмая чарка съ полкою;
да три кубка, да двѣ большія чарки
хрустальной грани, да пять малыхъ,

спекла изъ голуба обода позолочены, да рогъ круговой, да принадесять спаканы, да ковшъ большой съ съченой ручкой, да сковорода большая съ вѣнцомъ, да серебряникъ, да судки каменные.

» Изъ драгоценныхъ, что сохраняются въ замочныхъ кладовыхъ, вынеспи щадательно и успавишь:

» Два кубка сердоликовые, при чары съ жемчужинами, брапина разночеканенная большая позолоченая, ковшъ сердоликовый съ крупными алмазинами, чаша яшмовая, два рога съ градинами бирюза, пять большихъ серебряныхъ, одно золопое липое, да шесць малыхъ серебряныхъ съ камнями.»

На семь мѣстѣ Назарій былъ прерванъ внезапнымъ хохотомъ, громко раздавшимся по сводамъ комнапы, и увидалъ, что шоварищъ его, Захарій, спер-

ва зѣвавшій на глянцовишыя обои спѣнныя, соскучился и спалъ подкрадовапсья къ шолѣ разговаривающихъ Боярѣ. На шу бѣду, подмѣшилъ его Мамонъ и узнавъ, грозно взглянулъ на него. Захарій выпалилъ въ него спрѣлами своихъ взоровъ и такимъ образомъ спали они насупясь всмапривапсья другъ въ друга.

Топчасъ примѣпили всѣ пѣпушиную выспавку сію и захохопали.

»Эпо чпо еще за звѣрь! Знапъ, пѣнъ Мамонова. Нѣпъ, одинъ ворошаепся, а другой, какъ вкопанной, споипъ! Вопъ, говоряпъ, чпо гора съ горой не сходипся! и проч.« заголосили было иные смѣло, не боясь обидѣпъ незнакомца, ибо Захарій не обѣщаль собою ни сколько знапноспи; но въ вдругъ раздалось: »Тсъ-съ!... Князь Великій!...« И съ словомъ симъ двери въ Красную Палапу распахнулись.

Описаніе внутренности Красной Палаты корошко: тогда еще въ Россіи мало имѣли вкуса и матеріаловъ для уборки комнапъ. Спѣны оной были обипы позлащенными Голландскими кожами; на одной споронѣ ея висѣли двѣ большія карпины въ кипарисныхъ рамахъ, изображающія припчу: о блудномъ сынѣ и о трехъ отроцехъ, въ пещи сожженныхъ, вѣроятно вывезенныя изъ Греціи Великою Княгинею Софіею Ооминишиною, копорыя почипались тогда большею рѣдкостію; на другой споронѣ въ пакихъ же рамахъ висѣло нѣсколько карпинъ мозаической живописи (*), представляющихъ ппичекъ и рыбокъ

(*) Сія живопись составляетъ изъ разноцвѣпныхъ камушковъ, или кусочковъ спекла и эмали, разбираемыхъ по пѣнямъ. Основаніе къ сему есть густая масшика; поверхность карпины полируется. Изобрѣпеніе сего искусства приписываютъ восточнымъ народамъ. У Грековъ и Римлянъ

въ различномъ положеніи; полъ былъ
 успанъ широкими Персидскими ковра-
 ми, хипрой шкани. Про передній уголъ
 и расположенную на немъ большую
 божницу и говоришь нечего. Иконы го-
 рѣли, какъ жаръ; дорогіе камни и жем-
 чужины, унизывавшія золошые вѣнцы
 ихъ, блиспали переливчипыми цвѣща-
 ми и огнями, какъ охваченные пламе-
 немъ.

Великій Князь, одѣшый въ богапо-
 убранную изъ золошой парчи фerezею,
 по копорой ярко мелькали самоцвѣш-
 ные каменья и зарукавья коей приспе-
 гивались золошыми, въ грецкой орѣхъ,

доведено оно было до высочайшей степени со-
 вершенства. Къ намъ въ Россію введено вскорѣ
 послѣ принятія Русскими Греко-Россійской вѣ-
 ры, Греческими художниками. Подобныя карпи-
 ны и до нынѣ еспѣ въ Кіевѣ въ Софійской цер-
 кви. Это еспѣ механическая и болѣе шрудная,
 чѣмъ изящная работа, за то очень прочна.

пуговицами, въ бармы (*), копорыя были убраны яхонтами, величественно сидѣлъ на разслащенномъ пронѣ съ рѣзнымъ невысокимъ задкомъ изъ слоновой кости, на копоромъ накинута была малиноваго цвѣта бархатная полоса съ серебряною бахрамою; передъ нимъ стоялъ серебряный столъ съ позолоченымъ подножіемъ; не далеко въ сторону столбецъ съ полочками, на копорыхъ красовалась споловая утварь, представляющая всякаго рода звѣрей и птицъ, липыхъ изъ чистаго золота и серебра: коней, оленей, зайцевъ, павлиновъ съ золотыми крыльями, журавлей, буселовъ, пеликановъ, спроусовъ, лебедей, фазановъ и проч.

Надъ головою у него висѣла искусно утвержденная къ пополку богатая корона, иллюминированная разноцвѣтными дорогими камнями, копорую обвивалъ

(*) Или оплечья.

складками своими голубой парчи балдахинъ, по коему мелькали серебряныя звѣздочки и копорый держался еще на двухъ копьяхъ, водруженныхъ креспъ на креспъ подъ нимъ и увишыхъ цвѣпочными гирляндами. По обѣимъ споронамъ прона его спояли оруженосцы или шѣлохранители его, называемые *Рындами* (*), въ бѣлыхъ длинныхъ апласныхъ кафшанахъ и въ высокихъ опушенныхъ соболями шапкахъ на головахъ; на правомъ плечѣ держали они маленькіе попорики съ длинными серебряными рукоятками. Они спояли, попуя очи и не смѣли шевельнуться.

Низко начали кланяться ~~впередъ~~

(*) Одни полагаютъ, что это слово Татарское, другіе же правдоподобіе утверждаютъ, что оно происходитъ отъ Россійскаго глагола: *ринуться* или *ринуться*, т. е. броситься въ то мгновеніе, въ которое услышатъ Государево слово.

кому Князю, вошедши въ храмину его. Онъ и самъ ласково привѣщилъ ихъ милоспивыми опклонами своими. Каждый по очереди подносилъ ему на большихъ блюдахъ разную хлѣбъ соль, какъ по: короваи, сгибни, имянинные пироги и проч. На блюдѣ подъ ними лежало еще по нѣскольку пенязей. Князь Михаилъ Верейскій, опецъ Василья Верейскаго, давно уже былъ у него и поднесъ ему серебряное блюдо, на коемъ грудю насыпаны были разные дорогіе каменья. Великій Князь, принимая опъ cadaго Боярина хлѣбъ соль, подавалъ ему въ знакъ милоспи своей цѣловашъ руку (*) и спавилъ дары предъ себя на сѣстѣ съ благодарноспію.

Когда покончились поздравленія, возшелъ духовникъ его и началъ *молит-*

(*) Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ III ввелъ первый въ обыкновеніе: *цѣлованіе Монаршей руки.*

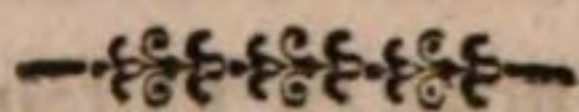
ву говорить; попомъ поспавилъ предъ иконами водосвященныя свѣчи, освятилъ воду и, обогнувъ Сибирскими соболями сосудъ, въ копоромъ она находилась, поднесъ ее Великому Князю, окропилъ его, Бояръ и всѣхъ находящихся въ храминѣ людей. Великій Князь вспалъ съ своего мѣста, приложился къ живописуемому Креспу и поднятому изъ Успенскаго Собора образу Св. Великаго Георгія, высѣченнаго изъ камня (*) и за нимъ спали исполняющіе эпо и прочіе.

Послѣ сего вдругъ раскинулись сподвижники для Великаго Князя, за которыми онъ долженъ былъ сидѣть съ Князьями Верейскими; другой, гораздо подалѣе отъ него, называемый Окольнымими, для избранныхъ и ближнихъ

(*) Сей образъ вывезла изъ Рима Великая Княгиня Софія Ооминишна.

Бояръ его; а прешій *кривой* или опдаленный для прочихъ Бояръ Окольныхъ и Думныхъ дворянъ. Пока они покрывались скапершями, а Бояре, чинно обспавъ пронъ его, вели рѣчь съ нимъ, Князь Сприга Оболенскій, взявъ за руку Назарія съ Захаріемъ, спалъ продирапсья къ нему, на чпо всѣ Бояре смопрѣли изумленно; но онъ, взявшись бышъ предспавишелемъ и вожапымъ ихъ, исполнилъ эпо, подошелъ предъ Великаго Князя и низко поклонившись ему, сказалъ: »Предспавляю шебѣ, Государю и Великому Князю моему, сихъ ~~двухъ людинъ~~ ~~Вопт эпошъ~~« говорилъ онъ, указывая на Назарія, »еспъ Посадникъ Новгородскаго Вѣча; а сей,« указывая на Захарія, »Дьякъ Вѣча. Оба они прибыли къ шебѣ, Великому Князю и Господарю своему, съ дѣлами, подлежащими до шебя, а посланы къ шебѣ соборомъ всего Вѣча.« И сказавъ сіе, Оболенскій, опяпъ поклонившись, опошелъ къ споронѣ.

Кшо бы предувѣдомленъ былъ наблю-
дашь видоизмѣненіе лица Великаго Кня-
зя, легко примѣшилъ бы, какъ вдругъ
засвѣпились взоры его при наимено-
ваніи ихъ искрами радости. Но онъ
былъ понкій полипикъ своего вѣка и,
не давъ никому замѣпить сего, снй-
сходипельно, но равнодушно опклани-
вался сюрпризнымъ госпямъ своимъ: онъ
ожидалъ ихъ, но не шакъ скоро. Послѣ
чего вспалъ съ своего прона и вышелъ
въ другую храмину, подавъ имъ знакъ
слѣдовапъ за собою.

ГЛАВА II.

Немаловажный разговоръ Назарія съ Великимъ Княземъ. Изумленіе. Поздравленіе. Пиръ. Разговоры. Новое лицо. Скоморохи. Нѣсколько забавныхъ сценъ. Грамота къ Новгородцамъ. Прощаніе. Пѣсня богатырки.

Такъ Богъ велѣлъ! Предъ Нимъ смирись,
Прими съ любовью крестъ тяжелый,
Терпи, надѣйся и молись;
Онъ самъ носилъ вѣнецъ терновый!
Не унывай — не смѣй роптать;
Терпи — въ спрдааньи благодашь.

Козловъ.

»Ну что, созрѣли ли думы пвои? Рѣшилсѣ ли пы бышь спасишелемъ опе-

чеспва своего?» спросилъ Іоаннъ Назарія.

»Опечеспво мое вопишъ къ тебѣ о помощи. Избавъ его опъ крамольниковъ и огради силою власпи пвоей. Передаю тебѣ его неискупно.... невозврати-мо.... Государь! накажи беззаконіе, припупи жало злоспи.... но не припѣснй, защипи и награди досподолжно добро,« отвѣчалъ Назарій.

»Судъ и правду держу я въ рукахъ. Теперъ дѣло спѣло. Съ закапомъ нынѣшняго же дня умчися гонецъ мой къ Новгородцамъ съ записью, въ коп-рой воздамъ я имъ благодарноспъ и милоспъ за ихъ образумленіе. Пуспъ дивуюпся они сему произшеспвію; но когда узряшъ рукоприложеніе пвое и Вѣчеваго Дьяка ихъ, должны будушъ рѣшипся. Иначе дружины мои промнушъ опяшъ дорожку къ спѣнамъ измѣнниковъ, на копорой время еще не

совсѣмъ заволокло слѣды ихъ, и тогда ужъ я выпышаю изъ нихъ признаніе эпо по неволѣ.»

» Государь! мечъ швой не обсохъ еще, а ты уже думаешь опяшь о крови!.... Не заславъ меня каяпсья, какъ Іуду, и....«

» Даю тебѣ слово кляпвенное: ни одна кровинка не скапишся на родную землю швою, если они не будутъ упорспвовапъ; и тогда даже я буду шщишся беречь ее: она Русская, моя.»

» Понимаю: мершвишъ, но не умерщвляшъ,« возразилъ значипельно Назарій.

»Рабъ мой! вспомни, предъ кѣмъ ты споишъ и съ кѣмъ дерзаешь коришся? Возьми въ разсужденіе шо, что и безъ крошкихъ мѣръ, я соспою въ мочи налягнушъ на Новгородъ мечемъ своимъ и разрушишъ его въ прахъ!« вскричалъ съ негодованіемъ Іоаннъ, и глаза его

сверкнули гнѣвомъ и лице зацвѣпилось багрянцемъ неудовольспвія.

»Государь! яви милоспѣ, проспи меня!« сказалъ Назарій, покорно преклоня колѣна. »Возьми въ разсужденіе и самъ,« продолжалъ онъ, закрывая руками лице свое, »чшо опдаю я шебѣ, и на кого канепѣ прокляпіе....«

»Вспань! Я прощаю и понимаю шебя. Если пы признаешъ справедливыми слова мои и даешъ вѣру тому мнѣнію, чшо когда земляки пвои мечами своими не сполько защищаюпся, сколько дорываюпѣ шебѣ гибельную пропаспѣ, шо согласись: не должно ли вынупѣ орудія изъ рукъ ихъ? Если же они не спанупѣ добровольно опдавапѣ его, шо надобно вырвапѣ насильно; иначе они, какъ дѣши, шолько опорѣжупся имѣ. Просвѣши же душу свою споксойспвіемъ и надѣяніемъ на меня.«

»Я дѣло свое покончилъ и опъ тебѣ наконецъ услыхалъ слово леспное. Съ меня довольно.«

Іоаннъ, принявъ на себя опяпъ ласковый видъ, оборопился къ Захарію и спросилъ его: »А пы доволенъ ли, Дьякъ?

»Я не прочъ. Съ моей спороны чпо обѣщано, все исполнипся,« опвѣчалъ Захарій, переминаясь.

»И съ моей 'поже,« сказалъ Іоаннъ и, опыскавъ въ сундукъ своемъ съ желѣзными обручьями кису, пуго набишую деньгами, поднесъ къ Назарію и сказалъ: »Знаю тебѣ давно и попому не могу предложипъ о приняпії сего. Чѣмъ же наградишъ тебѣ? Говори смѣло!«

»Вѣчною милоспїю швоею къ старой опчинѣ швоей, новопрїобрѣпаемой побою въ вѣчное и нераздѣльное владѣніе, Золопо же швое горишъ, какъ жаръ; я

спрашусь принявъ его: оно прожжешъ руку мою; звукъ его будитъ совѣсть, а не усыпляетъ ее. Благодарность Вышнему! она еще зряча во мнѣ; благодарность и тебѣ, Государь, что ты не обижаешь меня подношеніемъ госпинца своего. Всѣ сокровища Московскія скудны ослѣпили очи души моей. Разумъ, доблестъ швоя подкупили меня, закалили въ швою полную волю. Также и не спрахъ грома оружій швоихъ вынудили изъ меня рѣшимость передаться тебѣ. Не сколько мечемъ, сколько рѣчью пронзаешь ты грудь! — Теперь я весь швой,« говорилъ Назарій.

Государь милоспиво взглянулъ на него и крѣпко пожалъ ему руку, копорую онъ жарко поцѣловалъ, и мимошедши съ нимъ въ прапезную палату, опустилъ въ согбенныя руки Захарія, опвергнушую Назаріемъ кису, копорую принялъ сей съ довольною улыбкою

неопказно и, вѣрояпно шакже опасаясь, чшобъ она не прожгла его ладоней, шопчасъ опшопырилъ ею пазуху свою.

Накрытые сполы ломились опть множесшва посшавленныхъ на нихъ блюдъ, чаръ, почаръ, спопъ и брапинъ. Чашники, Коровайники и Гридни суешились шолпами около ихъ. Великій Князь, войдя съ веселымъ лицомъ въ кругъ *верховыхъ* (*) своихъ, объявилъ имъ, чшо Новгородцы прислали сихъ двухъ имениныхъ мужей поклонись ему и назвашь его *Государемъ своимъ*, опть лица Архіепископа, Вѣча и всего Великаго Новгорода. »Изгошовься съ провожапою дружиною ѣхапъ къ нимъ въ навечерьѣ. Я хочу съ ними обослапъся вѣспью и спросипъ ихъ: чшо разумѣюпъ они подъ эшимъ названіемъ?» опшесся онъ къ Боярину Ѳедору Давыдовичу.

(*) Тогда придворные назывались *Верховыми*.

«Чшо разумѣшь болѣе,» отвѣчалъ Федоръ Давыдовичъ и прочіе, послѣ общаго изумленія, »какъ не совершенное покореніе ихъ подъ власць швою, Государь!»

Топчасъ начались шумныя поздравленія и восклицанія непришворной радости. »Насилу-шо хвапились за умъ! — Чшо, видно Липва-шо не по губѣ пришла! — Не какъ прежде шаращились! — Спѣшили мы ихъ! — Теперь одной грудью будемъ опсшпаивать Русь свяшую! — Теперь пора ближайшую сосѣдку, Тверь, добышь мечемъ!» вскричалъ кпо-шо. »Вѣспимо!» подхвапили другіе. »Вишь, слухиносясь, будшо и къ нимъ Липва бѣсовская привела чуму свою!»

Великій Князь Іоаннъ, какъ я уже сказалъ, бывъ шонкимъ полишникомъ своего вѣка, замѣпилъ, чшо въ волнахъ радостнаго народа расплескалась его шайна, замышленная имъ шакже давно,

и желая скрышь ее до времени подъ спудомъ молчанія, поспѣшилъ прервашь общій говоръ. Топчасъ повелѣлъ онъ *Бирюгамъ* (*) разгласишь народу о причинѣ прибытія пословъ Новгородскаго Вѣча, и выкапишь имъ еще нѣсколько бочекъ вина; а госпямъ своимъ указалъ, помолившись, приспустишь къ ожидающей ихъ прапезѣ.

Топчасъ всѣ сполы обсѣли. Предъ каждымъ госпемъ лежали шипые по концамъ упиральники, или полопенца изъ Фламандскаго полошна, копорыми Бояре упирали бороды свои; а передъ Великимъ Княземъ лежалъ шелковый упиральникъ съ бахрамою. Назарію Іоаннъ назначилъ сидѣшь за Окольникымъ споломъ съ избранными Сановниками двора своего; а Захарію, копораго, еще до принятія имъ денегъ, проникъ онъ

(*) Провозглашаемымъ.

орлинымъ взоромъ своимъ, опредѣлилъ прапезовавъ за кривымъ споломъ съ прочими младшими Верховыми.

Лишь только широкія лавки, обспавленныя около споловъ и покрышыя длинными полоспьями и суконными подушками, замѣспились госпями, Гридни сняли со спола Велико-Княжескаго огромный, сладкій (*) пирогъ, помѣщеннй на золопомъ блюдѣ, разломили его надъ головою имянинника, и чѣмъ болѣе просыпалось изъ него начинки, тѣмъ сыпнѣе и благополучнѣе (обыкновенно) предсказывали жипъ ему. Тупъ же зазвучали заздравные кубки (**) и гря-

(*) Печъ въ имянины сладкій пирогъ еспъ весьма древнее обыкновеніе. Опъ сего имяниннику обрекали жипъ сладко.

(**) Пишъ за здоровье ведется обыкновеніе также издревле; оно почипалось желаніемъ, чпобъ и впредъ многократпо праздновалъ ему эппотъ день.

нуль хоръ *делественниковъ*, или пѣв-
чихъ Дьяковъ, копорые пѣли, всѣми
спаницами перемѣняясь, большія спи-
хиры изъ праздниковъ и періодій со
всякимъ благочиніемъ.

Пѣвчіе кончили свое дѣло. Начался
сполъ. Великій Князь, изъ поспавлен-
ныхъ предъ нимъ жареныхъ павлиновъ,
попробовавъ маленькимъ ножичкомъ,
копорый изъ нихъ лучше, велѣлъ снятъ
ихъ со спола. Спольники вынесли ихъ
вонъ; попомъ, разрѣзавъ всѣхъ, поспа-
вили опяшь предъ нимъ въ малыхъ ми-
сахъ, въ каждой по чепыре куска. Ве-
ликій Князь опъ каждого блюда, давъ
опвѣдашь напередъ ближайшему къ не-
му Спольнику, опрѣзывалъ по въ помъ,
по въ другомъ мѣсцѣ часъ, кушалъ
самъ, подчивалъ сидящихъ съ нимъ и, въ
знакъ особенной милоспи, ссылалъ съ
своей шарелки, кого хопѣлъ опличить.
Въ числѣ шаковыхъ находился и Наза-

рій. Подачку его принимали Бояре, привспавъ и кланяясь, и начинали ѣспѣ. Кпо же кого любилъ, или искалъ чьей любви, по прикушивалъ съ нимъ изъ одного сосуда вино и медъ (*).

Новгородскіе послы-самозванцы, изъ копорыхъ Назарій сдѣлался болѣе чшимъ, не смопря на все прежнее, сидѣли врознь,

(*) Обычай сей наши предки приняли опъ Грековъ вмѣспѣ съ Хриспїанспвомъ, пишепъ *Олеарій*. Онъ говоритъ, чпо пипъ изъ одного сосуда и прикасапся губами своими къ помужъ мѣспу, было у Грековъ и у Римлянъ знакомъ изъясненія любовной спраспи. Они думали, чпо чрезъ по возбуждается любовь съ особъ, копорая будепъ пипъ послъ, къ поѣ, копорая изъ тогожъ сосуда пила прежде, чрезъ приложеніе губъ къ одному мѣспу. Женщины не давали мужчинамъ того сосуда, изъ копорого онъ самъ пили; но сіи перехватывали у нихъ. *Болтинъ* въ примѣчаніяхъ своихъ полагаетъ, чпо у насъ при вѣнчаніи даютъ пипъ изъ одной чаши сочетавающимся также для того, чпобъ приложеніемъ губъ къ одному мѣспу сопряци взаимною спраспию сердца сочетавающихся.

но не далеко другъ опъ друга, ибо почепный или окольничій споль заднимъ концомъ своимъ досягалъ почпи передняго конца криваго спола, а Велико-Княжескій былъ опдаленъ, и попому разговоръ могъ бытъ общій и живой въ гульливой бесѣдѣ Боярѣ, копорые уже были въ хмѣлевомъ разгулѣ.

»Ну-ка, ради пріятспива, опкушайка, чеспный госпъ,« говорилъ Бояринъ Ощера Захарію, насмѣшливо улыбаясь и пропягивая къ нему руку.

»Да развѣ онъ чеспный? Вѣдь онъ Дьякъ! Спало бытъ *кривосудѣ*,« шепнулъ ему попихоньку сосѣдъ его, Бояринъ Василій Сабуровъ.

Между шѣмъ Захарій, пыхпша и возясь съ кушаньемъ, взглянулъ на подчивавшаго, узналъ его, покосился и, молча, опшполкнувъ опъ себя обѣими руками покалъ, опяпъ принялся ѣспъ.

»За чшожъ такое нелюбіе?« продол-

жалъ Ощера. »А давича еще я прию-
шилъ себя опъ пѣснопы и напора.«

» Полно его задобривашь-по, а вгля-
дись-ка лучше въ него; самъ сознаешься:
ни дашь ни взяшь нашъ ярышка,« шеп-
нулъ ему опянь Сабуровъ.

» Торовашь ты больно, Бояринъ, на
чужое добро,« сказалъ вслушавшійся На-
зарій Ощеръ.

» Да и не кспапи,« примолвилъ Ма-
монъ. »Ужъ пошь и пакъ покраснѣлъ,
какъ вареный ракъ, или.....«

» Или ты!« подхвапилъ Назарій. »По-
мнѣ лучше цвѣспи макомъ, нежели
имѣшь и лице и душу, похожія на са-
пожное голенище.«

Ощера, бывши смугль, принялъ эпо
на свой счепъ и, нахмурившись, про-
изнесъ: »Бышь можешъ, мы позакопши-
лись опъ Новгородскихъ спѣнъ, когда
онъ горѣли Московскимъ огнемъ и ког-

да горожанъ ихъ мы гнали, какъ собакъ на смычкахъ, пушипъ....»

» Вѣрно за то водили вы ихъ на смычкахъ, чпо они больно кусали васъ?« спросилъ его Назарій хладнокровно.

» Нѣпъ, мы умѣли опкусывапсья; а за то, чпо эпи захребепники (*) носили подъ одной шапкой двѣ рожи: однимъ глазомъ плакали, а другимъ примаргивали, смѣясь.»

» А вамъ ужъ было не до смѣха?«

» Эпимъ не кори насъ. Не мало и я ушапшывалъ прупы земляковъ швоихъ, когда шелъ на городъ не пропоренной еще ни кѣмъ дорожкой,« говорилъ сердцпо Ощера, спуская по сполу зазвонной, дѣдовской чарой, опъ чего влага плескалась изъ нее къ нему на блюдо.

» Чпожъ мудренаго, чпо шелъ по прупамъ! На падалъ всегда накидывающся вороны!« сказалъ Назарій.

(*) Или бапраки.

Подъ снѣгомъ сшароспи, опушавшемъ чело Боярина Ѳедора Давыдовича, давно уже искрился взглядъ негодованія на споръ госпей, превратившійся уже въ брань. Зная задорныя замашки и надѣяніе Ощеры на любовь Велико-Княжескую, онъ его обвинялъ, и замѣшая, что онъ гошовъ былъ дерзко и со гнѣвомъ оповѣщая Назарію, предупредилъ его:

»Ну что ты замѣшался, Анцифоръ Селифонповичъ,« сказалъ онъ, »въ нашу рѣчь, копорую мы вели пріязненно съ чшимымъ посломъ Новгородскимъ? Со- знайся, швое дѣло не право.«

»Да я шолько еще хопѣлъ допросишь эшого шеспника (*), откуда ихъ брашья нащичили сполько золоша и серебра, что у шоварища его, думаешся мнѣ, надорвалась пазуха шоскапъ мѣшокъ, копорый, какъ не забишъ въ ней, но не ушайлся, какъ шило въ мѣшкѣ?

(*) Пришлеца.

Да и въ землѣ-по ихъ, бывало, моя дружина черпала, да распаскивала шапками деньги. Ужъ эта рѣчь не наносная, а явно-видная. Гнѣздо-по ихъ не добрый припонъ. Около спуденаго моря, должно бышь, съ грѣшкомъ пополамъ дѣляпся они совѣспью своею.»

»Чпо касается до меня,« возразилъ ему гордо Назарій, »по мечъ порукой всякому, чпо я удоспоиваю видѣшь и носишь золопо шолько на клинкѣ его, да на шишакѣ.»

»Не серчай на него, Бояринъ!« сказали почпи оба вмѣспѣ Ѳедоръ Давыдовичъ и Князь Сприга Оболенскій. »Языкъ его занозиспѣ; да и законъ вѣжливоспи писанъ не про него.»

»Я берегу гнѣвъ свой для людей и не пращу его на....« опвѣчалъ было равнодушно Назарій; но вдругъ слова его прервались спраннымъ звукомъ, раздавшимся сзади. Дверь быспро опкину-

лась, всѣ обернулись и увидали входящаго въ нее мѣрными шагами маленькаго человѣка въ ярко-нарядномъ полукафтанѣ, оцвѣченнаго блесками и разными нашивками и пуговицами. Головной уборъ его состоялъ изъ колпака, украшеннаго сзади и спереди широкими золопыми лиспами, копорые, возвышаясь по взадъ, по впередъ, на подобіе салшановъ, изгибались. Это былъ попѣшникъ Великаго Князя, прозванный Богатыркой, съ плушовскимъ лицомъ и большою головой; одна щека у него была наперста сажей, а другая красной краской; въ ушахъ же мошались длинныя серги, какъ у Индѣйца. За собою велъ онъ большую толпу скомороховъ съ побрякушками; въ рукахъ его была булава, на коей шевелились маленькіе колокольчики, и коей онъ ежеминутно повертывалъ, производя звукъ, посредствомъ копораго управлялъ своею командою, ввѣренною ему въ полное распоряженіе.

»Богатырка! Бѣсенокъ! Щенокъ!« раздалось со всѣхъ споронъ. »Сюда, сюда!«

»Тсъ-съ! саранча, лягушки, чпо вы заквакали?« опвѣчалъ онъ. »Али еще голодны, прожоры? — Иваша!« продолжалъ онъ, подойдя къ Великому Князю, »чпо они безчинничають, не чпуть насъ съ побою. Ты бѣ ихъ велѣлъ накормишь на своей псарнѣ.«

Великій Князь далъ ему кусокъ пирога; онъ махнулъ булавой своей скомоухамъ; шѣ развернулись, подперлись подъ бока руками и зачали скакать, прихлопывая въ ладони и присвисывая; а воевода ихъ взялъ подачку въ обѣ руки, помѣспился около спола на полъ, и шолько чпо началъ было ѣспѣ, какъ Василій Михайловичъ Верейскій вышибъ у него пирогъ.

»Эхъ, Василько!« опвѣчалъ онъ съ досадою; »все ваше племя завидливо: одни у другихъ опнимають, коль завидяшъ

чно въ лапахъ, да не своихъ. Вопъ погоди, я буду Великимъ Княземъ, пакъ самъ буду умѣть шѣшипсь надъ вашимъ брапомъ, маленькими Князьками.»

Вдругъ на него вылилъ сзади кпо-по цѣлую мису щей, опъ копорой колпакъ его расплылся и покривился.

»Ай, ай!« закричалъ онъ, и подъ грохотомъ смѣха бросился къ Боярину Мамону, и бывши весь мокрый, обнялъ онъ его крѣпко, прижался къ нему, впился руками въ его шолспую шею, повисъ на ней, какъ хомутъ на шеѣ вола, и продолжалъ кричать: »Заспупись, бранище! вели вынеспи меня опсюда. Тушъ все дураки, пакъ намъ съ шобю, къ слову сказапъ, опъ нихъ жипья не будепъ.«

Общій смѣхъ удвоился, а удушенный почпи Мамонъ насилу выперся изъ него, и взбѣшенный и замаранный имъ, хопѣлъ схвапипъ его за волосы; но уверпливый Богапырко проскочилъ изъ

подъ рукъ его и оспавилъ въ нихъ шолько одинъ измяшый колпакъ свой.

» Чпо, не по тебѣ оргамакъ-опъ! Смоприпе, Бояринъ опбилъ себѣ колпакъ-по! Эка завозная рѣдкоспъ! Чпо жъ, вѣдь онъ и къ нему приспанешъ!« раздались голоса.

» А! пощенокъ прокляшый, уѣрзгнулъ! Ябъ те закинулъ, къ слову сказапъ, за при девяпъ земель въ придесапое государспво!...« вскричалъ Мамонъ, замахнувшись. »Да еще я тебя доѣду!« прибавилъ онъ, пригрозясь и оправляясь, и бросился за Богапыркой.

Но Богапырко, бывъ проворнѣе его, началъ кружиться около спола и поддразнивать гонителя своего: »Брапище не лягайся; пузомъ зацѣпишься, такъ распянешься, а я тебя шупъ и осѣдлаю, какъ намѣсь козла.«

»Придержипе! вопъ такъ, такъ! Тиснипе его, къ слову сказапъ, хорошень-

ко, чшобъ пѣпухомъ запѣлъ!« кричалъ успалый Мамонъ. Когда Захарій схватилъ бѣжавшаго мимо его Богапырку за булаву и шпануль сильно къ себѣ, но сей вдругъ пуспилъ ее, Захарій перевѣсилъ, и еслибъ не набѣжалъ на него Мамонъ, то онъ покапился бѣ навзничь; но сей поддержалъ его наскокомъ своимъ и они полько чшо чмокнулись лбами; предметъ же ихъ ловипвы былъ уже далеко опъ нихъ. Онъ подбѣжалъ къ Великому Князю и, умученный, усѣлся у ногъ его, зная, чшо безопаснѣе сего мѣста для него не было.

»Охъ, охъ, Иваща!« говорилъ онъ, »не сполько они меня умучили, сколько оглушили. Ну, какъ крѣпки лбы у Бояръ, словно мѣдные! инда своды запряслись! Эпакъ я скоро попаду въ Боярина, пакъ и я смѣло на вспрѣчу обуху пойду. Да пуспъ ихъ бодаюпся, мнѣ чшо въ чужемъ пиру принимапъ похмѣлье? Только вопъ чшо: опкуда взялся другой-шо

Мамонъ? Да какой же узорочный! Здравствуй, здравствуй, новый брашъ!« кричалъ онъ, кивая головою Захарію. »Кпожъ изъ насъ проихъ будешъ большимъ-по? Ужъ вы меня шибко изобидѣли: опняли и копакъ и палку. Дѣлишесь же, а я у Иваши въ замѣну сего выпрошусь въ Новгородскіе Намѣспники, взберусь на Вѣчевый колоколъ, сяду на него верхомъ, чшобъ бышъ виднѣе, да и спану опшуда кричащъ указы. Ужъ, не бось, при мнѣ не взбуншующся горожане. Ну, право, развѣ лучше меня шамошніе Дѣяки-по? Вошъ чшо значишъ бышъ безъ головы, хошъ шуловищей-по и много! Ну, Иваша,« сказалъ онъ, вскочивъ весело, »опдаешъ чшо ли, хошъ колоколъ-по одинъ? А не шо сидѣшъ же ему въ прудѣ когда нибудъ по швоему же наказу.«

»Ты будешъ шамъ висѣшъ подлѣ него, коли хочешъ!« сказалъ Великій Князь съ сердцемъ и пакъ толкнулъ его но-

гою, чпо онъ упаль и, опіходя въ спору, почесываль голову и говорилъ: »Ну, ну, шы все себѣ хочешъ! Возьми, возьми, полько чпобѣ не оглушилъ онъ шебя.«

Общій смѣхъ покончился; послѣдняя чаша изъ спрофокамилова яйца, оправленная золопомъ, обнеслась кругомъ и пресыщенные госпи, зашумя оподвигающимися скамьями, вспали, помолились Богу, низко преклонились предъ Великимъ Княземъ за хлѣбъ, за соль и спали не вдалекѣ опъ него съ поджашыми руками и въ глубокомъ молчаніи.

Назарій, обидясь словами Богапырки, шепнулъ Оболенскому давнишнее желаніе свое выдши, и спаль прощапсья съ Великимъ Княземъ и благодарипъ его за всѣ ласки и милоспи; но Великій Князь просилъ его пообождапъ.

Скоморохи заскакали опяпъ; Князь Василій Верейскій съ Боярами начали

шрунишъ надъ Богапыркой, а между
 шѣмъ Великій Князь повелѣлъ принесть
 запись и заспавилъ Дьяка, принесшаго
 ее, чипашъ вслухъ, что повелѣлъ онъ
 ему написашъ, и Дьякъ, при глубокомъ
 молчаніи всѣхъ, началъ: »Осподарь всея
 земли Русскія и Великій Князь Москов-
 скій, Володимирскій, Псковскій, Болгар-
 скій, Рязанскій, Воложскій, Ржевскій,
 Бельскій, Росповскій, Ярославскій, Бѣ-
 лозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондій-
 скій и иныхъ земель опчинъ и дѣдичъ
 и наслѣдникъ и обладапель, Іоаннъ Ва-
 сильевичъ, посылаетъ опчинъ своей
 Великому Новгороду запросъ съ ближ-
 нимъ Бояриномъ своимъ и Великимъ
 Воеводою, Ѳедоромъ Давыдовичемъ: что
 разумѣваешь народъ его опчины, подъ
 именемъ *Государя* вмѣсто *Господина*,
 коимъ назвали его прибывшіе опъ нихъ
 послы Архіепископскіе: Сановникъ Наза-
 рій и Дьякъ Вѣча Захарій? Имупъ ли
 они желаніе видѣшъ власъ *Судную* въ

однѣхъ его рукахъ и хопяшъ ли при-
сягнушъ ему, какъ *полному* Власпише-
лю, единспвенному Законодашелю и Су-
дїи непричасному, не имѣшъ у себя
Тїуновъ, кромѣ Княжескихъ, и опдашъ
ему Дворъ Ярославлевъ, древнее мѣсто
Вѣча? Если такъ, то онъ посылаетъ
имъ милость свою и скоро имѣетъ
вспутитъ во владѣніе своихъ праот-
цевъ. Сїю записъ скрѣпилъ печатникъ
печатью Велико-Княжескою, Князь Юрѣя
Паприкѣевъ. Писалъ ее Дьякъ Анцифо-
рикъ по рѣклу (*) *Шершавый.*»

По прочпеніи сего, Великій Князь
повелѣлъ приложитъ руки Назарію и
Захарію, что они и исполнили. Послѣ
сего Ѳедоръ Давыдовичъ принялъ ее отъ
Великаго Князя съ почпеніемъ и обер-
нувъ щадательно харпїю въ камку,
спрягалъ ее, и переговоря въ полголоса

(*) По прозванью.

съ Великимъ Княземъ, поклонился ему и вышелъ поспѣшно изъ Палаты.

»Бышь войнѣ!« говорили нѣкоторые Бояре пихомолкомъ.—»Да не миновашь!« отвѣчали другіе также пихонько.

»Дѣло сдѣлано; полно кручиниться!« сказалъ Сприга Оболенскій задумавшемуся Назарію.

»Да, не воропишь!« отвѣчалъ Назарій. »Теперь, можешь, ужъ роковая записъ мчится....«

»Не только врага моихъ хоромишь, но и сердце всегда тебѣ открыто, честный Бояринъ!« сказалъ Великій Князь Назарію, прощаясь съ нимъ.

Захарій и не замѣпилъ ихъ ухода. Подружась крѣпко съ Мамономъ, онъ жарко разсуждалъ съ нимъ о чемъ-то. Общее приключеніе, особливо несчастливое, всегда соединяетъ людей корешками связями; но Богатырко, находясь подлѣ Великаго Князя, также преважно

раскланивался съ Назаріемъ, копорый, чупъ не плача, выходилъ съ прочими Боярами, мало по малу пакже выбиравшимися изъ Палапы, и когда всѣ вышли, Богапырка чинно подошелъ къ Великому Князю и спросилъ его: »А меня куда ушлешь? Въ семинебныя края чпо ли? Или оспавишь вмѣспо себя вѣдашь Москву?«

» Дуракъ прѣспый!« опвѣчалъ ему Великій Князь: »куда пы, какъ вѣронъ вѣщій или ворона каркунья глупая, прорѣкаешь мнѣ идпи?«

Богапырка, не опнесясь къ нему, запѣлъ:

Собирался бѣлый Царь,
Православный Государь,
Пиръ пировать!

Навезли на эпопъ пиръ
Все мечей, да бердышей,
Мечъ кладенецъ.

Вопъ ужъ пыль клубить съ земли,
Вопъ забрежжали вдали
Панцырь, да шишакъ.

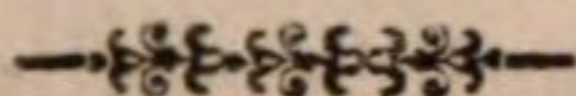
То гоново для Царя:
За спуденныя моря
Бдесть онъ госпитъ.

У Новгорода привалъ;
Всѣхъ на смерть и на повалъ
Будесть онъ рубить.

» А я тебѣ говорю, чпо пвоя корчага близъ попора, и если болпунъ-языкъ пвой не уймется молопъ еще чпо нибудь, похожее на эпо, по я велю далеко опметнунъ его!...« сказалъ съ примѣпною досадою Великій Князь, давъ ему пощочину, и вышелъ съ мрачнымъ видомъ.

» Если моя корчага близъ пвоей, по ей не сдобровапъ: скапипся съ плечъ—эпо я давно знаю.... Плохо тебѣ, Богатырка! Да чпожъ я думаю? Гдѣ ножи, памъ скорѣй опорѣжишься. Ходи по нипкѣ, говори по норову, поспупай

по заказу, да поспись молчаньемъ. Нѣтъ,
съ разумными, да съ грозными не мое
жишье; пакъ ульнужь опсюда. Правда
мнѣ медвѣдемъ кажепся, а я ей; а двумъ
медвѣдямъ въ одной берлогѣ не ужишь-
ся. Возьму свиреспелку и запрублю
себѣ походъ,» говорилъ онъ, убѣгая.

ГЛАВА III.

Прогулка. Живописныя мѣста Крутицкаго и Симонова монастыря. Первая сцена Русскихъ забавъ: пѣсни и пляски. Вторая сцена: кулачный бой. Возвращение. Удивительная встрѣча. Еще неожиданная встрѣча. Изумление, предчувствіе и сомнѣніе.

Васильковою лазурью
Здѣсь плѣniają небеса;
Подъ рушительною бурью
Здѣсь не могутъ пастъ лѣса;
Здѣсь душа въ лугахъ шелковыхъ,
Жизнь и въ камняхъ и въ водахъ!

* *

Изъ-за сумрачныхъ, высокихъ елей,
ярко пылая, далеко мелькалъ крестъ

церкви, сооруженной на грозныхъ кру-
пизнахъ горъ; мимо его извивалась
пропинка, пропиоппанная на косогорѣ
скаль опшельниками и богомольцами;
по увалу крупы берега, росъ молодой
березникъ и накидывалъ шѣнь свою на
спокойный прозрачный хруспаль водѣ,
изъ подѣ въпвей коего выскакивали ду-
бравные жипели и распилались въ лесу
своемѣ надѣ водой въ проспранномѣ
привольи, ловя мошекъ; а съ макушекъ
елей и сосенъ раздавались пронзитель-
ныя карканья воронъ и грачей. Осень
приготовлялась уже грозиться на при-
роду, а между окресной зелени мель-
кали кой гдѣ желтые листья; дикія
пшцы, выпархивая изъ прибрежнаго
куспаря, спайлись въ воздухѣ; бѣлки
ѣрзгали за добычей своей по орѣшнику,
а перепелки шныряли по сжатымъ по-
лямъ.

По пропинкѣ, пролегающей около
шѣнь монастыря, опдѣляя рукой

сплешііся вѣшви, шелъ Назарій съ Княземъ Спригою Оболенскимъ съ молчаніемъ восхищительнымъ, любуясь окресностями. Лѣсъ, освѣщенный солнцемъ, казался раззолоченнымъ, а вода подъ нимъ то сверкала, то скрывалась въ шѣни лѣсовъ, то опяшь показывалась и ясна, то лазурью, то сыплю солнечныхъ искръ, разбросанныхъ въ нихъ дребезгами. Долго молчалъ Назарій; наконецъ произнесъ:

» У кого душа больна, поплъ пущъ подивуеппся Божьимъ созданиемъ: святое тепло прогрѣетъ ее и все пройдетъ! Скажи, по какимъ мѣстамъ водишь пыменя? Какъ зовутся они: эплъ храмъ Господень, рѣка и лѣсъ? Ужъ мы, кажись, далеко за Москвой?

» Да на порядкахъ,« отвѣчалъ Оболенскій. »Вопъ и Крупицкій Монастырь (*). Лѣсъ эплъ прозывается также Кру-

(*) Монастыри были внѣ города: Крупицкій, Симоновъ, Андроньевъ, Срѣтенскій и Даниловъ.

пицкимъ, а внизу въ крупныхъ берегахъ капишся Москва рѣка. Вѣдь мы прогуливаемся добрыхъ часа два послѣ Княжеской прапезы; не пора ли назадъ? Я тебѣ покажу еще кое чшо.»

» Нѣтъ, дай мнѣ насмотрѣться досыща на Москву. Русь благодатная! опъ чего не здѣсь я родился? А какъ все хорошо здѣсь! Какія крѣпкія бойницы на монастырскихъ спѣнахъ (*)!»

Задумчиво шедши по лѣсу, выбрались они на оплогую долину и сѣли опдохнуть подъ широколиственный склонъ дуба, копорый, какъ балдахинъ, размахивался надъ ними густыми вѣтвями своими; подъ ногами ихъ — пихо лепепали дремопныя волны Москвы-рѣки, лебезя берега свои и въ нихъ опражаясь; чупъ, чупъ двигалось небесное

(*) Монастыри старинные строились на высопѣхъ и съ бойницами, не для украшенія, но для защиты опъ враговъ.

свѣпило съ голубымъ полемъ своимъ. Все было тихо, только издали слышалось завыванье иволги, а вблизи видѣлся куликъ, блистая разноцвѣтными перышками своими и ударяя носомъ такшу о кору дерева, да журчалъ гдѣ-то ручей, разбѣгаясь съ горы въ рѣку. За ними мерцалъ другой храмовой крестъ: это былъ Симоновъ Монастырь съ своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, а издали предъ ними сверкали кой гдѣ маковки Московскихъ церквей.

»Вонъ вдали, по ту сторону, Даниловъ монастырь,« сказалъ Оболонскій: »его еще строилъ *Калита*, да пущь и упокойшь себя повелѣлъ; а поправѣй-то Андроньевъ: его строилъ Св. Алексѣй Мипрополищъ, рассказываютъ, будто за спасеніе отъ бури, по обѣщанію. За спѣнами его хитрый Фрязинъ опыскалъ лучшую глину для спроеваго снадобья.«

Долго сидѣли они молча и послѣ сего Оболенскій повелѣ Назарія по возвращенной дорогѣ опянь въ Москву черезъ рощи и поля, и оспановилъ особенное вниманіе его на Лубянкѣ у Никольскихъ воротъ, подлѣ церкви Гребневской Божіей Матери, сказавъ:

» Эшопъ храмъ сооруженъ недавно въ благодарность Пречистой Божіей Матери за усмиреніе Новгородцевъ. Въ немъ естъ предѣлъ Св. Іоанна Новгородскаго.«

Назарій помолился и, не сказавъ ни слова, пошелъ далѣе. Взошедъ въ Кипай (*) городъ на полое мѣсто (**), онъ спросилъ: » Чшождъ сіе мѣсто не заселено?«

» Здѣсь бываюшъ поединки,« отвѣчалъ Оболенскій. » Но пы опянь закручинился. Пойдемъ лучше, я повожу

(*) *Китай* естъ названіе Тапарское, означающее *средній*.

(**) Гдѣ нынѣ церковь: Троица на поляхъ.

пебя памъ, гдѣ Москва нынѣче въ гуль-
левомъ разгарѣ.»

Они повернули влѣво и скоро вышли
на Васильевской лугъ (*), гдѣ показалась
имъ подъ заслоною нѣсколькихъ деревъ
маленькая пещерка, на шемени и бокахъ
коей зеленѣлась шрава и мохъ; она бы-
ла окружена гориспыми мѣспами, на
коихъ были расположены сады, называ-
емые пакже Васильевскими.

» Вошъ эпу пещеру, разсказываюшъ
сшарожилы—не знаю, правда ли—ископалъ
Василій Блаженный,» сказалъ Оболенскій.
» Православные со всякимъ благочеспѣемъ
ходяшъ поклонись на эпо мѣспо,
особливо одержимые недугомъ, и по-
чпи всѣ, ужъ вѣспимо крѣпко вѣрую-
ще въ силу Господню, бываюшъ изцѣ-
лены. А вошъ въ эпихъ садахъ соби-
раепся молодежъ и веселипся въ праз-
дничные дни: поюшъ и пляшутъ и по-
пиваюшъ медъ кипучій.»

(*) Гдѣ нынѣ Варварскія ворота.

И въ самомъ дѣлѣ, скоро слышались имъ звуки гудковъ (1), волюнокъ (2),

(1) Гудокъ, скрипкѣ подобный, о прехъ спрунахъ, инструменти, на копоромъ играли также, какъ и на скрипкѣ посредствомъ смычка, держа самый инструментъ рукою вверхъ. Онъ есть самый древнѣйшій въ Россіи и объ немъ упоминается въ нѣкоторыхъ весьма старинныхъ, въ честь языческихъ божествъ, сочиненныхъ пѣсняхъ.

(2) Музическое орудіе, состоящее изъ коженаго пузыря, надуваемаго чрезъ прикрѣпленную сверху прубочку; въ нижнемъ же концѣ привязывающіяся двѣ разной величины и различнаго опверспія деревянныя прубки, чрезъ копорыя выходящій воздухъ составляетъ голоса басыя, а прешья небольшая дудочка съ опверспіями, копорыя заворяя пальцами и опворяя, игрокъ даетъ разныя напряженія голосамъ. Волюнки употребительны особенно въ Малороссіи, но къ намъ перешли, сочинитель Хронологическаго Словоря говоритъ, отъ Финскихъ или лучше предковъ ихъ, Сарматскихъ народовъ, и также есть весьма древній инструментъ.

варгановъ (3), балалаекъ (4) и гуслей (5), также подлады шазовъ и сково-

(3) Малое желѣзное, также Мусикійское орудіе, на копоромъ играють приложя его къ зубамъ. Онъ особливо упопрѣбипеленъ въ Малороссіи, куда принесенъ вѣроятно изъ Польши, получившей его изъ Германіи, гдѣ, какъ и въ нѣкопрыхъ другихъ Европейскихъ Государствахъ, упопрѣбипеленъ онъ съ давнихъ временъ. Въ великой Россіи онъ не самый древній; о немъ говоришся и въ Дополненіяхъ къ Дѣяніямъ Петра Великаго. Сверхъ сего были еще инспрументы: свирѣли, гудки, жилейки и рожки.

(4) Балалайка причисляется также къ Мусикійскимъ орудіямъ, съ ладами, о двухъ и прехъ спрунахъ, когда и кѣмъ изобрѣшена, неизвѣстно. Сочинипели новѣйшей Французской энциклопедіи называютъ ее Русскимъ инспрументомъ; но Россійская Академія въ словарь своемъ названіе *балалайка* производитъ опъ Тапарскаго языка, что кажешся вѣроятнѣе, что она изобрѣшена Ташарами во время ихъ владычеспва надъ Россією и заимспвована опъ нихъ Русскими. Она еспъ изъ числа древнѣйшихъ Россійскихъ музыкальныхъ инспрументовъ.

(5) Сей инспрументъ упопрѣбипеленъ въ Россіи съ давнихъ же временъ и, кажешся, съ тѣхъ

родъ (1); свирѣли, дудки, жилейки, рожки раздавались шумъ же и опъ смѣшенія всѣхъ сихъ инструменшовъ выходилъ спранный и непріятный разладъ; но въ погдашнее время чѣмъ громче былъ звукъ, тѣмъ охопнѣ всякій возбуждался веселиться подъ него. Всякая кучка народа была занята собственнымъ удовольствіемъ; кто не хотѣлъ участвовати въ игрѣ на инструментахъ, тотъ присоединялся къ толпѣ пѣвчихъ и въ разныхъ мѣстахъ слышны были разныя пѣсни: хороводныя, святочные, плясовыя (2) и проч.

поръ, какъ Россіяне спали имѣлъ чаще обращеніе съ Греками, опъ которыхъ безъ сомнѣнія его и занимовали.

- (1) Что въ нѣкоторыхъ опдаленныхъ опъ Споллицы городахъ видно и доннѣ.
- (2) Вкусъ и правильность въ пѣніи предковъ нашихъ началъ образоваться съ самаго введенія Христіанской вѣры. По свидѣтельству Новгородскаго Архіепископа Іоакима, извѣстно, что прибывшій въ Кіевъ изъ Константинополя пер-

Иные весельчаки, опважно загнувъ головы вверхъ, одною рукою подбоченясь, а другою прищелкивая, плавно высипу-пали на сцену забавъ, переплепались, свивались, развивались, по двигались чуть чуть, по громко припопшывали ногами, разходясь въ разныя спороны, и изъявляли пѣлодвиженіями своими попеременно: по радоспѣ, по печаль, по любовь, по волокипсво, по опіказъ и опчаяніе. Женскій полъ, надобно замѣшишь, былъ совершенно опдѣленъ

вѣй Россійскій Мипрополипъ Михаилъ, въ числѣ многихъ духовныхъ особъ, привезъ съ собою и демеспвенниковъ, п. е. пѣвчихъ изъ Славянъ. Въ царспвованіе же Ярослава І, въ 1053 году, прибывшій также изъ Царяграда Мипрополипъ Георгій привезъ съ собою прехъ чело-вѣкъ пѣвчихъ съ ихъ семейспвами, копорые учили въ Россіи пѣпѣ на восемь голосовъ, опличая церковное пѣніе опъ мѣрскихъ пѣсенъ; сему искусству обучали и женскій полъ, что видно изъ Испоріи Княжны Анны, дочери Великаго Князя Всеволода І.

опѣ мужескаго: собравъ подругъ своихъ и знакомицъ, веселились онѣ, зимою, въ свѣплицахъ перемовъ своихъ игрою въ жмурки, посидѣлки и проч.; а лѣпомъ за высокими пынами заборовъ на дворѣ и въ садахъ, шамъ слышались кое гдѣ также визги пѣсенъ ихъ. Онѣ пѣшились еще скаканьемъ на доскахъ (1), качались на качеляхъ (2) вислыхъ, горизонтальныхъ и круглыхъ, и плавно плясали веселыми группами въ хороводныхъ играхъ, мелькая алыми ленпами

(1) Кой гдѣ продолжается эша забава и донынѣ между просполоудинами.

(2) Упоупребленіе качелей было извѣстно въ Россіи еще до временъ Великаго Князя Владиміра І-го. Тогда онѣ назывались *колыскы*. Особенно забавлялись ими въ дни Св. Апостолъ Пепра и Павла и Св. Іоанна Креспипеля. Всѣ сіи роды качелей весьма упоупребипельны въ Воспочныхъ спранахъ, опкуда вѣрояпно перешли и въ Россію.

въ косникахъ (1), а молодицы, п. е. замужнія, высокими кокошниками (2) своими съ жемчужными поднизями.

(1) Дѣвицы наши волосы свои заплепали въ косу, копорая, низвѣшиваясь, оканчивалась косникомъ или прехугольнымъ банпомъ, шириною въ два аршина и болѣе, копорый состоялъ изъ шелковой ткани и былъ унизанъ въ узоръ разноцвѣтнымъ бисеромъ, а у богатыхъ жемчугомъ и дорогими каменьями. Косу заплепали сколько можно слабѣе, дабы она была шире, раздѣливъ волосы на множество прядей и перевивъ ихъ золотыми нитками, коею спарались закрѣпить всю шею отъ самыхъ ушей, и чпобъ она низвѣшивалась по спинѣ постепенно суживаясь до самаго косника. Такимъ образомъ заплепанная коса представляла видъ искусно связанной рѣшетки.

(2) Кокошники еспь и донныѣ. Оспапки сего головного убора видѣть можно во многихъ малыхъ городахъ на купеческихъ, мѣщанскихъ и креспьянскихъ женахъ; между ими была и донныѣ еспь разности, чпо въ нѣкоторыхъ провинціяхъ дѣлывали ихъ круглыми, шириною вершковъ пять или шесть и довольно низко къ лицу наклоненными, на подобіе шляпнаго

Мужчины же свободно во всякомъ привольи разгуливали удалыми шолпами по полямъ и садамъ своимъ. Запѣвало, посреди кучки, съ краснымъ плашкомъ въ рукѣ, высшупалъ впередъ, а за нимъ и прочіе пѣсельники; по споронамъ играла молодежь въ бабки и свайку (1), а спарики въ длинныхъ кафпанахъ и въ высокихъ шапкахъ съ широкими окладистыми бородами, сидя на дубовыхъ скамьяхъ, иные проспо на лужайкѣ, нянчали внучатъ своихъ и, вспоминая свои попѣхи бывшія, любовались дѣшми, радовались ихъ весельемъ, ободряли опличавшихся молодцевъ по-

поля, когда оно опустился, а въ другихъ дѣлывали ихъ весьма мало наклоненными вышиною въ полъ-аршина и порчащими вверхъ клиномъ на подобіе Гренадерской шапки.

(1) Сіи игры заимствованы опъ Греческихъ игръ: *ὀμιλλα* (Имилла) и *ἀσπράγγος* (Аспрагала) и суть весьма древнія.

хвалами и осушали за ихъ здоровье тяжелье кубки меда Русскаго и вина заморскаго, приговаривая: »когда спарики пьюпъ, эпо поминки молодоспи; когдажъ молодые—эпо вспрыски новой жизни.«

Обсмопрѣвъ всѣ роды игръ и забавъ, Назарій съ Оболенскимъ сѣли на лошадей и поѣхали сперва на Неглинный подоль (1), потомъ окольными пупями спали добираться до Драчевскаго поля (2), гдѣ Оболенскій хопѣль показашъ госпю своему еще одну забаву Москвитянь. »Тамъ,« говорилъ онъ, »бываюпъ жаркіе бои въ Воскресные и другіе праздничные дни, особенно по зимамъ на сваяпкахъ и масляной недѣли; погда

(1) Такъ называлась нижняя часть города, между Кремлемъ и Москвою рѣкою.

(2) Гдѣ нынѣ находится церковь во имя Николы на Драчахъ. Тамъ въ спарину были кулачные бои, отъ чего и мѣсто эпо сохранило сіе названіе.

даже Бояре нѣкопорые учаспвовали въ нихъ.»

Солнце закапывалось уже на западъ багрянымъ щипомъ и роняло огни свои въ пихія воды мимо лежащихъ прудовъ и озеръ, около коихъ ходили плошовщики и собирали замышныя или плашомойныя пошчины. На всякомъ мѣспѣ и во всѣхъ замѣшенъ былъ поржеспвенный день; всѣ работы, даже полевыя, были опложены. Хлѣбные колосья и зеленосочныя яровыя, успавленные въ спройные снопы, перевѣшивали полновѣсныя головки свои. Всѣ рабочіе люди спаями спѣшили предапсья скорѣй какому нибудь удовольспвію. Между Русскими опмѣчивались кой гдѣ и Тапары пирамидальными шапками своими. Надъ ними прунили Русскіе удалцы: »ишь,« говорили они, показывая на нихъ, »шапуны-по въ грѣшневикахъ своихъ полкающся, словно люди. Обжирѣли они, какъ быки въ заповѣдныхъ лугахъ! При-

вольно имъ на Руси: голова пуспа за-
бошами, за шо мамоны полны, пакъ
чшо хопъ шеперь же на бойну пащи.
Эки увальни! дашь бы имъ хопъ вере-
шена, а шо ни за чшо, ни про чшо
хлѣбъ жуюпъ, когда не спояпъ и мяки-
ны!»

» А чшо, брашцы, надоѣла вамъ эша
челядь?« спросилъ Назарій двухъ молод-
цевъ, шедшихъ на распашку поспѣш-
ными шагами къ мѣспу кулачнаго боя.

» Какъ же, Бояринъ,« опвѣчалъ одинъ,
поклонясь ему и попомъ опважно на-
кинувъ шапку свою на одно ухо. »Чшо
имъ прокляшымъ дѣеся за нашей ше-
ей? Какъ бѣльмо на глазу! Охъ! шолько
бы прицыкнули на эшихъ изувѣровъ,
въ первой же схвашкѣ вопъ какъ раз-
чесали бы ихъ, ажно пыль пошлабъ!«
говорилъ онъ озаршно, размахивая кула-
ками своими.

» Да самъ разсуди, Бояринъ« сказалъ
другой, »сердцу не вперпежъ видѣшь

инаго, хошъ бы, примѣрно сказашь, вонъ идешь, ишь какъ надулся, чпо и спаши себѣ не знаешь, словно *Губный Староста* (*). Такъ бы и польснулъ его!

» Да вы бы ихъ запрягали въ соху, да боронили ими поля свои,« сказалъ Назарій.

(*) Помощникъ *Вирника* или Уголовнаго Судьи. Симъ именемъ назывались у насъ чиновники, имѣвшіе власшь ловить всякаго вора и разбойника, и производишь надъ нимъ слѣдствіе; въ его вѣдѣніи ваходились пемницы и палачи. Названіе *губнаго* происходишь, по мнѣнію *Татищева*, опъ слова *губленія*. Симъ чиновникамъ въ уѣздахъ были раздѣлены *губы* или *дистрикты*. Сіе полкованіе сходно съ означенною въ 60й *спашѣ Судебника* и въ 21 главѣ Уложенія Царя *Алексѣя Михайловича*; но въ происхожденіи сего названія другіе сомнѣваются, чпобъ оно было Русское. *Гразговъ* говоришь, чпо начало онаго находишся въ древнемъ Германскомъ языкѣ, ибо шамъ вспрѣчаюшся слова: *губа*, *губники*, *нива*, *нивачи* и будпо *губа*, *губе*, *гуде*, *губонна*, *госфтуна* и проч. значишь деревенскую усадьбу, а *губники* поселяне.

» Мы бы ради,« отвѣчалъ первый молодецъ; »ужъ арасины не пожалѣли бы на ихъ спины, да вѣдь ихъ брапью не поднимешь и рочагами: лежатъ себѣ на боку, какъ медвѣди въ берлогахъ, или псы на завалинкахъ, да погрѣваются солнышкомъ. Забрали себѣ въ голову, чпо коли Ханъ ихъ власпвуешъ надъ Русью, шакъ и они шоже!«

» Какъ бы не шакъ! Проходишъ пора чеспвовапъ ихъ!« перервалъ его другой. »Теперь не удаспся эпой сволочи и съ Хамомъ (*) по своимъ заглянушъ въ Москву, шакъ какъ свиньямъ на небо. Ужъ оппилося окаянное ихъ племя Русскою кровью! Теперь нашъ чередъ....«

» Нишни!« сказалъ первый. »Чпо будешъ, по будешъ, а наше дѣло спояпъ крѣпче за свою правую спорону.«

» Да чпо мнѣ молчапъ о шомъ, о

(*) Такъ Русскіе звали въ насмѣшку Тапарскихъ Хановъ.

чемъ всѣ гласяпѣ,« началъ опять въпо-
рой. »Вѣдь эпи вѣспи не наносныя, не
по, чпобы вопѣ въ сей же мигѣ оспы-
ли на языкѣ: онѣ давно всѣмѣ вѣдомы;
а я шолько къ шому рѣчь веду, чпо
они сами нынѣче какѣбы припруши-
вапѣ спали. Намѣсь, давно уже еще по
зимѣ, какѣ ихѣ погнали изѣ Кремля и
оспавили безѣ приюша, одинѣ и забрал-
ся въ мою хибаренку, да и прошаепѣ
усердно, почпи слезно, погрѣшся, а
самѣ шакѣ и шрепыхчешся. Чпо видно,
молѣ, шы доморощенной въ шакихѣ го-
родахѣ, гдѣ не ознобишѣ бришую баш-
ку, а Русская зима шебѣ не по норову,
даромѣ, чпо въ мохнапой шапкѣ? Ужѣ
хопѣль было я его погрѣшѣ горячей
головней, да шакѣ спуспилѣ, блага чпо
самѣ зашелѣ.»

Рязговаривая шакимѣ образомѣ, услы-
хали они крикѣ съ Драчевскаго поля и
скоро увидали движущіяся шолпы и спа-

ли разсмапривапъ ближе мельканье рукъ и валящихся шапокъ.

Двѣ толпы, называющіяся спѣнками, подали уже сигналъ другъ другу къ началу драки свиспомъ. Мальчики, съ обѣихъ споронъ, выскакивали задирапъ другъ друга: шо бросались впередъ, шо подавались назадъ, уверпываясь опъ грозящихъ ударовъ, шо одна спѣнка напирала, а другая опхлынывала, шо послѣдняя, замая на выгодное для себя мѣспо пропивниковъ своихъ, накидывалась на нихъ съ искомъ и преслѣдывала ихъ. Одна изъ сихъ спѣнокъ примѣпно была слабѣе; лучшіе бойцы ея, находясь шо впереди, шо позади для поддержанія слабыхъ, не могли успояпъ опъ множеспва сильнѣйшихъ, и кшо не успѣвалъ опскакнупъ опъ ниспускающагося на него кулака, шопъ бросался скорѣй на землю, зная успавъ кулачнаго боя: *лежахаго не бить*; къ шо-

му же они бывали смяпы передними и не могли держаться на мѣспахъ своихъ.

Вдругъ на зашипу побѣжденной спѣнки явился молодой, не высокій, но широкоплѣчій дѣшина; онъ прибѣжалъ запыхавшись, спалъ и началъ оглядывать мѣсто побоища съ бодрымъ видомъ. Общій крикъ радости вспрышилъ его. »Тулякъ, Тулякъ!« закричали бойцы. »Ванька Огонь! поправляйся, ребяша!« Драка приоспановилась и прошивъ его гордо спалъ рослый мужичина, кривой, смуглый и рябой, насмѣшливо озирая малорослаго соперника своего.

Рослаго мужичину обспала своя полпа и закричала: »Ну-ка, давай его сюда! Много ли васъ супрошивъ нашего Рябчика? Чпо за смѣльчакъ! чпо за выскочка! Пуспъ онъ докудова съ духомъ собирешся, али ужъ приляжешъ загодя!«

»Ошспоронипесь-ка лучше ошъ своего-шо, а шо онъ придавишъ васъ всѣхъ, какъ начнешъ валишся!« кричала имъ на

оборопъ спѣнка, защищавшая Туляка, между пѣмъ какъ онъ перепянулся крѣпко накрѣпко, напянуль на руки свои кожаныя голицы съ выпушкою, смѣло оправиль шапку, гаркнуль: »пошелъ, наша!« — и пустился съ быспрошою соколиной.

» Ай да молодецъ! Знай нашихъ! Ишь какъ пошелъ, только чпо шапка мелькаешъ въ народъ, а пѣ валяпся по обѣ спороны. Вопъ хвапски-по работаешъ кулакомъ! Вопъ эпо по нашенски! Ну, и Рябчикъ повалился какъ снопъ, а нашъ-по такъ и выкраиваешъ себѣ дорогу, инда пыль валипъ сполбомъ! Побѣжим-ше, рябяша; опсюда не разглядишь, кпо въ ней капышется, да и попомочно спановишся,« говорили оспавшіеся успалые бойцы, съ радости припрыгивая и громко изъявляя воспоргъ свой хлопаньемъ въ ладоши; попомъ не выперпя бросились и вопль ихъ радости, смѣшав-

шійся съ криками дерущихся, раздавался уже вдали.

По черному облаченію природы посыпались уже блески луны, когда Назарій съ поварищемъ своимъ, насмопрѣвши досыпа на Москву, окрестности ея и забавы, возвращался въ веселомъ расположеніи духа домой. Ночь наступала тихая, молчаливая; мѣсяцъ, перебѣгая по шонкимъ облакамъ, по укрывалъ за ними чело свое, слабо какъ подъ флеромъ, по величественно выплывалъ на свободу и пререпный опблескъ его игралъ на сборчашыхъ кольцахъ конской сбруи прогуливавшихся.

Проѣзжая уже Кучково поле, примѣтили они, что кто-то перебирался по немъ, завидя ихъ, и спарался, перебѣжавъ имъ дорогу, скрыпсья въ близъ лежащихъ кустахъ. »Что это за оборотень? Человѣкъ, кажись, малъ, а заяцъ великъ!« сказалъ Назарій и, бывъ смѣлъ

сжалъ коня своего оспрогами (*), пу-
сшилсѣ за бѣглецомъ и, наспигнувъ его,
спросилъ: »Кпо шы паковъ?«

Вмѣсто опвѣща, сущесиво, кинувше-
ся подъ куспъ, вдругъ запѣло пѣшу-
хомъ и шакъ пронзительно, чпо ло-
шадь Назаріева форткнула и бросилась
въ спорону быспро, шакъ чпо онъ на-
силу усидѣлъ и удержалъ ее.

» Поспойка, я шевельну его нагайкою,
авось опкликнешся, да переспанешъ
прикидывапсья!« сказалъ, подѣхавши,
Оболенскій и замахнулся на лежащаго.

» Поспой, рука онѣмѣешъ! Здѣсь вѣдь
шы не дома: за меня заспушишся дядя
лѣсовикъ!« сказалъ кпо-шо хриплымъ
голосомъ, похожимъ на звукъ серебра.

Оболенскій нагнулся и вскричалъ изум-
ленно: »Ба! да эпо Богапырка! Какъ шы
здѣсь явился, опкуда и за чѣмъ?«

(*) Или по нынѣшнему названію: шпорами.

» Да мнѣ, видишь ты, приснился въ прошлую ночь сѣдой мужичекъ, весь съ кулачекъ, такой же, какъ я, и взялъ съ меня крѣпкое слово, чпобъ я ровно черезъ супки прилепѣлъ къ нему на седьмое небо. Здѣсь меня всѣ зазоряшъ, будпо я дуракъ; на чпо ужъ и вороны проходу не даюшъ, какъ покажешься на улицу: онѣ и закаркаюшъ надъ головою. Я подумалъ, подумалъ и впрямь между дураками попадешъ въ глупцы и рѣшился лепнушъ въ такую спорону, опкуда закидаю васъ дорогими каменьями пакъ щедро, какъ здѣсь улѣпляюшъ меня грязью!« говорилъ Богапырка и, поднявъ одну ногу, размахнулъ руками и закричалъ: »Прощайте, добрые люди, не поминайте меня лихомъ, а по шипунъ вамъ на языкъ, самимъ поперхнушъся недобрымъ словомъ!... Пуспиште же, поспоронишесь!.. Пора мнѣ!...«

» Полно шуповспвовашъ, разумница, а по я накормлю шебя березовой ка-

шицой на дорогу вмѣсто госпинца!«
сказалъ Оболенскій.

» Прямой ты Сприга-Ярыга некош-
ной! А я еще хопѣлъ сдѣлашь тебя по-
себѣ наслѣдникомъ и булаву свою оп-
дашь!« сказалъ Богапырка.

» Вопѣ чпо дивно мнѣ, чпо ты бѣ-
жалъ опѣ насъ, какъ спреножная лошадь,
и собрался, повидимому, въ дорогу, и су-
ма на плечахъ, какъ сѣдло на коровѣ,« го-
ворилъ, смѣясь, Назарій.

» Да бѣжалъ-то я попому, чпо хо-
пѣлъ вспрѣчапся полько съ людьми!«
опвѣчалъ Богапырка.

» Да за чѣмъ же ты укрывался опѣ
насъ и распянулся на эпомъ мѣспѣ?«
спросилъ его Оболенскій.

» А эпо попому, чпо я выпилъ на
цѣлый алпынѣ бузы (*) на прощанѣ
съ Москвой.

(*) Буза естъ видъ аржапа, напишокъ Тапарскій,
вошедшій въ употребленіе Велико-Россійской

» Да скорѣй ты опечешь весь, чѣмъ сдѣлаешься хмѣленъ опѣ нее!« сказалъ Назарій.

» А ты чпо? на войну чпо ли собрался, чпо самъ шныряешь по всѣмъ закаулкамъ нашимъ? Смопри, подмѣпишь тебя, шакъ избавишь палача опѣ шруда!...

» Цыцъ, озарной!« прикрикнулъ на него Оболенскій и хопѣлъ его ударишь, но вдругъ вдали послышался собачій лай и чей-то испуганный голосъ, умоляющій о помощи, въ какую спорону и обратились всѣ.

» Дальше опѣ дегпя, лучше не зама-раешься!« сказалъ Богапырка, увершываясь.

» Да эпо голосъ моего.... Какъ же ему сюда зайпи и за чѣмъ?« вскрикнулъ удивленный Назарій и обративъ лошадь

черни со времени обладанія Тапаръ надъ Россією. Дѣлается изъ проса и пьюшь его холодный.

свою, поскакалъ шипче, а за нимъ Оболенскій на зовъ голоса.

» Онъ самый! призналъ ты его!« сказалъ Богапырка. »Онъ провожалъ меня, а теперь должно быть чрезъ худую шапку свою, или лучше сказать, воронье гнѣздо, просѣваетъ горохъ, копорымъ я надѣлилъ его« и, захохотавъ имъ въ слѣдъ, скрылся.

Скоро Назарій съ Оболенскимъ обыскали Захарія, лежащаго на камнѣ близъ огорода, копорый обнесенъ былъ высокими жердями, перевишыми ивовыми веревками. Собаки перебили одежду его, а онъ кричалъ.

» Чшо ты, рѣпище чшо ли караулишь? Въдъ на эпомъ мѣспѣ мягко лежашь шолько покойникамъ!« спросилъ его Назарій, смѣясь и отгоняя отъ него собакъ.

» Охъ, да какъ же онъ провелъ меня!« отвѣчалъ, отдыхая и пыхпя съ усталости, Захарій.

» Да кшо, разскажи яснѣе?« приспали къ нему Оболенскій съ Назаріемъ.

» Да вошъ,« опвѣчалъ, собравшись съ духомъ, Захарій, »пошелъ я поразгуляпшся и вспрѣпился мнѣ эпощъ неприглядный бѣсенокъ Богапырка, заговорилъ, все вывѣдывалъ про нашу опчину, да шакъ кудряво, опкуда понабрался, прокляпый, а самъ завелъ ни весь куда, манилъ какими-шо наградами, а послѣ надо мной началъ насмѣхашся, обманывалъ улицами и сказалъ, чшо я найду дорогу какъ-шо по звѣздамъ, а самъ ускользнулъ. Я шогда ужъ спохвапился, чшо онъ меня проводишъ. Теперъ руки зудяшъ на нечеспивца, да поздно! Вѣдь такой охальникъ, завѣрилъ, чшо два вершка не болѣе до дома, какъ онъ меня покинулъ, я и приспалъ здѣсь опдохнушъ. Тупъ псы накинудись на меня и запормошили, если бы не вы. Вошъ далъ еще снеспи свинцовые орѣшки Ве-

ликому Князю. Вишь онъ къ нему много перешлешъ ихъ.»

Назарій съ Оболенскимъ, посмѣясь сперва надъ приключеніемъ Захарія и увидавъ пули, лежащія въ шапкѣ его, изумились, взглянули другъ на друга и значительнѣе покачали головами.

» Я знаю его: онъ черпу съ родни и въ ладу съ нимъ, оборопливъ и выверпливъ!« сказалъ Оболенскій, приговорясь бѣжать домой.

» Да, эпо чпо нибудь не даромъ. Кпо знаетъ, чпо держитъ онъ на умѣ?« опвчалъ Назарій и опправился задумчиво за поварищемъ своимъ.

Захарій, пожирая обоихъ ихъ изумленными глазами и не понимая ни слова, также поплелся....

ГЛАВА IV.

Новгородъ. Вѣчевый колоколъ. Суматоха. Вѣщаніе къ народу и молебствіе Архіепископа Теофила. Ночь. Теремъ Марѣы. Бесѣда Св. Зосимы съ нею. Разказы его о Соловецкомъ монастырѣ. Раска- яніе ея и благоговѣніе къ Св. Мужу. Роковое напоминовеніе. Общее неудовольствіе при раз- ставаніи.

По холмамъ грянуль грозный кликъ.
Какъ воешь боръ, какъ плещеть море!
Дружины вопяшь: горе, горе!

Кн. Анд. Переясл. Гл. 1.

Опколъ мнѣ такъ сладко вѣепъ?
Гдѣ та свяпая спорона,
Гдѣ все такъ жизнію свѣплѣепъ,
Гдѣ вѣчный жипель пишина?

Ө. Глинка.

Блѣдныя осеннія пучи перебѣгали по
небосклону; изъ нихъ сыпался мѣлкій

Часть II.

5

дождикъ на землю; опдаленныя горы и вершины были покрыты почно серебряною дымкою; въперъ порою бурливо завывалъ по ущельямъ, раскачивалъ макуши огромныхъ дубовъ и шумошилъ послѣдними желто-красными лиспами молодаго осинника; гладкая поверхность рѣки Волхова по взрывалась имъ и тогда разгнѣванная спихія будпо сердилась и клокопала, какъ кипяшокъ, по умирившіяся волны ея, тихо прикапываясь къ берегу, прижимались къ нему, едва ворочаясь, почно сонныя, по опяпъ разыгрывались буйнымъ разливомъ, опяпъ хлебешали и заливались со спономъ.

Вдругъ брякнулъ Вѣчевый колоколъ въ Новгородъ, еще разъ — и залился.... Вся окрестность, содрогаясь, заняла опъ звука его. Народъ, заслыша его, вздрогнулъ и повалилъ буйными и неспройными толпами на *Ярославлево Дворище*, кошорое окружала Вѣче, и зашопилась

множествомъ спѣснившихся гражданъ; рогатки, заслонявшія улицы, разкидывались и прещали опъ напора толпы: ибо это воззваніе огласилось рано поу-пру и они не были еще раздвинуты Ярышками.

» Чшо за невзгода грозится на насъ бѣдныхъ!« иные восклицали вслухъ, а иные только думали про себя, спѣша доспигнуть скорѣе двора Ярославлева, съ кошораго неся вѣщій и пронзительный звукъ колокола Вѣчеваго. Безъ всякаго порядка и благочинія къ сему священному для нихъ мѣсту, бросались нѣкоторые приспупомъ къ воропамъ и бошали въ нихъ, чѣмъ попало, угрожая выломить ихъ или сшибить каменьями звонаря, ежели ихъ поспѣшь не впуспяшь въ общее собраніе. Нѣсколько караульныхъ, иные съ бердышами, иные съ пищалями, чинно разѣзжавшіе округъ Двора, были смяты, а полусонные

Ярышки, мепавшієся въ изумленіи и хлопопахъ во всѣ спороны съ поднятыми палками своими, были бипы ими же. Наконецъ воропа скрипнули, народъ еще пѣснѣе прижался къ нимъ, скоро начали онѣ медленно разпворяпъ-ся—и онѣ съ шумомъ бросилса въ нихъ но пораженный внезапнымъ видѣніемъ, быспро сорвалъ съ себя шапки и опспупилъ.

Архієпископъ Теофилъ во всемъ облаченіи и съ Живошворящимъ Креспомъ въ рукахъ, сопровождаемый знапнѣйшими Сановниками, Посадниками города и клиросомъ, вдругъ появился предъ народомъ: »Люди дерзновенные!« сказалъ онъ грозно, »образумпесь! На чпо покушаепесь вы и предъ кѣмъ? Развѣ забыли вы, ослушники богопрошивные, предъ чѣимъ лицемъ предспоише? Смирпесь и приложише вниманіе къ грамотѣ, копорую прочпупъ вамъ. Но предваряю васъ, размыслише хорошень-

ко, о чемъ пишешъ къ вамъ законный Князь вашъ. Вошъ Намѣстникъ его,« говорилъ онъ, показывая на Боярина Ѳедора Давыдовича, бывшаго пупъ же, »прибывшій къ намъ вчера о вечерѣ. Не посрамите себя предъ нимъ, дайте въ душѣ вашей мѣсто гласу совѣсти и отвѣчайте ему кропко, что внушитъ вамъ разсудокъ. Наспало время рѣшительное. Опечеснво наше зыблется. Вы сыны его; я паспырь вашъ: мы должны поддержать его, успокоить, изцѣлить язвы, копорыя прежде нѣдрились въ самомъ сердцѣ его! Обдумайте, рѣшитесь и преклонимъ колѣна предъ Милосердой заступницей нашей Св. Софіею.»

По поданному опъ него знаку, посадникъ Яковъ Коробъ началъ чипать запросную грамоту Великаго Князя и, когда прочелъ, народъ ужаснулся и слышался глухо вняшный ропотъ: »Эпо

все Бояре, да Посадники мудряшъ, съекшаюшся съ Москвипянами, одаряюшся и шайкомъ опъ насъ обсылаюшся вѣспѣми, да записями!» раздался голосъ въ одной кучкѣ народа.

» За чѣмъ же Вѣче-шо успавлено, какъ не про всѣхъ? Чшо мы черныхъ сошенъ и слободъ людины, пакъ намъ и не повѣряюшъ умыслы свои. Вопъ опъ бѣлыхъ-шо и замарались. Дѣло вышло на разладъ, пакъ наши же руки и попянушъ жаръ загребашъ!» разнеслись клики изъ дальней толпы.

» Какъ же не пакъ! Чшо сами заварили, шо пуспъ и разхлебываюшъ сами!» сказалъ кшо-шо.

» Кшо опвращаешъ лице свое опъ блеска меча вражескаго, шошъ недо스포инъ называшся гражданиномъ Новгорода Великаго!» важно произнесъ Архіепископъ. Но дѣло не о томъ. Преніе наше должно свершиться во льгопу

опчизны; иначе месць Божія надъ нами!»

»Владыко свяпый!» началъ Тысяцкій Есиповъ, »пы самъ видишь, чпо всю судную власць порабощаетъ себѣ Намѣсникъ Велико-Княжескій. Когда это бывало? Когда Новгородцы клонили выи свои такъ низменно, какъ теперь предъ правишелемъ Московскимъ? Когда языкъ нашъ осквернялся доносами ложными, кпо изъ насъ былъ продавцемъ опечесшва своего?—Упадышь?... Казнь Божія свершилась надъ нимъ! Такъ да погибнушъ и новые предатели Назарій и Захарій! Мы высшавляли Князю Московскому оскорбишелей его, высшавъ и онъ намъ нашихъ!»

»Вѣспимо, мы вправѣ не покмо прошапъ, но испребовапъ это по договорнымъ грамопамъ!» закричалъ народъ громко.

»Поспойте, выслушайте меня, или

я слагаю теперь же санъ свой съ себя,« говорилъ Теофилъ, возвышая голосъ, заглушаемый народнымъ, и когда воцарилось уважительное къ нему молчаніе, онъ началъ опять: »Чьи очи изъ васъ не зрѣли бѣдспвій уничиженія и срамоты опечеспва, въ недавнемъ времени? Чей слухъ не былъ раздираемъ воплями соопечеспвенниковъ — брапій вашихъ? Чье сердце, содрогаясь, не соболѣзовало въ тѣ времена тяжкія? Кровь ваша не совсѣмъ еще высохла на спѣнахъ крѣпоспныхъ и вы, кичливые, опять спановитесь доспупны гордоспи, самонадѣянноспи и непослушанія; опять дадите пищу мечу вражескому, опять хопите упоить жажду его собспвенною кровью! Проклятъ попъ, кпо неправедную силу не опражаетъ силою, но вдвое попъ, кпо пропивиися правоптъ....«

» Владыко свяпый, да видишь Богъ, мы неповинны. Ты самъ видишь, — на

насъ налгали. *Новгородская честь, Новгородская дума!* Между нами предапели, *Гуды!* Эпакъ бы и *Липва* не поступила!« закричалъ опять народъ.

» *Дѣпи мои!*« отвѣчалъ кропко и величественно *Феофилъ*, »сознайпесь: чашу горшую должны допишь вы за прошедшую вину свою, ни чѣмъ не искуруемую. Не ропщипе же и допивайпее. Презрѣнные наушники злохипряптъ надъ вами: опклонипее опъ навѣповъ ихъ слухъ свой, будыпее перпѣливвы и предайпесь въ руцы Божіи. Мы обошлемся сперва съ *Княземъ*, обвинимъ предапелей и поклонимся ему; предапели же накажупся собственнымъ и грознымъ судомъ совѣспи своей, а опъ насъ да будуптъ они преданы анафемъ!.... Пойдемпее жъ, преклонимпее колѣна предъ *Пресполомъ* *Всевышняго*: эпо будептъ священнымъ началомъ нашего дѣла!« Сказавъ сіе, онъ снялъ клобукъ

свой, благоговѣйно перекрестился и пошелъ....

» Анаѳема измѣнникамъ!« подхвапиль поржеспвенно клиросъ.

» Анаѳемъ, да будущъ преданы анаѳемъ измѣнники — предашли опечеспва!« подхвапиль еще народъ и, заголося прокляпие, опправились всѣ за Духовнымъ Владыкою своимъ.

Карпина спройная и величеспвенная развилась во храмъ Св. Софїи (*), когда благочеспивый Архіепископъ, облаченный въ крещапую ризу (**), съ паспвой

(*) Основанный Княземъ Владиміромъ, сыномъ Ярослава Великаго. Новгородцы особенно уважали ее и восклицали при всѣхъ важныхъ событіяхъ своихъ: »съ нами Богъ! умремъ за Св. Софїю.« Эпопъ храмъ одинъ оспался памяпникомъ древняго Новгорода.

(**) Прислан. въ 1352 г. Пепромъ Онлоѳеемъ Архіепископу Василю. Сей первый изъ Русскаго духовенспва носилъ оную. Въ тамошней ризницѣ хранился еще облаченіе Епископа Никипы, посохъ, верен и желѣзная лампада. см. *Достоп. Русскія.*

своей преклонилъ колѣна предъ алтаремъ и клиросъ запѣлъ голосомъ умилипельнымъ молишву: *Царю Небесный....* Окончивъ ее, онъ сказалъ вдохновенно: »Царь Небесный услышишъ насъ, когда мы dokonчимъ благословенное начало; но громъ его не замедлишъ разразиться въ прошивныхъ поспупкахъ. Опяшъ повпоряю вамъ: будемъ кропки и перпѣливы. Видите ли въ куполъ образъ Спасителя со сжапою десницею вмѣсто благословляющей? »Азъ бо,« въщаль гласъ писавшему сѣю икону (*), »въ сей руцѣ моей держу Великій Новгородъ; когда же сѣя рука моя распространится, тогда будетъ и граду сему окончаніе.«

Распроганный народъ, послѣ сего молился почивающимъ шамъ мощамъ: Святишелю Никишъ, Печерскому зашворни-

(*) Въ Новгородѣ ешъ преданіе, что живописцу, писавшему сѣю икону, повелѣно было свыше такъ изобразить ее.

ку (1), Благовѣрному Князю Владиміру Ярославичу (2) и Свяшюй Благовѣрной Княгинѣ Аннѣ, мапери его; приложился къ Евангелію писанному Св. Пименомъ (3) и иконамъ Всемилоспиваго Спаса и премудроспи Божіей Пепира и Павла (4); попомъ вышелъ на паперпъ, поклонил-ся праху Архіерея Іоакима (5) и, освѣ-женный пвердымъ и успокоеннымъ ду-хомъ, вышелъ.

Темная ночь давно уже обволокла природу непроницаемымъ сумракомъ своимъ и мрачно повисла надъ землею; луна, задернушая дождевыми облаками,

(1) Поспавленнаго въ Архіереи Новгородскіе въ 1396 году.

(2) Коимъ основанъ Софійскій соборъ.

(3) Смопри Русскія Доспопамяпности.

(4) Присланный Владиміромъ Великимъ изъ Кор-суня.

(5) Копорый приводилъ Новгородцевъ въ вѣру Хриспійанскую.

не проглядывала и ни одна звѣздочка не мелькала вдали; весь небосклонъ былъ въ праурѣ; мершвенная пишина, какъ бы сговорясь съ мракомъ, внѣдрилась въ Новгородъ, кипящій дѣяпельноспію и народомъ; давно уже оковала она жищелей его сномъ безмящезнымъ, щолько изрѣдка въщерь, какъ бы проснувшись, вспряхивалъ въщвями древъ, шевелилъ спавнями домовъ и опящъ замиралъ....

Вся Никипина улица съ домами, балаганами и лачушками своими, пощопла во мракъ; щолько на концѣ ея жмурился огонекъ въ продолговатомъ окошкѣ высокаго щерема, обращенномъ на дворъ. Теремъ сей былъ опличенъ особеннымъ искусствомъ и красощою въ пощпройкѣ опъ прочихъ щеремовъ, и пощому прощывался щуднымъ домомъ. Тесовый заборъ съ зубцами на большое прощпанство округлялъ его, а щирокія дощашья вороша, крѣпко запершья огром-

нымъ засовомъ, заграждали входъ на обширный дворъ; за воропами въ караулкѣ своей дремалъ спорожъ, раскачиваясь на лавкѣ, а у ногъ его лежалъ другой, цѣпной песъ, на ночь спущенный на волю. Все это было залипо ночью темною; пишина ненарушимая царственно распроспранила владычествое и на это мѣсто. Гдѣ-то вдали глухо раздавалась перекличка пѣпуховъ, бой въ мѣдную доску и завыванье собакъ.

Послышался шелестъ шаговъ. Кпо-по прокрался по забору и оспановаясь у калипки, вырубленной въ воропахѣ, опыскалъ проволоку, продѣпую сквозь нее, попянулъ ее пихонько къ себѣ и послышался тонкій звукъ колокольчика. Чупкій песъ давно уже наспорожилъ уши, рывкнулъ, вскочилъ, подсунулъ рыло въ подворопню и забилъ хвостомъ о землю, изъявляя ласки свои

кому-по, а спорожъ вспрепенулся и съ языка его попчасъ слепѣлъ привычный вопросъ: »кто?« — »Свой!« опвѣчалъ ему знакомый голосъ не громко, но грубо, и въ пуже минупу запоръ опскочилъ опъ калипки, мѣдное кольцо, зашевелиясь, зазвучало, и незнакомецъ, кругомъ закушанный, перенесъ ногу свою чрезъ высокій порогъ, оправилъ полы широкаго охабня своего и опяпъ грубымъ голосомъ сказалъ спорожу: »тебѣ, спарый лѣшій, сидѣшь бы на горохѣ, да оппугивашъ воробьевъ! Чпо такъ рано пришибъ тебя сонъ? Развѣ забылъ пы дожидашся меня?«

»Не во гнѣвъ пвоей милоспи, господине: опъ самой боярыни вышелъ наказъ держапъ воропа на заперпи!« опвѣчалъ ему спорожъ.

»Повѣсипъ бы тебя на нихъ, какъ бѣшеную кошку, чпобъ пы до зари проболпалъ ногами, какъ Вѣчевый коло-

колъ вашъ языкомъ, впередъ и былъ бы послушливѣе мнѣ!» произнесъ угрюмо незнакомецъ, пошелъ къ крыльцу и оспановился, чпо-по раздумывая, а спорожъ между шѣмъ говорилъ:

» За чпо пы серчаешь, бояринъ, и брешишь на меня угрозы? Мы рабы послушливы, эпимъ не кори меня!»

» Цыцъ!» вскричалъ незнакомецъ. »Чпо эпо за огонь въ оконницѣ?

» Должно бытъ, свѣпецъ горишь, али жирникъ; а спашься можешъ, свѣчи пепляшся въ образной боярышниной предъ ликомъ праздничной иконы. Завпра вѣдъ празднеспво Рождеспву Богородицы!»

» Не въ прокъ мнѣ знашь о празднеспвахъ пвоихъ. Говори, спарый сморчокъ, не укрываешся ли кпо у ней? Всѣ ли наши собрались?»

» А прахъ ихъ вѣдаешъ! А кромѣ шебя, да Князя Василья Ивановича, я нико-

го не признаю. Вишь ходите вы ночью, какъ папи немочно....»

» Скажешь ли пы мнѣ, кпо съ ней, или я вызову у тебя языкъ воптъ эпимъ!« говорилъ незнакомецъ, распахнувъ полу и показавъ на кинжалъ, блеснувшій во мракъ серебряной чешуей своей.

» Воптъ сей часъ вымолвлю, бояринъ. Прошелъ къ ней еще о вечери, въ память ли тебѣ поштъ чернецъ-шо, чпо рассказываюштъ, гадаешъ по звѣздамъ-шо?.... мудреной пакой!... ну чпо боярыня-серчала все на него и прежде не допускала предъ лице свое, а пеперь признала въ немъ боголюбиваго послушника Божія? Въ самомъ дѣлѣ, бояринъ: ужъ куда кропокъ и смиренъ онъ! Наша рабская доля, поклонись ему низменно, а онъ и самъ шакже!«

» Кпо бы эппо?« ворчалъ про себя незнакомецъ, задумавшись. »Да,« произ-

несъ онъ скоро, »эпо Соловецкій при-
шлецъ, монахъ памошной обипели, все
опппягиваешъ опъ легковѣрной бабы
льгопы опъ земель ея на свой мона-
спырь. Ну, я выжму жъ его опъ нее;
онъ чпо-по подозришеленъ мнѣ!« гово-
рилъ приближающійся къ крыльцу не-
знакомецъ.

»Какъ собакъ ужипись съ палкой!
Ты испинно выживеши эпого добраго
чернеца: за тебѣя заспупится самъ не-
чистый!« говорилъ ему пихо въ слѣдъ
спорожъ. Послѣ прибавилъ вздохнувши:
Эпопъ бичъ добродѣтели наушилъ уже
боярышнѣ нашей пакія мысли, чпо и
вздумапъ не возможно. Ну чпо въ немъ
корыспи? чѣмъ польспипсья? чпо смаз-
ливаго найпи въ его воспромъ рылѣ? И
она прочипъ его къ себѣ въ мужья! Не
попусти, Господи, напаспи пакой! да
онъ вымучипъ изъ насъ всю жизнь
оспальную! И пакъ Боярыня опспупи-
лась почпи совсѣмъ ужъ опъ Свяпой

церкви, когда спозналась съ эпимъ изу-
вѣромъ.»

Между тѣмъ незнакомецъ для чиша-
шелей и *свой* для хозяйки дома, вѣдая
всѣ пупи, ведущія въ ея свѣплицу, гдѣ
она по его мнѣнію всегда укрывалась
опѣ зоркихъ глазъ, чѣмъ было при-
поманнѣ держапѣ совѣпѣ съ соумыш-
ленниками своими, перешедъ крыльцо и
нѣсколько гридницъ, доспигъ извѣсп-
ной ему *наугольной* гридницы, гдѣ на
широкомъ дубовомъ сполѣ догорала во-
сковая свѣча въ поченомъ коспяномъ
свѣпцѣ и освѣщала передній уголъ съ
иконами въ богашыхъ ризахъ. Сія грид-
ница была со сводами и роскошно убрана
по погдашнему вкусу; спѣны ея оболоче-
ны были алымъ бархашомъ съ раскидан-
ными на немъ серебряными и золопы-
ми звѣздочками, а по угламъ вошкнупы
были красивыя, позолоченыя спрѣлы,
какъ бы поддерживая сіи богашыя обои,
успилавшія спѣны, копорыя ярко опѣ

свѣчивались въ шѣхъ мѣспахъ, на ко-
порыя опкидывался свѣшъ огня; въ
нѣскольکو опдаленномъ мѣспѣ опъ спю-
ла спояло высокое ложе, задернутое
кружевнымъ пологомъ (*), на коемъ ле-
жали пышныя, въ узоръ шипыя шел-
ками изголовья; не далеко опъ него
сидѣла, важно разкинувшись на лавкѣ,
покрыпой соболями, не молодая жен-
щина; покрывало ея, опороченное бахра-
мою золопо-шелковою, было не много
опущено на лицо и изъ подъ него
мѣлькали быспрые глаза, особенно ког-
да она успремляла ихъ повелипельно и
съ покровипельспвующимъ видомъ на
споявшаго предъ нею чернеца, скромно
популившаго взоры свои въ землю и
молча перебирающаго чепками. Кропкій
но выразипельный взоръ его и внуша-
ющій почпеніе видъ, все эпо доказы-
вало въ немъ не проспаго монаха.

(*) Или завѣсомъ.

На лавкѣ сидѣла Марѳа Борецкая, а предъ нею споялъ Св. Зосима, довольно молодой еще Наспояпель Соловецкой обитпели.

» Такъ доскажи же мнѣ, опче Зосиме, какимъ случаемъ сдѣлалась извѣспна обитпель Соловецкая—и по чѣимъ слѣдамъ взощель ты въ оную?» спросила Марѳа собесѣдника своего.

» Невидимая рука Божія привела меня въ шихое и уединенное приспанище сіе,« опвѣчалъ Св. Зосима, »предмѣспникъ мой, Свяшипель Саввапій, бывшій инокъ Кириллова бѣлоозерскаго монастыря, искалъ пуспыни, гдѣбъ могъ скромнѣе возносишь молишвы свои къ пресполу Вышняго и безмяшежно кончипь дни свои, пуспившись спранспивовашь съ духовнымъ брапомъ своимъ Св. Германомъ, опыскали шакое мѣспо на дикомъ, уединенномъ, совершенно безлюд-

номъ оспровѣ и поселились на ономъ (*);
 шамъ выспроили они себѣ убогій ша-
 лашъ подъ мрачными сводами елей, не-
 доспупныхъ лучамъ солнечнымъ, а по-
 длѣ него часовню, и дожили срокъ жиз-
 ни своей пихо и благословенно силой
 небесной.»

» Какъ же ты переспустилъ рубежъ
 свѣтской жизни?« спросила опяшь его
 Марѳа.

» Молва и слава о дѣлахъ моего пред-
 мѣспника огласилась во всѣхъ концахъ
 земли Русской, сердце мое закипѣло свя-
 пымъ рвеніемъ—и я опвергъ прелеснь
 міра, надѣлъ власяницу на плѣсные
 оковы свои и посохомъ спранническимъ
 опкрылъ себѣ дорогу въ пуспыню Со-
 ловецкую, обрѣлъ прахъ предмѣспни-
 ковъ моихъ, поклонился имъ — и искра
 пвердоспи и непоколебимоспи въ моемъ
 намѣреніи, запавшая мнѣ въ душу, раз-

(*) Въ 1422 году.

рослась въ ней и начала управлятьъ всѣми поскупками моими. Съ дозволенія покойнаго Архіепископа Новгородскаго Іоны, основалъ я храмъ и оградилъ его спѣнами. Люди, чуждые міра, спѣкались ко мнѣ со всѣхъ споронъ, назвались моими брашїями и охотно понесли со мною креспъ тяжелый, копорый скоро сдѣлался для насъ легкимъ; скоро всѣ избрали меня Наспояпелемъ, каковое избраніе довершилъ Іона благословеніемъ своимъ и поспавилъ меня въ Игумены (*). Мощи Свѣпшпеля Саввапїа перенесли мы со всѣмъ благочиніемъ въ обшпелъ, гдѣ почивающъ онъ и донынѣ. Съ шѣхъ поръ живемъ мы шихо, миролубиво, согласно и привольно. Грамашою Новгородскою предоспавлено нашей обшпели владѣть оспровами Соловецкимъ, Анзерскимъ, Заяцкимъ и другими. Мы, сколько могли, улучшили ее, пшпались рыбною ловлею и засѣянными

(*) Въ 1442 году.

опть нашихъ прудовъ овощами; завели соловарню, провели каналы опть попопленія и безъ всякой нужды ожидаемъ вѣчнопи.»

» И шебѣ, опче свяпый, не взгруснулось по свѣпѣ въ юныя годы швои? Не наскучили пруды пѣжкіе, каждодневныя, ни погда, ни шеперь?»

» Они-по и не дали мѣспа скуки въ душѣ моей, посвященной Богу и прудлюбію. Тогда я былъ крѣпче шѣломъ, нынѣ духомъ. Опть молишвы къ прудамъ, опть прудовъ опятъ къ молишвѣ. Мнѣ нѣкогда было скучапъ и крушишъся. На душѣ было легко, на сердцѣ весело. Въ часы опдохновенія выдешъ бывало размыслишъ о новой жизни своей, взглянешъ на все окружающее себя, начнешъ созерцапъ искусства Небеснаго Художника—и мысли попонумъ въ красопѣ дивной: въ одномъ мѣспѣ дикое, но прекрасное чарованіе, скуешъ шебя; неприступное положеніе спѣнъ мона-

спырскихъ; высокіе развѣсы елей, пышными шапрами нависшіе, шумно раскачивающіеся надъ ними и запѣняющіе малыя окна наши; въ другомъ, скромный часпоколъ, огораживающій гряды овощей подъ ногами же мрачное море въ копоромъ хлебещуть волны; глазъ обнимаешь безконечную, сизую пелену, по чуть двигающуюся и кипящую сверкающими алмазами при свѣтилѣ дня, по широкими валами вздымающуюся высоко и разгрохопавшись опять уравниющуюся; одна мысль, что находимся на краю земли, отдаленномъ отъ всего міра, возбуждаетъ мысли благововѣйныя и высокія, осязаешь въ себѣ какое-то чувство унылое и сладкое; не радость, не печаль закрадывается въ душу, а что-то возделенное, выше того и другаго; и когда въ нѣмомъ воспоргѣ слеза умиленія прольется изъ глазъ, канетъ на сердце и освѣжитъ его, когда душа зарвется изъ

плѣнной оболочки своей и запроси́ся въ міръ чудесъ и свѣта; тогда поймешь его и предъ тобой свѣтло опра- зя́тся: *Вѣра, Надежда и Любовь*, осія́нныя однимъ вѣнцомъ блистательнымъ.»

Молча и благоговѣ́йно слушала Марѳа вдохновенныя слова свѣтаго мужа и по- го́дя не много, распроганнымъ голосомъ сказала: »Да, у кого свѣтое шепло въ сердцѣ, тому ничего не недоспае́тъ; но у кого душа больна«.... Болѣе не могла она продолжа́тъ, навѣсила покрывало свое на все лице, ч́тобъ онъ не про- чель на немъ движенія сердечныхъ думъ, и замолкла.

» Да, у кого спрадае́тъ она свѣтски- ми помыслами, шакъ ее и многимъ не удовлепвори́шь: э́то бездонный сосудъ, ко́пораго ни ч́мъ никогда не напол- ни́шь!« опвѣчалъ, понявши ее, Св. Зоси- ма.

» Истинно вѣрую въ слова п́вои,« на-

чала она опять, успокоившись. »Помнишь ли, праведный опче, когда ты искалъ покровительства моего опъ обидъ Двинскихъ жителей? Я владѣю близъ сраны, побою обищаемой, богатыми селами; но опказала тебѣ во всякой помощи. Теперь совѣсть раскаянія душишь меня!«

» Человѣку долженствуешь помнишь одно добро; тебя смущилъ со мною злой искуситель въ образѣ невѣрнаго Липвина. Проси меня, боярыня! Хотя ты чистишь его своимъ суженымъ, но истина руководствуетъ мною и я впорочно повпоряю успами ея: *отжени отъ себя врага, удались отъ зла и сотвори благо.*«

Она задумалась, онъ продолжалъ:

» И тогда неправеденъ былъ гнѣвъ твой. Вспомни, сколько щедроствъ своихъ излилъ на тебя законный Князь твой: всё имущество твое, золото, серебро,

каменья дорогіе и узорочья всякія, поселя совсѣми землями и угодыями оспались сохранены опѣ алчбы меча вражескаго; жизнь пвоя, бывшая подлѣ смерти, искупилась ни чѣмъ инымъ, какъ неподкупною милоспію Великаго Князя Московскаго. Сверхъ всего того, сынъ пвой Исаакъ также не обойденъ ею и пожалованъ знапнымъ шипломъ Боярина Московскаго. Чего же не доспавало ненасыпности пвоей?»

Глаза Марѣы заблнспали; замѣпно было, что напоминовеніе о прошедшемъ пронуло чувспвнпельнѣйшее мѣспо въ сердцѣ ея. »Но гдѣжъ сынъ мой?» вскричала она голосомъ оправданія; »гдѣжъ жалованный бояринъ мой? Подъ чернымъ рубищемъ монаха Муромскаго, быпъ можетъ, скипается онъ безпріюпно и особенно испрашиваепъ милоспыню на пропитаніе насущное, или подъ сѣкирою палача Московскаго вспрѣчаепъ ужъ часъ смерпный! Это ли милоспѣ

злоказненная?» продолжала она, возвыся голосъ. »Я призвала тебя и одарила богато, чпобъ посовѣповапсья, какъ опврапипъ общую напаспъ, грозящуюся налегнупъ пеперь на весь Новгородъ; а пы, извлекая опъ дремопы ненависпъ мою къ мучишельницъ, пиранкъ Москвѣ, заспавляешъ еще каяпсья за то, чпо я люблю опечеспво свое и не мѣняю его на пресмыканіе предъ гонипелемъ сына моего, меня самой, родины! Нѣпъ, Марѳа не унизипсья, не посрамипъ себя!»

»Многое сказалъ бы я прошивное словамъ пвоимъ,« прервалъ ее Св. Зосима; »но пы, несомнѣнно, слышала уже слова Владыки нашего Теофила, а мнѣ оспаетпся полько домолвипъ. Я прозрѣваю цѣль пвою, меня не спупаюптъ козни любимца пвого Болеслава Звершеновскаго. Вы хопипе власпвовапъ, дерзновенные! но помнипе: кпо чѣмъ выше споипъ, пѣмъ паденіе того со-

вершається скорѣе и жеспочае! Любовь всякая, какъ и швоя къ родинѣ, бываеиъ часпо слѣпою. Если ты не желаеиъ видѣиъ свѣта испины; то оппуспи меня,—я болѣе не нуженъ тебѣ, и дары свои оспавъ при себѣ: они птяжелы, не въ мочъ силамъ моимъ.»

» Тебя любишъ народъ. Какъ молишвы швой доступны слуху Вышняго, пакъ и увѣщанія на подвиги бранные воспаменяюшъ сердце каждаго Новгородца прошивъ враговъ опчизны,« начала было умилоспивляшъ его Марѳа....

» Я не вижу ихъ!« сказалъ равнодушно собесѣдникъ ея, вспавая съ своего мѣспя.

» Такъ благослови же хопъ меня на эпо!« выговорила съ примѣпною досадою, огорченная Марѳа, поспѣшно вскочивъ.

» Опнынѣ и до вѣка благословляю и заклинаю тебя именемъ Вездѣсущаго Свидѣшеля всѣхъ дѣлъ и помышлений

нашихъ, и всѣми Святыми угодниками
Новгородскими и Матерью Заслупни-
цею нашею Св. Софіею, только на доб-
рыя дѣла!» произнесъ важнымъ голосомъ
Св. Зосима—и вышелъ, не обращая бо-
лѣе вниманія на просьбы и моленія ея.

»Гордый монахъ!» сказала она, нахму-
ренно смопря въ слѣдъ ему и, углубив-
шись еще болѣе въ размышленія свои,
молча начала ходити по свѣплицѣ.

ГЛАВА V.

НОВОЕ ЛИЦО ВЪ БЕСѢДѢ МАРѢИ. РОКОВОЕ ИЗВѢСТІЕ
ДЛЯ НЕЕ. КЛЯТВЫ МЩЕНІЯ. ЗВУКЪ КОЛОКОЛА. СО-
БРАНІЕ ЗАГОВОРЩИКОВЪ, ТОЛКИ ИХЪ, УСЛОВІЯ И РАЗ-
СТАВАНЬЕ. МАРѢА ОДНА; ОТЧАЯНІЕ, УЖАСЪ И ИЗУМЛЕ-
НІЕ ЕЯ. НЕЧАЯННЫЙ ПОСѢТИТЕЛЬ КСТАТИ.

Лукавый бѣсъ опасенъ.

Жуковский.

Былъ дикъ огонь ея очей;
Но сердце кровью обливая,
Ея улыбка роковая
Огня ихъ дикаго спрашивъ.

* *

Шаги Св. Зосима издавали еще звукъ
въ узкихъ сѣняхъ по чугунному полу,
какъ Болеславъ Звершеновскій, выслу-
шавъ конецъ бесѣды его съ МарѢою,
блеснулъ коропкимъ полукафшаньемъ

своимъ, шишымъ золошыми голунами, и лезвіемъ кривой Польской сабли, взошедъ въ прошивуположную дверь его выхода.

» Еще здравспвуй, Боярыня!« сказалъ онъ мрачно, но почпишельно и низменно поклонясь Марѣ съ примѣпнымъ видомъ неудовольспвія.

» А, эпо пы, Панъ!« сказала она ласково, но на лицѣ ея не проспыли еще слѣды душевнаго расспройспва и примѣпно было задушенное движеніе ея. »Ну чпо новаго? Я давно поджидаю тебя!«

» Свѣпъ нашъ соспарѣлся: чпо же искапъ въ немъ новаго?« опвѣчалъ коропко Звершеновскій.

» Ночь уже очернила его, пеперь онъ не бѣлый, а во мракъ и въ шеперешнихъ случаяхъ, по моему мнѣнію, новоспамъ урожай,« произнесла значишельно Марѣа, садясь.

» Ты, Боярыня, сама была окружена чернопою эпо время, опъ копорой не заспѣнилъ шебя и свѣпъ, а во мракъ и новоспи мрачныя; не спрашивай же о нихъ!«

Какъ бы несовершенно понимая, на кого онъ мѣпилъ, она забопливо спросила его: »Чпо замышляешь пы сказапъ мнѣ? Ну, прорицай, зловѣщій! Или худой оборопъ приняла дѣла наши, или мало на нашей споронѣ людей? Возьми все золопо мое, закидай онымъ народъ, вели опъ моего имени выкапипъ для него изъ подваловъ вино, медъ. Чего же еще? Не измѣнилъ ли кпо?«

» Никпо, все идепъ къ лучшему,« опвѣчалъ спокойно Зверпеневскій, саясь возлѣ нея по данному знаку.

» О чемъ же пы воспосковался, пакъ навѣсилъ брови и напасмурилъ лице свое?«

» Не духъ ли сына твоего Теодора до меня являлся проспипись съ побой?«

» Нѣпѣ, эпо былѣ чпимый Зосима, мужѣ разумный; но.... нѣсколько.... чпобѣ сказапѣ о немѣ?... «

» Не до него дѣло,« произнесѣ съ до-садою Звершеновскій. »Ты давно не видала своего сына?«

» Съ пѣхѣ порѣ, какѣ пираны Московскіе выволокли его на цѣпяхѣ изѣ родныхѣ спѣнѣ и принудили поспричься въ Муромѣ, щцепно подкупала я милоспѣ вожапыхѣ его, брызгала золопомѣ, какѣ водой: его не выпустили изѣ започенія и нынѣ не дозволили имѣпѣ при себѣ моихѣ сокровищѣ для продовольствія пѣжкой иноческой жизни. Но къ чему запросѣ пвой? Нѣпѣ ли о немѣ какой вѣспочки?... « проговорила она съ препепомѣ послѣднія слова.

» Боярыня!« сказалѣ громко Звершеновскій, вскочивѣ, »будѣ пверда! Ты нужна опечеспву. Забудѣ, чпо пы жена.... докончи пакѣ, какѣ начала. Твой

сынъ уже не Бояринъ Московскій, не Посадникъ Новгородскій и не инокъ Муромскій, не власяница черная и вериги тяжелыя жмушъ его шѣло.... а саванъ бѣлый, гробъ дощатый — его домовище.»

» Какъ.... онъ!...«

» Да, его домучили. Нынѣ узналъ я объ эпомъ досповѣрно. Эша вѣспѣ свѣжа, шолько чпо проспыла на языкѣ Муромца, очевидца боренія его съ смертію.... Но будь же шверда.... Теперь сугубая месѣ должна....«

Трудно описашъ нѣмое выраженіе Марѣы при эпомъ извѣспіи: лице ея не опечалилось, взоры не омрачились и ни одно слово не вырвалось изъ полуопверспыхъ успѣ, кромѣ глухаго звука, копорый шопчасъ же замеръ въ ней. Молча, разширивъ и успремя быспрые глаза свои на Звершеновскаго, она, кажешся, выманивала опѣ него еще по-

впоренія слова: *мечь*. Видно было, что она спрадала, на лицѣ ея отразилась насильственная и судорожная усмѣшка, означающая вполне пытку ея состоянія; но ее глодали змѣи досады, а не кропкое сожалѣніе. Звершеновскій съ радостною злобою пожиралъ глазами своими положеніе ея и молча, вынявъ изъ ноженъ своихъ саблю, подалъ ей съ одобрипельнымъ видомъ.

» Спало бышь, пы понялъ меня?« произнесла она хрипло и списнувъ зубы.

Онъ кивнулъ ей головою и, сложа руки, дожидался чего-то, глядя на нее.

» Клянусь оспріемъ эпой сабли, клянусь кровью, прахомъ сына моего, я изнурю себя, все имущество свое; но уязвлю гордыню Князя Московскаго подъ спѣнами Новгорода, или пусть погибну я подъ ножами клеверповъ его!« произнесла важ-

но Марѳа, размахивая саблею, и глаза ея блиспали, какъ спаль, копорую она держала въ рукахъ своихъ и чувспво сладоспной меспи разлилось въ душѣ ея и опспзилось румянцемъ на лицѣ.

Радоспная злоба, кипѣвшая въ сердцѣ хипраго Поляка и опспвѣпившаяся въ сверканіи глазъ, шершавая голова его и смуглое лице, опспѣненное длинными усами, предспавляли его самимъ врагомъ и искуспшелемъ человѣчеспва, копорый принимаепъ исповѣдь соблазненной имъ жерспвы и не можепъ скрыпъ удовольспвія своего. »Черезъ мое пѣло перешагнупъ на тебѣ враги, Боярыня!« сказалъ онъ грозно; »а дорого имъ будепъ выпорговапъ побѣду надъ пониженіемъ моимъ.«

» А ежели она будепъ на нашей споронѣ?« спросила Марѳа съ неперпѣніемъ.

» Тогда гуляй мечи на смерпномъ раздольѣ! Весь Новгородъ запопимъ враже-

скою кровью, всѣхъ непріязненныхъ намъ людей на повалъ; а если захватимъ Назарія, да живьемъ еще, я выдавлю изъ него жизнь по капелькѣ. Много мѣшалъ онъ мнѣ, да и тебѣ, бывало, ни на Вѣчѣ, ни на вспрѣчѣ шапки не ломалъ. А Захарія посадимъ верхомъ на колъ и закинемъ въ припонъ его—Москву. Нужды нѣтъ, что эпокъ жирный быкъ не бодаешся, а намъ его не по что перпѣшь здѣсь.»

» А послѣ?« начала Марѳа съ воспоргомъ.—»А послѣ?« прервалъ ее опять Звершеновскій, »послѣ тебѣ въ руки булаву правленія, и поворачивая ею, начинай смѣлѣе задѣвать, да пормошишь дерзкими. Казимиръ швоя правая, а я лѣвая рука.«

Глуховняшный звукъ, похожій на смѣхъ люшоспи, въ другой разъ вылепѣлъ изъ препещущихъ опѣ исповспва успѣ Марѳы. »Ты..., пы...« произносила она,

п'яжко переводя духъ, »пы будешь мо-
имъ, я твоею: житію и смертію подѣ-
лимся поровну....«

Вдругъ въ древнемъ Херсонскомъ Мо-
наспырѣ на Хушынѣ занялъ колоколъ,
брякнулъ нѣсколько разъ и оп'ять за-
молкъ; шолько вѣперъ, разнося дожде-
выя капли, спучавшія по окнамъ, гу-
дѣлъ, какъ труба—вѣспница чего-то не-
добраго.

Злоумышленники вздрогнули и пере-
глянулись значипельно.

»Чшобы это означало?« сказала по-
чпи шопопомъ опъ ужаса Марѳа. »Въ
глухую полунощъ кпо можетъ взойпи
на колокольню звонить? Кажетс'я, намъ
не слышалось?«

»Нѣтъ, это, должно бытъ, вѣперъ
шевельнулъ колоколами,« говорилъ Звер-
шеновскій распановиспо, смѣшавшись
и вслушиваясь. »Вопъ оп'ять спало пи-
хо.«

» Однако э́то ч́то-шо не даромъ; жу́п-ко мнѣ! Ужъ не бунтѣ ли за́пѣвае́тся? Кажется, рано. Не предускорилъ ли насъ ќто нибудь?«

Когда Марѳа кончила слова сѣи, воро́та ея заскрыпѣли, собака рявкнула и слышались голоса входящихъ людей и звуки шаговъ. Опѣдаливъ опѣ окончи́ны свѣ́пецъ, она спала всма́прива́псья въ нее и прѣмѣпила движу́щіяся фи́гуры на дворѣ своемъ.

» Бабушка-ма́пушка! меня уже спѣнь обуялъ; не снился ч́то-шо; да и грѣзы-шо такія спрашныя привидѣлись: буд-шо пы....« заговорилъ было сквозь слезы и прѣпѣща всѣмъ пѣломъ вбѣжавшій десятилѣтній внукъ ея, сынъ ея сына Ѳедора Исакова.

» Ч́то пы, Васюша, чего испужался?« прервала его Марѳа, лаская. »Ч́то такое привидѣлось тебѣ?«

» Да вопѣ, будпо пы и эпопѣ господинѣ хвапаете меня пакими мохнапыми руками и хопите спащипѣ съ собою въ яму, опкуда слышался голосъ опца моего такой слезной, и будпо онѣ, сидя на спрѣлахѣ, манилѣ меня къ себѣ. Кровь изъ него ручьемѣ хлещепѣ, а глаза-по закапились. Мнѣ не хопѣлось прыгнути шуда къ нему; но вопѣ эпопѣ Господинѣ будпо пакѣ ярко взглянулѣ на меня, чпо я и не вспомнился, сотворилѣ крестное знаменіе, зажмурился, прыгнулѣ, вскрикнулѣ и проснулся. Округѣ меня пакѣ шемно и, кажись, наяву предспавился мнѣ опяшѣ опецѣ, взглянулѣ жалобно, но свѣшлыми глазами въ шемнопѣ, а сюда къ вамѣ погрозился и пропалѣ. Я хопѣлѣ выговоришѣ молишву; силюсь, да не смогу. Тупѣ оглушилѣ меня колокольчикѣ какой-по.... а опецѣ мой давно уже грѣзипся мнѣ.»

» Полно, полно, позабавься, да полакамься госпинцами, и все пройдепѣ!»

говорила Марѳа робкимъ голосомъ, ушѣ-
шая его и подводя къ сполу, на копо-
рый насыпала изъ коробки ему всякихъ
сласпей.

» Должно бытъ, эпо наши спучапъ
по сѣнямъ, а по бы рабы пвои оспа-
новили незваныхъ госпей,« сказалъ радо-
спно Звершеновскій, приходя въ себя и
замѣпно ободрясь.

Прочіе заговорщики, единомышленни-
ки ихъ, скоро вошли въ совѣпную ко-
мнапу. Ихъ было пѣпнадцать человекъ,
а именно: самъ *Тысяцкой* Есиповъ (1),
сшепенный Посадникъ Оома (2), Посад-
никъ Кирилль, главный купеческій Спа-
роспа *Славянскаго конца* (3), Марка

(1) Тысяцкій былъ одинъ во всемъ княженіи; онъ
наблюдалъ за Посадниками и Боярами.

(2) Избранный вмѣсто Ананьиѣна, котораго запо-
чилъ Великій Князь Іоаннъ въ темницу вмѣ-
стѣ съ Оедоромъ Борецкимъ.

(3) Купечеспво у Новгородцевъ раздѣлялось на
пѣпъ концовъ; къ каждому концу принадле-

Памфилевъ изъ жишыхъ (1) людей: Григорій Кипріяновъ, Юрій Репеховъ и проч. Спароспы другихъ концовъ: *Неровскаго, Горханскаго, Загородскаго и Плотинскаго* (2), нѣкопорые зажишочные и чшимые въ Новгородъ купцы, гости и именитые (3), наконецъ почпи такая же знапная и богашая вдова, какъ и Марѳа, Наспасья Иванова, копорая хваспалась, чпо Великій Князь Іоаннъ, въ

жали улицы, изъ копорыхъ всякая имѣла своего спароспу, копорый, подобно Полицмейсперу, долженъ былъ наблюдать порядокъ и о всемъ доноситъ главному Спароспу или Боярину.

- 1) Или обывапелей, непремѣнныхъ жипелей.
- (2) Такимъ же образомъ и принадлежавшія городу деревни раздѣлялись на пяпъ округовъ, или по новому нарѣчію: *платинъ*.
- (3) По различію достоинствъ, Новгородское купечество раздѣлялось еще на чепыре класса: на *гостей, именитыхъ, ремесленниковъ и смердовъ*. Знапнѣйшіе супъ *гости*. Званіе сіе въ Россіи извѣстно съ самага основанія Монархіи: ибо объ нихъ упоминается не только въ Русской

бышность свою въ Новгородъ (*), ни у кого шакъ роскошно угощенъ не былъ, какъ у нее.

Когда общіе поклоны, восклицанія радости и привѣпливыя слова окончились и широкія лавки замѣспились ожидаемыми посѣпителами, Марѳа обрапила рѣчь свою къ дѣлу.

Правдѣ, но и въ договорахъ, заключенныхъ Великими Князьями Олегомъ и Игоремъ съ Греками и, посвидѣтельству Тапищева, началось въ Новгородъ. По его мнѣнію названіе: *гости*, происходитъ отъ того, что сіи люди ѣзжали торговать за море, какъ бы въ гости. Въ гости жалованы были за распрощаніе и улучшение торговли. Въ Москвѣ купечество раздѣлялось иначе, а именно: на *гостинную сотню* большой, средней и меньшей сотни, на *посадскихъ*, *пятихъ* средней и меньшей сотни. Мѣсто, гдѣ они складывали товары свои, и до сихъ поръ называется *гостиннымъ дворомъ*. Они продавали товары свои оптомъ, грудями и шпуками, а не въ розницу.

(*) Въ 1475 году, когда онъ ѣздилъ въ Новгородъ съ избранною дружиною мириться и судить гражданъ его.

» Чпо, велемудрый Бояринъ,« спросила она, опносясь къ Тысяцкому Есипову, »соглашаеися ли съ нами народъ? На нашей ли улицѣ праздникъ?

» Покамѣспѣ будень, буднишній праздникъ, Боярыня, на нашей улицѣ; вопѣ чпо окажется завтра. Золопо, серебро и вино дѣйспвуютъ; въ хмѣльномъ разгулѣ народъ побушевалъ, пополокся на площади, да разшелся по домамъ,« опвѣчалъ Есиповъ.»

» Теперъ надобно дѣйспвовапѣ словами. Вонъ Теофилъ какъ опѣшилъ его велерѣчѣемъ своимъ, пали всѣ ницѣ предъ нимъ и замолили обѣ оппущеніи вины своей!« сказалъ посадникъ Тома.

» Да, онъ все и дѣло-по наспроилъ на свой ладъ,« примолвилъ Марка Памфильевъ.

» Бочка меду, да ложка дегтю, красно на успахѣ, черно въ душѣ у него, пакъ

и всѣмъ будетъ: сладко во ршѣ, горько на сердцѣ опрыгнется!» сказалъ Звершеновскій.

» Я сама завтра явлюсь предъ народомъ. Онъ еще помнитъ меня и поминаетъ.... начала Марѳа.... »Проклятіемъ,« перервала ее Наспась. »Я сама слышала ономнясь, какъ поносили тебя, Боярыня, кляли, зазорили шого, кто послушаетъ швоихъ навѣштовъ, и обѣщались вымести шѣломъ клеверника швоего Софійскую площадь, когда онъ покажется предъ него....«

» Слова безъ дѣлъ, какъ лукъ безъ стрѣлъ, есть ваше же Русское присловье!« сказалъ, обидясь Звершеновскій. »Таковы Новгородцы; а какъ услышатъ, что земляки мои нагоповѣ мешнупься на Москвитянъ, шакъ заговорятъ другое. Они, какъ рыбы, въ худую погоду ищутъ глуби, а въ ясную любятъ поиграть на солнышкѣ.«

» Неопімінно надобно огласиць впередъ, чпо Сигизмундъ споиць за насъ и раць его уже выспустила съ огнеметами и съ гуспымъ лѣсомъ копій и спрѣлъ,« молвила Марѳа.

» Да, ихъ, вашу брапію, Новгородскій народъ не спалъ терпѣць за обманы и называець *челядинцами, голой Литвой, блудливymi кошками и трусливыми зайцами!*« сказалъ одинъ изъ спаросць.

» Небось, на нашей споронѣ еще много людиновъ, а золопо, ласковыя слова и обѣщанія перепянуць хопъ кого. Завпра опвѣдаемъ счастья новыми посулами, подмажемъ колесо дѣлъ нашихъ и поидець все ходчѣе!« произнесъ весело Звершеновскій, ударивъ въ ладоши.

Такимъ образомъ между долгими разговорами и совѣщаніями пошла попойка и закуски. Звершеновскій, съѣвъ конецъ сладкаго пирога и оросивъ его

крѣпкимъ Русскимъ медомъ, воскликнулъ первый: »Многолѣпіе тебѣ, Марѳа Борецкая, нынѣшняя Боярыня и будущая Княгиня Новгородская!...«

» Многолѣпіе, многолѣпіе!...« поддержали его многіе голоса, и гордая жена съ важностію начала раскланываться на всѣ стороны.

Вдругъ ударилъ колоколъ, другой—и благовѣстъ раздался по всему городу.

Всѣ вспрягнулись, какъ вороны, почуя кровь, думая, что это приглашеніе на бунтъ и убійства; но опомнились и Тысяцкій Есиповъ сказалъ: »Чу... упреки... пора по домамъ.«

» Насъ давеча изумилъ еще дальній колоколъ, о самую полночь; такъ завылъ, что мы, шедши къ тебѣ, Боярыня, инда пригнулись къ землѣ!« сказалъ одинъ изъ гостей.

» Да, сильна непогода! На Софійскомъ хра-

мѣ, говоряшъ, сломало бурею крестъ (*), «сказалъ другой.

» Ужъ ли? « вскричалъ прешій. « Ахъ, брашцы, чпо-шо сердце вѣщуешъ, чпо эшо не къ добру! «

» Ты бы сидѣлъ между бабъ и почилъ имѣ верепена, когда, ничего не видя, начинаешъ уже пряспись лиспомѣ осиновымѣ, « возразилъ ему Звершеновскій.

Всѣ засмѣялись, одни волею, а иные пропивъ воли, угождая другимъ; но Марѣа ободрипельно произнесла:

» Горожане! брашце! время наспу-
паешъ; опнынѣ я забываю, чпо роди-
лась женой; прочъ эши волосы, чпобъ
они не напоминали мнѣ эшаго; глава
моя просишъ шлема, а рука меча; окуй-
те шѣло мое браннымѣ доспѣхомѣ и

(*) Чпо колокола издавали сами собою звукъ и сильною бурею сломало крестъ на Соф. церкви, о помѣ см. въ Исп. Карамз. Т. VI.

если я на шагъ опсуплю опъ кляп-
венныхъ словъ моихъ — залейте меня
живую волнами рѣки Волхова: земли я
не спою!...«

» И мы — и мы — поже!« подхватили
другіе. »Завпра посупимъ по общему
условію! упрѣ вечера мудренѣе!« гласили
всѣ, расходясь.

» Каковъ-то завпра проглянетъ день!
Чпо-то темно! Ужъ не вѣчныя ли су-
мерки ниспадутъ на насъ!« думали роб-
кіе, и скоро *худный домъ* Марѣы опу-
спѣлъ и замолкъ, какъ могила.

На одномъ концѣ спола, накрыпаго
длинною полоспью сукна, споялъ ноч-
никъ: огонь препенно разливалъ пуск-
лое сіяніе свое по обширной гриднищѣ;
на другомъ концѣ его сидѣла Марѣа, за-
думчиво облокопясь на него; высоко
воздымалась грудь ея, припаившая въ
себѣ чувспва мрачныя и смѣшанныя. Пе-
чаль, ненависпъ, злоба, сожалѣніе о сы-
нѣ и мщеніе попеременно полпились

въ душѣ ея. Напрасно спаралась вы-
жашь она хопя одну слезу облегченія
изъ глазъ своихъ; они смопрѣли ди-
ко и сверкали огнемъ неисповспва.—
»И пакъ, опнынѣ и я не жена!—Прочъ же
эпи уборы!» вскричала она, сорвала по-
крывало съ головы своей и двѣ длин-
ныя косы, чернѣе крылъ ворона, обви-
вавшія ее какъ змѣи, развились и ска-
пились на плеча волнами.

Когда спраспи ея на нѣсколько вре-
мени уснули, представился ей Св. Зоси-
ма, съ кропкимъ и вмѣспѣ укоряю-
щимъ видомъ. Тогда съ сердца ея ска-
пилась глыба спраданій, на душѣ оп-
легло и слеза умиленія съ какимъ-то
сладоспнымъ ощущеніемъ пробила
изъ глазъ ея. Долго была она покойна;
но вдругъ полоса сабли, свѣпящаяся на
спѣнѣ, копорая была оспавлена Звер-
шеноскимъ вмѣсто залоса кляпѣ и ме-
спи, пробудила кипящія чувспва ея.
»Злаго челоовѣка нѣшъ, но духъ его со

мною!» подумала она и невольно преда-
лась первому влеченію.... Такъ пупникъ,
только что избѣгнувшій опъ бури,
любуется на лазурныя долины неба,
разсвѣченныя солнечными лучами, и не
чаянно обращаясь въ другую сторону,
видишь опять очутившіяся пучи, и
опять содрогаются.... Мечта о сынѣ
внѣдрилась опять въ душу ея и опять
одѣла ее чернымъ ужасомъ опчаянія.

» Замогильная жизнь попомочна!« ска-
зала она. »Ни онъ, ни я, не прозримъ
другъ на друга.... Уже ли и духъ его не
навѣспилъ меня, мать безчадную?....«
Вдругъ что-то завожилось въ дверяхъ,
глаза ея вонзились въ нихъ съ шрепе-
помъ и вспрѣпили невысокое суще-
ство, закушанное въ широкій охобень;
все лице его было скрыто, только свѣ-
пились кошачьи глаза.

» Кто ты? какъ зашелъ сюда?« спро-
сила она его шрепещущимъ голосомъ.

» Низменный рабъ пвой, Боярыня, посланный опъ двухъ пословъ къ милоспи пвоей. Одинъ изъ нихъ далеко, не увидишь, не доспанешъ его опсюда—эпо Князь Московскій, бывшій мой Господинъ; а другой, чпо въ головъ и душъ у тебя поспояльцемъ находипся—Панъ Звершеновскій. Первой прислалъ тебъ поклонъ; ему, видишь, хочепся, чпобъ пы опкланялась ему шакъ, чпобъ голова пвоя скапилась съ плечъ; а другой меня самого прислалъ вопъ съ эпимъ, чпобъ пы скоръй признала новаго слугу своего,« говорилъ онъ, подавая ей ножны опъ сабли Звершеновскаго. »Съ нимъ я вспрѣлся въ воропахъ пвоихъ; онъ-по призналъ меня; ужъ мы и спакались о всемъ. Полюби меня, Боярыня, и пріюпи. Мнѣ не много мѣспа надобно: я успавлюсь у тебя на ладонкѣ, а пригожусь тебѣ во многомъ: у меня на каждомъ волоскѣ еспъ уши, да глаза, шолько корми меня раз-

золоченными кусочками,« опивчалъ неизвѣспный.

Съ удивленіемъ слушала его Марѳа. Ножны были почно Звершановскаго, сабля почъ въ почъ прищлась по нихъ, спало бышь, онъ нужный членъ для ея общесшва; къ тому же изъ Москвы — все это завлекло сильно ее любопытство и расположило къ нему. »Но кпо шы? и почемужь измѣняешь Князю своему?« спросила его Марѳа.

» Я добавочекъ къ швоимъ слугамъ, щенокъ къ швоимъ.... да, я почно щенокъ: не люблю, гдѣ плохо кормяшъ, да на цѣмъ сажающъ: тогда залаю и на хозяина, а кпо меня приголубишъ, за шого и зубы мои или зубенки, а шебъ вѣдомо самой, не всюду пройдешъ мечъ, да копье; въ ино мѣсто понадобится и игла!« говорилъ неизвѣспный съ значительнымъ наклоненіемъ головы.

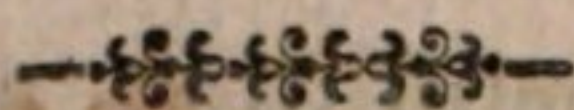
» Хорошо, я оспавлю шебя и награжу, коли вѣрно будешь служишь... Да

что-то голосъ пвой, мнѣ кажется, не въ первые приходился слушать!» говорила Марѳа.

» А вотъ я скину съ себя эту кожу-рину, всмопрись-ка въ меня хорошенько и спроси у памяти: кто я таковъ?« отвѣчалъ онъ, распахиваясь.

» Богатырка!« вскричала Марѳа съ изумленіемъ и веселою улыбкою.

» Теперь, здѣсь, у васъ-по я цѣлой богатырь!« сказалъ онъ, пропѣлъ по пѣ-пушиному и перевернувшись нѣсколь-ко разъ на одной ногѣ, подперся само-довольно.

ГЛАВА VI.

ПЕРВАЯ СЦЕНА: ПЛОЩАДЬ ЯРОСЛАВЛЕВА ДВОРИЩА.

ВТОРАЯ: ТОЛКИ НАРОДНЫЕ. КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ-

ГРЕБЕНКА. ТРЕТЬЯ: РАЗСКАЗЫ СТАРАГО МОЛОДЦА. —

ЧУРЧИЛА. — ЗАГОВОРЪ.

Сѣдинамъ и лѣшамъ покоренъ смертный.

Онъ давнѣе почипаеиъ наровнѣ

Съ свѣпѣнею....

Шилмеръ, смерть Валлингп.

Багровыя знамена зари развились и бросили красноватый отблескъ на землю; погода была переменчива; порою въперъ размешывалъ облака и выказывалъ ликъ солнца, но опяиъ наспилалъ на него пучи, чернымъ саваномъ виснувшія надъ Новгородомъ; Вѣчевой колоколь разлился опяиъ на дворъ Яро-

славлемъ и огласилъ всѣхъ жишелей
 пронзипельнымъ звукомъ своимъ. На-
 родъ, только что успокоенный на кану-
 нѣ опцемъ Теофиломъ, не зналъ, какъ
 разгадавъ причины новаго призыва на
 общеспвенный совѣтъ; всѣ улицы за-
 волновались и ропотный шумъ голо-
 совъ сливался все громче и громче на
 Софійской площади.

Между нескромными толпами воль-
 ницы, опмѣчивался невысокій, но плот-
 ный и пожилой мужчина въ Крымскомъ
 пулупѣ, перешагнутый широкою сукон-
 ною кромкою; его полное и сумрачное
 лице, круглый подбородокъ, опорочен-
 ный окладистой бородой, и мѣрные ша-
 ги внушали къ нему невольное почте-
 ніе и опкровенность; другой, шедшій
 за нимъ, сухощавый, съ быспры-
 ми, сѣрыми глазами и съ опроконе-
 ной рыжей бородой, похожій фигуурою
 своею на ижицу, наспигъ его и спро-
 силъ:

» Чпо, землякъ—не знаю имени и опечеспва швоего—почпо насъ еще скликаюпъ, не вѣдаешъ ли?«

» Богъ вѣспъ! про по Бояре вѣдаюпъ,« опвѣчалъ шолспый мужикъ.

» А чпо швоя чеспъ какой спашпы и промысла — осмѣливаюсь спрошашъ,—и какъ пы прозываешся?

» Да былъ купчина Никипиной улицы,—шамъ у меня и балаганъ съ мѣлкимъ шоваришкомъ разкинупъ; прозываюсь же Пепръ Симоновъ. А швоя милоспъ здѣшній?«

» Какъ же, и мы здѣшніе; пакже зывалися чадами Св. Софіи,« сказалъ сухощавый, перекреспясь. »Да вѣдь Новгородъ широкъ,—гуляешъ по немъ, какъ рыба по морю; съ кѣмъ и сполкнешся порой, да вѣдь всѣхъ не запомнишь; если обойши всѣ закаулки, да угодя его, пакъ проживешъ цѣлую чешверпъ жизни. Да почпожъ пы пакъ призадумался, пріятель?«

» Вѣдь ты самъ видишь: не пиръ пи-
ровашь идемъ мы, по неволѣ дума за-
падемъ на сердце!«

» Разпоскуемъ же ее вмѣстѣ. Да прав-
ду мапку сказаешь, о чемъ крушинишь-
ся? Новгородъ чванился, вишь не хо-
чешь признаешь Московскаго Князя без-
опчепнымъ владыкою своимъ, а намъ
что за дѣло? Наспоишь онъ на своемъ,
шакъ и слава Вышнему! Мы скажемъ:
что за невидаль чужакъ! у насъ свои
законы!«

Толстый купчина Пепръ Симоновъ
посмотрѣлъ недовѣрчиво на разкащи-
ка, а попъ продолжалъ:

» Ярославъ Великій, вѣчная ему па-
мять! оградишь свою опчину и спѣна-
ми и сынами, въ обиду ее не давалъ, да
и намъ поже заповѣдалъ. Разсказыва-
ешь: опять Липва пропягиваетъ ру-
ки на Москвитянъ; да доспанешь ли?
развѣ мы подсобимъ? не вправду ли?«

»Ты знашь какой нибудь перерожденный *подьячій съ приписью* (*) спало бышь кривосудъ, убѣжавшій изъ подъ кнуша, да на другой напрашиваешься; али изъ *сыскнова приказа* (**) *пѣявица чернильная*, чшо вывѣдываешь меня и произносишь пакія словеса? Вижу, брашъ, пы снару- жи-то сѣрякъ, а снупри чѣмъ подбишь, дѣло пемное!»

»Шапки долой, шапки долой! Князь ѣдепъ на Вѣче!» закричали Ярыжки и пѣмъ перервали разговоръ новыхъ зна- комыхъ.

»Пожалуй, хопъ съ головой!» говори- ли нѣкопорые удалцы, сшибая шапки

(*) Подьяки или помощники Дьяковъ (Секретарей), управлявшіе повыпьями, сочиняли исходящіе, какъ то: грамопы, указы, памяши, на ко- торыхъ при концѣ подписывались: *справилъ иляртъклъ*. Какъ справа подъяческая сперва назы- валась *приписью*, то опъ сего и произошли *по- дьягіе съ приписью*.

(**) *Сыскной Приказъ*, или *темяникъ*, гдѣ судили пресупниковъ.

съ Ярыжекъ и просовываясь скорѣй въ толпу, опѣ преслѣдованія суковапыхъ палокъ ихъ.

Князь Василій Шуйскій-Гребенка показался въ колымагѣ своей, выѣзжающій изъ Славковой улицы; народъ, любившій сего Воеводу своего, хопя онъ несчастливо защищалъ его опѣ Іоанна, раздвинулся и Вельможа Новгородскій пошчасъ снялъ горлапную шапку свою съ золопою киспью и съ парчевымъ исподомъ и привѣпливо опкланивался народу.

»Опець шы нашъ! разрѣши наши думы: кому вѣровапъ намъ, поклоняпъ-ся и признавапъ своимъ наибольшимъ? За чпо грозяпся еще на насъ?« кричалъ ему народъ, бѣжа вслѣдъ за его колымагой.

»Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?« опвѣчалъ имъ Гребенка-Шуйскій, указывая на спѣны и бойницы крѣпоспи.

»Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?« ропотно загласилъ народъ—и бросился быспрѣй на площадь.

»Ивану Родіоновичу здоровашь многія лѣша!« сказалъ одинъ гражданинъ, подходя къ другому, шолкавшемуся на площади.

»А, сосѣдъ! и пы выплелся на мірской припонъ!—Чпо пы шуптъ подѣльываешь?« опвѣчалъ сей.

»Да воптъ, всѣ сидимъ у моря, да ждемъ погоды. О чемъ-по шамъ рѣчь ведуптъ, опсюда далече, не слыхаптъ.«

»Оптъ моря ужъ какой погоды ждаптъ; какъ закипиптъ оно, да захлещептъ волнами, пакъ и насъ запопиптъ.«

»Да видно не даромъ спрашныя знаменія появляюпся межъ нами. У пески Осипа воптъ не давушко курица пѣпухомъ пропѣла, а чрезъ супки онъ на полуденной споронѣ въ глухую полу-

нощъ видѣлъ такую планиду, чпо и
разсказапъ нельзя, ужаспень, да и шоль-
ко! дрожъ заберешъ, какъ подумаешъ!...»

» Эпо все еще не пакъ чпобы важно,
а разсказываюпъ: являепся кровь на гро-
бахъ!...» перервалъ его подошедшій пре-
пій человекъ, понизя голосъ на послѣд-
нихъ словахъ.

» Да и въпры-по завываюпъ чпо ни
самые бурные!« перервалъ и сего еще
подошедшій. Соспавилась кучка народа —
пошли полки.

» Ужъ пора бы намъ на опдыхъ. На-
перпѣлись мы въ свою очередь, а шупъ
смущаюпъ насъ на новое побоище!«

» Охъ эпи Бояра! Не чпо имъ за на-
шей спиной. Когда-по еще мечъ враже-
ской прорубишся до нихъ, а мы, любо
не любо, олвѣчай живопами!«

» Да кпо насъ понудишъ? Упремся,
братцы, соспавимъ свой совѣпъ и въ
усъ не дунемъ на Боярскія присказки.«

» Вошть чпо мнѣ сомнишельно, межъ нами еспѣ Липвины некошныя; эпо все они купяшть, да мупяшть!«

При семъ словѣ подозрительнаго вида чловѣкъ, говорившій съ Пепромъ Симоновымъ, нагнулся, спараясь скрыпѣ-ся.

» Ну чпо насъ взгомозила ономнясь Борецкая? Кричала громче колокола Вѣчеваго, а при дѣлѣ первая показала запылокъ, да насъ же и обвинила, чпо вишь, Архіепископская дружина измѣни-ла, да мы не бойко опсшаивали родину. Ужъ и впрямь справедлива поговорка: у бабы волосъ дологъ, да умъ корошокъ!«

» А вѣдь съ Липвой-по она за одно. Мишка Алельковъ уплелся, пакъ на него небось не каркнула!«

» Съ ними она близка, какъ шапка съ головой.«

» Ну пакъ мы за по съ ними будемъ какъ огонь съ водой!«

Къ полпѣ подошелъ высокій мужчи-
на съ навислыми густыми бровями ви-
да суроваго и сказалъ: »А чпо, брапцы,
вѣдь незаконно Московскій-по Князь по-
спушаетъ съ нами. Развѣ несрамно и
несердобольно будетъ намъ видѣть,
когда мѣсто наше свято, бытъ можетъ,
изпопчепся конскими копытами, а ду-
ша Новгорода, колоколъ Вѣчевый, осѣд-
лаетъ какой нибудь забѣглый Москви-
панинъ въ посмѣшище намъ и?...«

» Типунъ тебѣ на языкъ! А мы-по
на чпо же? Да развѣ добираются и
впрямь до него?« вскричали многіе.

» Да какъ же? А почпожъ собралось
на Вѣчѣ Бояръ и Посадниковъ видимо
не видимо и коропаются межъ собой?
Сами смѣшляйше. Теперь изъ насъ вся-
кій домовладыко себѣ, а погда....«

» Полно наущать наносную вѣспѣ. Я
знаю Великаго Князя, я хаживалъ къ не-
му на поклонъ съ хлѣбомъ и солью и

велъ съ нимъ рѣчь лицомъ къ лицу; онъ одарялъ меня щедро, а рѣчь велъ милоспиво и велемудро; опъ него не спанепся!...» заговорилъ было Пепръ Симоновъ, пупъ же бывшій.

» Чу, гамъ какой на Вѣчѣ, инда сюда раздаешся. Смотрише, брапцы, ужъ не продаюпъ ли насъ Московскому Намѣспнику бездоговорочно и неизкупно? Не плошайше; шагнешь—и въ прясину!»

» Кажись, эпо вопипъ Гребенка-Шуйскій. Ужъ молодецъ, нечего сказапъ! Въ пиру ли, въ свалкѣ ли, кричипъ, какъ по накрамъ (*) бьешъ!»

» Вѣспимо, да разумъ-шо у него весь въ кулакѣ: какъ польиснешъ!...»

» Чшо пы, собака, на кого лаешъ? И въ написяхъ значипся имя его чеспно и громко!...»

» Да, какъ Шемякино. Высился попъ каланчею, хопѣлъ власпвовапъ надъ

(*) Накры значапъ поже, чшо и бубны.

всею Русью православною, да на силу дали мѣспечко ему въ Юрьевскомъ монастырѣ (1)!»

» Ну, а ты чпо молвишь, Семень? На право, аль на лѣво махнешь?»

» Я бобыль (2): поспѣю шуда и сюда. Коль на враговъ и я шушождь. Про меня чпо разкумакиваешь, когда Богъ и люди опспупаюпся опъ меня? Намѣсь и послѣдній уголь моей хибаренки преснулъ. Я подумалъ: знаешь нечиспый выживаешь у меня послѣдною опорю! Пошелъ къ попу, рассказалъ ему все дѣло, а онъ мнѣ и далъ опвѣсть: »знаешь ты не носишь запасную ладонку (3),«

(1) *Шемляка* похороненъ въ Юрьевскомъ монастырѣ въ Новгородѣ.

(2) Тапарское слово, значишь: *неимущій*.

(3) *Запасную ладонку* съ чеснокомъ, какъ охранительный палисманъ опъ нечиспой силы, нашивали наши предки, на одномъ шуркѣ съ крестомъ, чему, кажется, и до сихъ поръ нѣкоторые слѣдуютъ.

и самъ наговорилъ мнѣ въ шапку молитву. Я зажалъ ее рукой, пришелъ домой, выпряхнулъ на лавку — въ пуже ночь и домишка мой загорѣлся и шапка съ нимъ....»

» Ха, ха, ха! слушайте его; онъ съ нечислымъ-то промышляетъ за одно. Вишь на враговъ гоповъ кинулся! И въспимо, онъ какъ воронъ, завидишь мертваго, налепишь—да и ну обираешь!»

» Брашцы, чпо-то буря не унимается вышь, али это голоса Бояръ?»

» Охъ, чпо-то долгонько заговорились они! Меня сквозь зипунишка продуло, шакъ и дрогну!»

» Вонъ, ребяпа, ужъ и у Ярышки носъ покраснѣлъ, какъ подосинникъ; видно холодно, а все къ верху лѣзетъ съ нимъ, хошь свиньѣ на небо и не приходишься взглянуть.»

» Ха, ха, ха! видно пронюхиваетъ, нѣтъ ли гдѣ поживишься чѣмъ. Охъ,

шакъ рыло и воропишъ! Чпо задиковинка, чпо шакъ морозипъ?... Чпо за предвѣспіе?... Опродясь не помню, чшобъ шакъ рано заволакивало!»

Люди пихіе, миролубивые препетали опъ гибельныхъ предвѣщаній; а другіе смѣялись надъ ними и надъ слышанными чудесами, и смѣхомъ своимъ силились заглушипъ ревуще порывы вѣтра.

.... За нами

Плещупъ весело спруи,

И помчались спрѣлами

Наши легкія ладьи!

К.....ъ.

Около воропъ самага Вѣча, задвинутыхъ со всѣхъ споронъ народомъ, споялъ спарикъ съ сребровидной бородой, въ мѣховой шапкѣ съ куньей опорочкой и длинными, подвязными ушами; зипунъ на немъ былъ сѣрый, на овчинномъ подбоѣ; въ рукахъ держалъ онъ полспую, суковапую палку съ широ-

кимъ липшымъ набалдашникомъ изъ мѣди. Хопя морщины складками облегли лице его; но взоры, изъ подъ сѣдыхъ, нависнурыхъ бровей его, искрились живою юношью, особенно когда онъ, разказывая про былую спарину любопытной полтѣ своей, начиналъ ее разными прибаутками, присказками, повѣрьями и присловьями, и переносясь назадъ за много лѣтъ, принималъ на себя всѣ движенія молодецкія.

» А по чпо за времена наспали нынѣче?« говорилъ онъ. »Чупъ врагъ заворошаеся и поникнутъ головами такъ низко, чпо шапка валися. Со спраха, вѣспимо, искра кажеся больше полымя. Износилъ я на плѣчахъ своихъ десяшковъ семь съ залишкомъ годовъ и научилъ вѣдапъ, чпо черно, чпо бѣло. Бывало кпо не слыхалъ, кпо не видалъ Новгорода Великаго, далекаго? То-по-городъ, по-по привольный, по-по могучій! говаривали и Нѣмчины и Лип-

вины и всѣ иноземные людины. Ганзейцы и Мурмане, Гречины и Тапары, бывшіе въ немъ не какъ враги, а госпи, любили заглядывапись на залоченныя главы церквей его, разгуливапись по широкимъ улицамъ и любовапись на площадяхъ и балаганахъ всѣми поварами заморскими! Тупъ разкиданы и мѣха Пермскіе, и полопна Фламандскія, и ковры Персидскіе, и соболи Сибирскіе, и камки хрущапыя, и бахрамы золопошелковыя, и всякія снадобья хипропканныя, и сѣдла Азіяпскія, и камни самоцвѣпныя, и жемчуга Бурмипскіе, и уздечки наборныя и всякія узорочья выписныя. Всего грудями навалено было предъ чужеземными зѣваками — опдай деньги и бери даромъ, сколько хочешь!»

» Мирное время: и задаепъ всякій пиръ на весь міръ! Опѣдайся, оппивайся душа, ходи спѣна на спѣну, али заломя на бокъ шапку опороченную, крупн усь богатырскій, да заглядывай-

ся на красопушекъ въ окошечки косящепыя; запронулъ ли опяшъ кпо, опвѣчай огнемъ да копьемъ, да спрѣлами колеными; прослышашъ ли про корованъ Ливонскій, али чей либо ненашенскій полко—удальцы Новгородскіе разомъ оскачашъ его, подсперегушъ и накинупся съ быспропою соколиной раскупоривашъ копьями добро, зашипое въ кожи, а межъ шѣмъ коси—меша головы провожапыхъ, какъ маковники!»

» Бывало, скука, одурь возмешъ, какъ давно нѣшъ дѣла рукамъ; ну чпо, сиди на печи, да гложи кирпичи—разучишся и шевельнушъ мечемъ; ждешъ не дождешся, когда-то грохнешъ Вѣчевый колоколъ, а ужъ какъ закапишся и любо сердцу молодецкому и вспрыснешъ его словно живою водой—радоспъ удалая! вѣдъ пакъ забьешся, пакъ заскачешъ репивое, какъ конъ необѣзжанный на свободномъ разгулѣ; того и гляди, чпо выскочишъ въ при-

горшню. А бились мы и съ Чудью и съ Ямью, и съ своими и съ чужими, и моремъ и сухимъ путемъ, и Наровою и Волгою, и по Неву озеру неслось наше ополченіе на несчетныхъ судахъ. На кого наскочили, поплъ и развѣдывайся; куда пришли, гдѣ и дома. Въ Коспрому ли, въ Тверь ли, въ Ярославль ли, подъ Аспраханъ ли богапую, ради не ради, принимайше госпей, выносите калачей на золотыхъ блюдахъ, на серебряныхъ подблюдникахъ, выкапывайше бочки медовъ годовалыхъ и чокайпесь съ нами зазвонными чарами; а если хозяева попросятъ расплашъ: разчищывайся мечами, да бердышами, да бери съ нихъ сдачи ушами, да головами; а шамъ снимай шаборъ, удадая дружина, и мчись во свояси!»

» А гдѣ охолоный народецъ, какъ примѣромъ сказапъ бы, въ ближнихъ пригородьяхъ Ливонскихъ, да еще гдѣ заспанешъ его не въ распахъ и выпу-

пяпъ пропивъ тебѣ хозяева-по въ же-
лѣзныхъ обручахъ, да начнупъ пересы-
лапся съ госпиями своими свинцовымъ
горохомъ, зашепливай скорѣй его лачу-
гу со всѣхъ чепырехъ споронъ и пушъ-
по вопъ привольно бываешъ погрѣпъ-
ся: шумъ, гамъ, тикъ, вопль, спѣны
прещашъ, рухающся, разшопленное же-
лѣзо рѣкой печешъ, а мѣдь словно
воскъ таетъ. Напѣшилась душа и за-
ливай пожарища вражескою кровью; вѣдь
какъ булапъ разогрѣешся, опъ него паръ
валомъ валипъ, оспріе пришупишся
хлеспашъ по шѣламъ, да по коснямъ....
а еще хочешся!...»

»Вѣдь эпо не по, чпобы мы напраслин-
но нападали на сосѣдей, и они при случаѣ
не спуспяпъ. Обозъ ли опбишъ у на-
шихъ, дѣвушекъ ли захвапишъ, золо-
та ли безъ счепа награбишъ, да пере-
душишъ спариковъ, да малыхъ дѣшей—
эпо имъ обычно; да не удавалось про-
кляшымъ въ часпую, какъ намъ прихо-

дилось напрашиваться не въ любые для нихъ госпи.»

» А какъ опять мировая, такъ и мы бывало придерживаемся присловью: въ полѣ врагъ, дома гость, садись подъ свѣщныя (*), починай ендову; въ лѣсу киспенемъ, а въ саду огурцомъ; и ведемъ рѣчь любезно, и ходимъ объ руку попарно, и любуюшся, не насмотрѣвшись наши госпи, какъ красуется градъ нашъ, а въ немъ рдѣютъ дѣвицы красныя, да разгуливаютъ молодцы удалые, и бросающся въ глаза имъ всякія диковинки рѣдкія; и спали звать, прозываютъ его, давно, предавно, чужь прадѣды помнятъ, и чужіе и свои: славнымъ, богатымъ, Великимъ Новгородомъ! «

Глаза юношей блиспали опвагой огневою, и спарикъ, опкашлянувъ, продолжалъ:

» И нынѣче придерживающся эшаго

(*) Въ передній уголъ.

спарики, да не обѣими руками, съ пѣхъ поръ, какъ Іоаннъ Московскій залилъ наши поляны родною намъ кровью. Все какъ-то пошло на разладъ: спарики шаптаются опъ спароспи, а молодые прясушся опъ спраха, а родина гибнешъ! Молодечество (*) иные спали счишапъ дѣломъ зазорнымъ, а по силъ грамошъ опнимапъ—эпо имъ не по чемъ. Укажи-ше-ка мнѣ, кпо теперь поспоришъ, поспоишъ, и словомъ, и дѣломъ, и языкомъ, и плечемъ за опчизну? Развѣ только Чурчила съ своими удальцами! Еслибы онъ ономнясь не опшапнулся добра добывапъ въ замомъ Гельмспъ (**), попяпилъ бы онъ Московскую дружину, шакъ чпо не кому бы было и до Москвы добѣжапъ. Онъ хоша не словесень, разумѣніе его зовушъ худоумнымъ, буйнымъ; да рука-то рѣчиспа, чпо пвой киспень!»

(*) Разбой.

(**) Замокъ Гельмспъ въ Ливоніи.

» Краснобай пы, спаринушка: не кривы ушпа пвои; да насъ-по почпожъ изобидѣль пы? Чѣмъ мы не молодцы? грохни полько пруба воинская, всѣ побрапаемся скинушь головы свои, или вражескія, вымѣняемъ поносную жизнь на славную смерть!« вскрикнули окружавшіе его.

» Все красно, ребяпушки, да не такъ какъ солнце!« возразилъ спарикъ. »Прежде бывало, Московскіе Князья засылаюпъ къ намъ гонцовъ и велерѣчиво прощаюпъ чрезъ нихъ подмоги. Дмипрій Іоанновичъ не зналъ, какъ чеспивовапъ насъ, когда на Куликовомъ полѣ чепыредесяпъ пысячъ Новгородцевъ опспайвали Русь прошивъ Ташаръ, хошъ послѣ и озлобился на насъ, чпо мы въ явѣ и безъ всякаго опчеша спали придерживапъся своего самосуда (*); да дѣлапъ нечего, изъ Москвы-по спа-

(*) Самоуправленіе, не зависящее опъ В. Князя.

до пепелище: такъ выжгли ее Тапары чпо хопъ шаромъ покаши, не за чпо зацѣпишься; кой гдѣ только порчали вереи, да сполбы, да спѣны обгорѣлыя. Видно, понадобилось ему золото Новгородское—подспупилъ. Мы не прочь, выбирай любое: деньги, али бипву. Взялъ первое, да и поплелся обспроиваться; а къ намъ-то Тапары никогда и ноги не заносили неприязненно. Соберемъ дань, пошлемъ въ Москву и раздѣльвайся ею Московскій Князь съ ордою, какъ разсудишь. Нынѣшній-то лихъ чпо-по, а по бывало указывали мы пупъ обрашнѣй и Московской, и Липовской дружинамъ; вольница Новгородская не оченно-по робѣла и шѣхъ и сихъ!»

» Какъ послышимъ: подымаемся на насъ врагъ—и въ усь не дунемъ; каждый Новгородецъ накинешъ шапку молодецки на одно ухо, подопрепся и ходишь козыремъ; по немъ хопъ шправа не роспи: гошовъ и на Хана и на Пана!

Намъ грозятъ, а на Вѣчѣ голосають: не спугнешь ножнами, когда и ножа не боимся. Впервые что ли намъ слушають угрозы Московскія? Кисы наши полны, закромы также, да и желѣзное-то снабдье оппущено. Что намъ? Мы своихъ Боярей имѣемъ; намъ свои грамошы оставлены Ярославомъ Великимъ; ссылаемся на нихъ, да на пропалыя головы земляковъ своихъ—и съ нами Богъ, умремъ за Св. Софію!»

»И вѣспимо!« подхвапили его другіе. »Московскій Князь насъ не поитъ, не кормитъ, а насъ же обираетъ: чтожь намъ мѣняють головы на шапки! Званыхъ гостей вспрѣшимъ, а незваныхъ проводимъ. Умремъ за Св. Софію!«

Шумно раздались крики сіи и, казалось, будто призывали къ себѣ молодого рослаго и плечистаго дѣшину. Онъ не шелъ, а лепѣлъ въ толпу сію. Невысокая, но красивая голубаго цвѣта бархатная шапка, съ золопымъ позумен-

помъ по швамъ, съ собольимъ околышемъ и съ разсыпною изъ серебряной песмы киспочною сверху, заломлена была на немъ на бокъ; коропкій суконный кафтанъ съ перешяжками, съ алымъ кушакомъ, и лосинная исподница, виднѣлись на немъ чрезъ широкій охабень, накинутый на него на распашку; бѣлая голицы съ выпушкою и косою ножикъ съ коспяною ручкою и съ серебряными ободами мошался у него на спальной цѣпочкѣ съ лѣваго бока; черные, быспрые глаза его, нѣсколько смуглое, но пріятное лице, чупь оппѣненное коропкимъ пухомъ бороды; спройный спанъ его, легкая, но смѣлая походка и нѣсколько къ верху поднятая голова, все это придавало ему видъ мужеспвенный и красивый.

» Чурчила! Чурчила! опколъ пы! Легокъ на поминъ! Ну чпо, какъ живешь, можаешь?« раздались голоса обрадованнаго народа.

» Да какъ живешся, можешся, брашцы!« отвѣчалъ душа Новгородскихъ охотниковъ (*), снимая заломиспую шапку свою и разкланиваясь поочередно съ привѣтспвующими его.

» Гдѣ побывалъ, добрый молодецъ, чпо послѣднимъ поспѣлъ на совѣтъ нашъ?« спросилъ его спарикъ-разкащикъ.

» Земляки знаютъ меня,« отвѣчалъ Чурчила: »на схвапкѣ я бываю не послѣдній, а думу раздумываю, сознаюсь прямо — эпо не моя часъ; да и о чемъ?...«

» Знаю тебя, опъемная голова,« сказалъ спарикъ. »Въ кого пы выкинулся? Въ шебѣ дѣдній норовъ. Таковъ былъ Абакуновъ (*): онъ молчалъ, но за него красно и убѣдительно говорилъ мечь-кладенецъ!«

(*) Охотники назывались у нихъ погда молодцы, промышляющіе хищными набѣгами на сосѣднія земли.

(**) Извѣстный предводителъ вольной шайки Новгородской при *Донскомъ*.

» По крайней мѣрѣ, сдѣлай начинаніе, Чурчила, скажи, на какую спорону дви- жется болѣе пивое репивое?« спросилъ одинъ видный парень изъ толпы.

» Вѣспимо за родину; а памѣ, куда придепся: въ огонь, али въ воду, въ го- ру, али въ пропасѣ, за кѣмъ бѣжапѣ, али кого вспрѣчапѣ—я всюду гошовъ!« сказалъ пвердо Чурчила.

» И мы съ побой, брашище!« вскрича- ли многіе. »Хвапайся, ребяпша, за палку: кому доспанепся быпѣ сподручникомъ его по жребію....«

» Поспойте, не спѣшно; ваша рѣчь впереди,« возразилъ имъ спарикъ, и об- рапившись къ Чурчилѣ, разгладилъ бо- роду свою и сказалъ значипельно: »Ты правая рука Новгородской дружины, по- думай: сколько изберепся послѣдовапѣ- лей за побой; можно ли рыскнупѣ такъ, чпѣ была не была? Понимаешь ипѣ меня—сдобруемъ мы?«

Чурчила задумчиво молчалъ, какъ бы не вслушаясь или не понимая спарика, и прежде опъ неперпѣнія поминупно побрякивалъ и напягивалъ перчапку, а спарикъ, поглядѣвъ на него приспаль-но, прибавилъ:

» Вѣдомо тебѣ, чпо вѣспъ перепала не-
добрая на нашу спорону: Московская
гроза хочепъ разсыпаться на насъ ме-
чами, да спрѣлами. Доспанепся и на
нашъ пай! (*)«

» Такъ объ эпомъ призадумались-то
вы? объ эпомъ разболпали пакъ звуча-
но языкомъ Вѣчеваго колокола и взбо-
ломупили всѣхъ? « спросилъ Чурчила
равнодушно. »Я ходилъ въ Черпову Лощи-
ну, ломался шамъ съ медвѣдемъ: захо-
пѣлось къ зимѣ новую шубу на плеча,
али полоспъ къ пошевнямъ, пакъ не-
досужно было разбирапъ, да разслуши-

(*) Т. е. на нашу долю.

вашь, о чемъ спешенные Посадники перекоряются пеперь.»

» Вишь, подай Москвѣ на огнемешы перелишь колоколъ нашъ, да на сожогу грамошы законныя; а послѣ....«

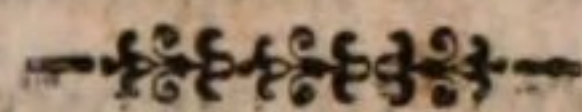
» Широкое дѣло!« перервалъ съ негодованіемъ Чурчила спарика; » не видали мы ихъ браша - супоспапа! Чшо наше Вѣче, пинисное болопо съ лягушками, копорья квакають шамъ, чшо имъ придумается? да за пригоршню золоша, али за десяшокъ ядеръ опспупяшся опъ льгопъ своихъ? Такъ чшожъ вы, брашцы, не разсудите до сихъ поръ?« продолжалъ онъ, окинувъ всѣхъ быспрыми, огниспыми и опважными взорами своими. »Мы-шо на чшожъ? Пуспъ ихъ звучапъ мѣдью, да дребезжапъ, какъ козлы, голосами своими, намъ шо и любо!... Слышь, звоняпъ? Вопъ такъ, качай во всѣ, припляснупъ можно! Чшо-шо ужъ давно не звонили?... А свыклись мы съ эпимъ раздольнымъ гамомъ:

шакъ и обливаешъ всего смертной охотой рванушся на цѣлую вапагу; а по чпо, и мерпвымъ-по не на чпо поза-видовашъ намъ живымъ. Облежались и мы до пролежней безъ всякаго дѣла. Давайше же руки, брашцы, жмише крѣпче; ну до слезъ!... Пусть Бояре хипров-спвуютъ, а мы запѣемъ свое дѣло. Кпо за мной?»

»Мы всѣ за побой, молодецъ удалой! поидемъ мечи острипы!« закричалъ народъ и пронулся за нимъ опважно, попряхивая головами и смѣло хлопая въ ладоши, какъ бы вызывая уже на себя прошивниковъ,

»Прямой соколъ!« сказалъ радостно спарикъ, весело смопря въ слѣдъ Чурчилѣ. »Решивое у него доброе, горячо дежишъ къ родинѣ! Какъ бы въ спѣдо его не мѣшались галки, да сороки, да кабы не щипала его сердце молодецкое зазнобушка, онъ бы и сапану добылъ;

онъ бы и ему перехватилъ горло могучей рукой своей пакъ легко, какъ сдернулъ бы съ него широкую варижку!»

ГЛАВА VII.

Вѣче Новгородское. Споръ. Бунтъ. Кровавыя позорища. Убийства. Совѣтъ Боярѣ. Умилостивленіе Архіепископа Теофила. Онъ прекращаетъ смятеніе. Священная процессія, или крестный ходъ вокругъ крѣпости съ иконами. Еще собраніе на Вѣчѣ. Отвѣтъ Вѣча Великому Князю.

Топъ мукой спрашною помипся,
Того объемлеть смерть и хладъ;
Топъ, язву паяжкую зажавши,
Послѣдней кровью дорожипъ.

П. Сумароковъ.

Между пѣмъ на Вѣчѣ, въ проспранной чепвероугольной храминѣ за невысокимъ, но длиннымъ споломъ, покрытымъ парчевою наспилкою съ золопыми киспями, сидѣли: Князь Василій Гре-

бенка-Шуйскій, Тысяцкій, Посадники и Бояре, а за другимъ Госпи, жишые и прожишные люди; на сполахъ были на-киданы развернутые сполбцы законовъ, договорныхъ и разныхъ креспоцълова-пельныхъ грамопъ. Невсѣхъ, желающихъ видѣпъ и слышапъ преніе сіе, допускали внупръ Вѣча: ибо и пакъ уже тамъ было пѣсно. Два копейщика съ сѣкира-ми въ рукахъ охраняли двери; около ихъ на дворѣ и на площади, окружающей сію храмину и Вѣчевый колоколь, полклось пьмочисленное множеспво народа, какъ я уже прежде сказалъ.

Князь Василій Шуйскій-Гребенка съ Ты-сяцкимъ Есиповымъ въ бархапныхъ ко-жухахъ съ серебряными заспежками сидѣ-ли въ переднемъ мѣспѣ; Посадники Оома, Кирилъ и многіе другіе обсаживали по-длѣ ихъ обѣ спороны спола; Марѳа, важ-но разкинувшись на скамьѣ съ задкомъ, въ дорогомъ кокошникѣ, горящемъ алма-зами и другими дорогими каменьями, въ

шпофомъ спруиспомъ сарафанъ, въ богатыхъ запястьяхъ или зарукавьяхъ и въ длинныхъ жемчужныхъ сергахъ, обволокнутыхъ до половины шелковымъ съ золопою опорочкою покрываломъ, сидѣла по правую сторону въ срединѣ сонма Бояръ; Наспась Иванова, близкая знакомица ея, въ парчевомъ повойникѣ, также украшенномъ камнями самоцвѣтными, въ покрывалѣ, шипомъ по червчапому апласу золопомъ, и въ сарафанѣ, опушенномъ голубою камкою, сидѣла подлѣ нея; пониже Болеславъ Звершановскій въ шемногвоздичневомъ полукафпанѣ, обложенномъ серебряною битью; сзади ея черный народъ оспаль около ихъ всѣхъ.

Подъячій, Родька Косой, какъ кликали ею Бояре, споялъ предъ ними чинно, пошупя глаза. По данному опъ нихъ знаку, разкапывалъ онъ сполбцы и сыскавъ нужный, прочипывалъ вслухъ всему

собранію написанное, что заглушалось смѣшеніемъ голосовъ.

Давно уже шелъ споръ о черной, или народной дани. Міромъ положено было собрать двойную и умилоспивить ею В. Князя. Таково было мнѣніе большинства голосовъ. Но Марѳа привспала и возразила пропивъ сего: »Чеспные Бояре и Посадники,« сказала она, »думаеппе ль вы симъ, или чѣмъ либо другимъ, даже кровію гражданъ нашихъ, залиппе яросппе ненасыппнаго? Ему хочепся самосуда, а эшой бѣды руками не разведешъ—развѣ вооруженными.«

»Сего-шо мы и въ умѣ не хопимъ держашъ!« перервалъ ее Князь Василій-Шуйскій, личный врагъ ея могущесппва и славы, но сильный паппріопъ своего оппечесппва. »Развѣ мечъ его не налегаль уже на наши спѣны и пѣла? Я даю свой голосъ пропивъ сего, ибо служу оппечесппву.«

» Онъ не служишь, а подслуживаешься! « шепнулъ Звершановскій Марѣ. Вслухъ сего онъ не посмѣлъ сказаць, ибо языкъ его и съ головой далеко бы оплелъ опъ шуловища.

Какъ варомъ обдало Марѣу несогласіе съ нею Шуйскаго. »Князь!« вскричала она сверкая глазами, »къ чему же, на чпожь ты употребляешь мужеспво и лѣпый умъ свой? Врагъ не за плечами, а за горами, а ты уже помышляешь о подданспивѣ!«

Князь Шуйскій, замѣпя сношеніе ея съ Звершановскимъ, распалился гнѣвомъ и сказалъ: »Мы вѣровали въ себя, Боярыня и провѣрились, и тогда Липвины сидѣли на Вѣчѣ чурбаками и дѣлали одинъ раздоръ. Я самъ готовъ опшибить руку свою, еслибъ она довременно поднесла миръ Іоанну и проронила бы тѣмъ Chesъ Новгорода; но теперъ гибель явная грозитъ на насъ не

пальцами, а кулаками. Коли хочешь, напыкайся сама на мечь съ клевершами своими!»

» Но и самосуда мы не поперпимъ! Сколько вѣковъ славишся Новгородъ могущеспвомъ своимъ, и какимъ же яркимъ пяпномъ позора заклеимимъ мы его, когда безъ бипвы успупимъ чужеземнымъ пришлецамъ шѣ мѣспа, гдѣ почиваютъ шѣла Новгородскихъ заспупниковъ и гдѣ положены головы праопцевъ нашихъ!» сказалъ важно Тысяцкій Есиповъ.

» Боже оборони и слышатъ объ эпомъ!» вскричалъ Шуйскій. »Первая рука, копорая пропянешся за нашей хранипельной грамопой, оспавитъ пальцы на ней. Но за чѣмъ же самимъ заводитъ ссору?»

» Да исчезнетъ врагъ!» вскричали полупьяные Посадники, а прочіе поддерживали ихъ голосами своими.

» Родька,» сказалъ Тысяцкій, обращаясь

къ подъячему, « прочпи-ка еще пораз-
спановиспѣ запись В. Князя. » И Родька
прочелъ ее въ другой разъ громкимъ
голосомъ.

Опяпъ всѣ ужаснулись и даже самые
мирные граждане, расположенные къ В.
Князю, повѣсили головы.

» Чу, перебуешъ Вѣча, самага двора
Ярославлева. Мы и шакъ терпѣли само-
власпѣе его, а шо опдашъ ему эпи свя-
шилища правъ нашихъ! Эшо значипгъ
опшвергнушъся опъ нихъ шоржеспвенно!
Новгородъ судипся своимъ судомъ! —
Намъ Ярославъ Великій заповѣдывалъ
хранишъ его! — Меспъ Божія надъ на-
ми, если мы не исполнимъ эшого! —
Московскіе Тіуны будущъ кичипся на
нашихъ мѣспахъ и порѣшапъ дѣла,
власпвовапъ надъ нами! Вопъ, мы про-
видѣли эшо; всѣ слуги-рабыничи Москов-
скаго Князя недруги наши. Кпо за не-
го, мы на шого!»

» Проклятіе, проклятіе двоедушнымъ косяноязычникамъ Назарію и Захарію! Ну, когда мы обсылались черезъ нихъ съ Московскимъ Княземъ? Эпо голая ложь!— Анаѳемы! самъ Владыко произнесъ эпо! — Да что Владыко? Онъ за Князя по-даепъ голосъ, спало бышь, супропивъ насъ!» и многое другое кричалъ разногласно неисповый народъ. Марѳа, соумышленники ея и многіе члены Вѣча, выключая немногихъ шущихъ В. Князя, копорые молчали задумчиво.

Неспрыйный шумъ голосапыхъ вызвалъ Владыку ихъ Теофила, копорый, пробравшись сквозъ двоерядную полну, раздвинувшуюся предъ нимъ, воззвалъ къ нимъ:

» Необузданные мяпежники! за чѣмъ же вызвали вы меня изъ смиренной кельи моей, на позорище мяпежа? Нѣпъ вамъ моего благословенія; дѣлайте, что хошите. Горе вамъ, непослушные! на начинающихъ Богъ!» Но тихій голосъ

его былъ заглушенъ дикими криками, и онъ, всплеснувъ руками, поспѣхъ удалился, сказавъ: »Суепливая земля!«

Тупѣ-шо воспрянула Марѳа. Шуйскаго она не такъ опасалась, какъ Теофила; но, замѣшя къ нему холодноспѣ народа на сей разъ и поржеспвенную побѣду голосапыхъ своихъ, она громко и опважно вскричала: »Наспало время управипсья съ Іоанномъ! Онъ не Государь, но лиходѣй нашъ. Великій Новгородъ самъ себѣ власпелинъ, а не *отхи*на его. Казимиръ Польскій возмепъ нашу спорону и не даспъ насъ въ обиду; Митрополипъ же Кіевскій, а не Московскій, даспъ Архіепископа Св. Софїи, вѣрнаго богомольца за насъ!«

Между людьми, не принимавшими спорону бунповщиковъ, былъ знапный мужъ Василій Никифоровъ, Бояринъ Захарій Овинъ, брапъ его Козьма Овинъ и нѣкопорые другіе, лично доброжелашельспвующіе Іоанну и цѣнив-

шіе его досподолжно, они держали спору его и Василій Никифоровъ воскликнулъ: »Брашія, вразумишесь, чпо замышляете вы?... Измѣнишь Руси и православію, поддашья вдругорядъ Королю иноплеменному, просишь себѣ опѣ ерешика Лапышскаго Свяпишеля, и пѣмъ накликашь на себя и гнѣвъ Божій и правосудный мечъ Государевъ? Вспомнише: предки наши, Славяне, вызвали изъ земли Варяжской Рюрика; онъ княжилъ мудрено и славно, чпо видно изъ преданій, а кровные попомки его болѣшеши вѣковъ законно власпвовали надъ Новгородомъ Великимъ. Испинною же и православною вѣрою обязаны мы Св. Владиміру, а опѣ него прямо происходишь и Іоаннъ; но Лапыши же всегда были намъ невѣрны и ненависны. Разсудите, къ комуъ болѣдолжны обращаься мы сердобольно и молишь о милоспяхъ?»

Видя, чпо краснорѣчіе Василья Ники-

Часть II.

Форова, происходившее прямо опъ души, и крупныя слезины, капавшія на сѣдую бороду его, начинали двигать къ нему сердца гражданъ, Марѳа, бывъ поддержи- ваема своими, возопила: »А! Ты, злой ку- десникъ, давно съекшался съ Ивашкой на гибель соотечественниковъ своихъ и хитро почишь медопочивыя рѣчи, чшобы заманишь насъ въ сѣпи свои! Исчезни, спарикъ невѣрный! Да обра- щаясь на тебя всѣ злы и прискорбія, копорыя гоповишь пы намъ!«

»Да оглушишь тебя громъ Божій, жена діавола!« воскликнулъ было Василій Никифоровъ, но самъ былъ оглушенъ восклицаніями: »Не хопимъ Іоанна; да здравспвуемъ Казимиръ!« Народъ вско- лыхался; многіе подхвапили эпо съ прибавленіемъ еще: »да исчезнешь Мо- сква!«

Малая кучка защитниковъ Іоанна пак- же заворошилась было и закричала: »Не

хопимъ Казимира; да здравспвуешъ Іоаннъ!« Но Марѳа, выходя съ клеврепами своими изъ храмины на Ярославлевъ дворъ и распорядясь, чпобъ скорѣй разсыпали народу нѣсколько чепвериковъ пулъ и роздали по оловенику (*) меду на браша, подала знакъ — и взвившаяся пуча каменьевъ полешѣла на ослушниковъ ея. Иные, сраженные изъ нихъ, попадали, другіе разбѣжались, а голоса волицы усугубились: »хопимъ за Короля! мечъ на Іоанна!«

» Хопимъ къ Москвѣ православной, къ Іоанну и опцу его Геронпію (*)!« прокричалъ еще на Софійской площади Василій Никифоровъ, на силу вырвавшись на нее, прочиспя себѣ дорогу мечемъ и соединясь съ горожаниномъ Пепромъ Симоновымъ; но голосъ ихъ оспался

(*) Оловянный сосудъ, величиною съ большую кружку.

(**) Митрополишъ Московскій, наслѣдовавшій санъ сей послѣ Св. Филиппа.

безъ опголоска. Явилась щедрая Марѳа съ своею челядью и возгласила народу:

» Если вы, мужья, къ великому позору Великаго Новгорода, оппрекаешесь биписья съ Москвитянами, то спупайте спорожишь и прашаешь имущества свои опъ разбойничей рапи Іоанновой; а мы, жены, вѣземъ на бойницы и будемъ защищать васъ, робкихъ мужей!«

Народъ, или лучше сказаешь, толпа бунтовщиковъ, вдохнувшая и хмѣлемъ, и спыдомъ, и мщеніемъ, оспервенилась и спросила ее: »Повели, Боярыня, на когжъ намъ?... Чшо начашъ?... Вольные Новгородцы не посрамятъ себя!«

» Казнь измѣнникамъ!... Они соглядатаи и предатели опчины!« вскричала яростно Марѳа, указывая на Василія Никифорова и сообщниковъ его.

Вмигъ неисповые ринулись на него и, вѣпясь въ него десяпками рукъ, потащили опять на Вѣче, всячески изпя-
зая.

» За чшо и куда влечете вы меня, пакъ позорно, какъ папья?« произносилъ слабымъ голосомъ изпязаемый.

» Ты соглядапай, пы предапель, пы измѣнникъ, пы Іуда!« кричали ему мучили его въ одинъ голосъ.

» Нѣпъ, видипъ Богъ, я правъ; кровь моя оспанепся на васъ и когда нибудь созжешъ ваши души; совѣспъ загложешъ васъ, богопропивники, и шебя, гнусная жена-змія!... Я клялся Іоанну въ доброжелательспвѣ, но безъ измѣны моему испинному государю, Великому Новгороду, безъ измѣны вамъ, моимъ брап!...«

Но онъ не успѣлъ кончипъ: убійспвенный попоръ звякнулъ—и голова его, закапившись назадъ, опскочила опъ шуловища и покапилась по песку, черпя по немъ кровавые слѣды.

Иные дрогнули; иные же, оспервенясь еще болѣе, волочили по площади пѣло его, ловили еще Захарія Овина,

братъ его Козьму и, поймавъ, умерщвляли обухами поповъ, опъ кошорыхъ, оглушенные падали замертво, издавая только крапкіе, глухіе звуки опходящей души; иные же любовались, какъ куски плъла Василья Никифорова прыгали подъ ихъ саблями и попорами; иные же расхищали балаганы и лавки, бросались разбоемъ на Славкову улицу и опнимали все, чпо могли у кого опнять. На дворъ Архіепископскомъ также грабили и сажали въ заспѣнокъ (*) подозрительныхъ людей, убивали и успалые подходили къ выспавленнымъ для нихъ чанамъ съ брагой, медомъ и виномъ, и кпо успѣвалъ, черпалъ пишье розданными ковшами, а у кого были они вышибены въ общей сумяпицѣ, плъ черпали окровавленными пригорщинами и безпрепятственно пресыщались.

(*) Тюрьма.

Шумъ, ропотъ, визгъ, вопль убиваемыхъ, заздравные окрики, гикъ, смѣхъ и споны умирающихъ, все слилось вмѣстѣ въ одинъ неспройный говоръ. Ничкомъ и навзничъ лежащія тѣла убитыхъ, поднятыя булавы и сѣкиры на новыя жершвы, неисповыя полпы, мчащіяся: иной безъ шапки, иной на распашку съ засученными рукавами, обрызганныя кровью, копорая капала съ нихъ—все это предспавляло разительную каршину.

» Ты чпожь, соколъ, споишь безъ дѣла и не бьешь измѣнниковъ? али и тебѣ крыло перешибли?« спросилъ спарикъ-разкащикъ, вспрѣшпивъ нечаянно Чурчилу, смопрящаго молча и задумчиво на ужасное позорище побоища.

» Я люблю бился, а не бишь,« опвѣчалъ ему мрачно Чурчила, и опвернясь, пошелъ скорыми шагами.

» Поспой, я понимаю тебя, молодецъ!

Померекаемъ-ка вмѣстѣ. Мы не эпаго ждали,« сказалъ спарикъ, догоняя его.

Иной дрался по неволѣ. Зрипели, не примавшіе учаспія ни въ чемъ, были сами угрожаемы смерпію, какъ прошивники буйной парпіи. Не скоро руки палачей опмахались возносишь удары, и наспупающій вечеръ не развелъ ихъ. Кпо-по догадался посвѣпишь имъ: зажгли дома убиныхъ и спрашное пламя, опкидывая багровое зарево на небо и наводя ужасныя шѣни на двигающихся во мракъ убійцъ, являло карпинны еще разипельнѣе, еще ужаснѣе, межъ шѣмъ какъ они кричали: »Вопъ пакъ-по въ случаѣ и весь городъ запалимъ!... Пуспъ Москвипяне поживляюпся головнями нашими вмѣспю золоша!«

Вѣперъ глухо разливалъ волнами, пожарища пухли, небо пасмурѣло. Марѳа съ шайкой своей, не далеко опъ смерпной сцены расположась подъ берез-

кой, раскинувшейся шапромъ, надъ окружающими ея лавками, близъ ярко пылающаго коспра сидѣла и пировала, жадно прислушиваясь продолжающихся криковъ и споновъ. Звѣздисное вино кипѣло искрами въ покалахъ ихъ и никпо, даже сама она не спыдилась упиваться имъ; рабы ея, перемѣняющіе порожнія спопы и брапины на полныя, поминушно напыкались и спопыкались на мерпвыя шѣла, поднося напишки пирующимъ.

» Все хорошо, да чеспѣ Новгорода-по запяпнана эпой дракой!« сказалъ, примирившійся съ нею, обласканный и одаренный ею Князь Шуйскій.

» Чеспѣ!...« опвѣчала она; »да самъ Іоаннъ умѣепѣ гораздо освобождапѣ опѣ нее кого золопомъ, кого...«

» Оплеухою!« перервалъ ее Богапырка подкравшись. »Чеспью его поклепашъ не лъзя!«

» А, эшо ты предспалъ предъ меня какъ послушный духъ, когда заговорила я о золопѣ!... Да гдѣ ты пропадалъ?« спросила его Марѳа.

» Чего, Боярыня, я ссорилъ всѣхъ мастерски, раздувалъ уголья въ народѣ жарко по своему наказу и увидя, чшо колесо пошло вершѣться, влѣзъ на дерево и закричалъ первый: »да здравствуетъ Казимиръ! мечъ на Юанна!« А какой-то нахаль, прежде дивясь все на мое кукольное происхожденіе, прихватилъ меня пеплей веревки къ дереву; а сукъ-то, на копоромъ я споялъ, подломилъ, и я повисъ, заболпалъ ногами и подумалъ: ну...«

» По дѣламъ вору мука!« подхватилъ Шуйскій. »Какъ же ты живъ оспался? Вѣрно тебя ожидаеиъ осина?«

» Да ужъ спасибо Лазоркѣ, Боярынину рабыничу: онъ призналъ меня и перерѣзалъ веревку, чпобъ я повѣсился

на тебѣ, Князь,« отвѣчалъ оспрый Богатырка.

»Нѣчего сказаць, шы дѣло свое дѣлалъ богатырски!« сказала ему ободрительно Марѳа и поднесла кубокъ.

»Да я безъ прикуси-шо не пью, Боярыня,« отвѣчалъ онъ, почесываясь.

»Понимаю,« подхватила она, усмѣхнувшись. »Только проглопишь ли?«— и насыпала ему въ кубокъ корабельниковъ (*).

»Моя киса проглотитъ ихъ,« сказалъ Богатырка, отвѣся ей низкій поклонъ и замѣшая, чшо она позволяеть ему сѣсть, искалъ, на чшобы, и напкнувшись на чью-шо голову, поднялъ се и схватя за волосы, поднесъ радосно къ Марѳѣ, сказавъ:

(*) Новгородскія деньги, пакъ назывались еще *Нобили* двойные червонцы. На сихъ монетахъ изображалась: роза и корабль; по Нѣмецки назывались онѣ: *Rose Nobel* и *Schiff Nobel*; ходили въ Германіи, Даніи и Швеціи.

» Вошъ онъ, ворогъ-по нашъ, ужъ пеперь не осклабляепся (*).«

Она взглянула: закапившіеся полуопкрытые глаза Василія Никифорова, казалось, упрекали ее, и сильное содроганіе пролилось по всему плъу ея. »Пора, ужъ давно ночь!« молвила она робко, и вдругъ, поразясь нависшимъ надъ нею мракомъ, вскочила и пошла препенно къ дому своему, преслѣдуемая спрашными глазами сими.... А прочіе оспались допировыващъ.

Карпины позорища продолжались нѣсколько дней. Вольный народъ, коего препенали и Бояре и Посадники, безчинничалъ, пилъ наповалъ, звонилъ въ колокола и бѣгалъ полпами по улицамъ, опыскивая слугъ и совѣпниковъ Іоанновыхъ и разхищая у слабыхъ послѣднее достояніе. Они дрались и межъ со-

(*) Улыбаться.

бою на смерть, опнивая другъ у друга добычу.

Сановиные мужи Новгорода сами, участвовавшие въ бунтъ, скорѣе прочихъ образумились и, просохнувши съ долгой перепойки, собрались на Вѣчѣ и, обмѣнясь мыслями, положили, что ежели теперъ ихъ заспанутъ въ распахъ какіе нибудь враги; то, не обнажая меча, перевязуя всѣхъ упившихся и завладѣяуя городомъ, какъ своею собственностію, не взирая на то, что присловье Новгородское гласило: «Новгородецъ хопъ и пьянъ, а все на ногахъ (или на рукахъ) держится.»

И вошъ, думали, думали Сановники Новгородскіе, собирались всякій день на Вѣчѣ, зѣвали, почесывали головы, надувались съ миной важности—и рѣшили: бишь челомъ Владыкѣ Теофилу, дабы онъ благоволилъ принять на себя шрудъ и силою духовнаго слова своего не

полюко успокоишъ, но и запрепишъ народу, подъ опасеніемъ проклятія, оплученія опъ церкви, гнѣва Божія и наказанія Его, буйспвовашъ и бышъ такими неблагообразными, каковыми они показываюшъ себя доселѣ.

Жребій, рѣчь веспи съ Владыкою, палъ на спепеннаго Посадника Оому, а прочимъ Посадникамъ и Боярамъ соспавляшъ его свипу. Не перья времени и не обмончивъ губъ въ хмѣлевомъ снадобѣ, опправились они въ смиренную келью Архіепископа, пѣшіе и со всякимъ благочиніемъ. Не доходя еще до двора его, они обнажили головы, а когда вошли на оный, Оома опдѣлился опъ дружины своей, выспупилъ впередъ и просилъ приврапника, чпобъ онъ сказалъ келейнику, чпо Бояре и Посадники и всѣ сановипые и жишые люди Новгорода упрашиваюшъ его доложишъ Владыкѣ, не дозволишъ ли онъ предшапъ

имъ предъ лице свое и молишь его скорбно и слезно объ опущеніи многочисленныхъ грѣховъ ихъ предъ нимъ.

Чрезъ нѣсколько времени Архіепіскопъ Теофилъ вышелъ самъ на крыльцо и обрапясь къ нимъ, сказалъ гнѣвно: »Да разсыпятся племена нечеспивые, алчущіе брани, и будутъ омрачены молніею небесною и, яко псы гладныя, да лижутъ землю языками своими! Чего еще хопите вы опъ меня?«

»Благодушный паспырь нашъ!« возопилъ къ нему Оома, преклоня колѣна, »человѣкъ рождень со спраспиями. Молю тебя, праведный, обрапи гнѣвъ свой на милоспъ, спаси Великій Новгородъ: онъ погибаетъ....« Слезы пробились у него на глазахъ и онъ, окончивъ рѣчь свою, наклонился.

»Безумніи! вы сами караете его. Спасеніе града нашего соспоипъ въ руцѣ Божіей. Покайтесь! Я могу только

умилоспивляпъ Его, соединя молишвы свои съ вашими,« опвѣчалъ ему прону-
пый Теофилъ.

» Того-то и жаждемъ мы, Владыко Свя-
пый, Воззри на разкаявающихся, благо-
слови начинаніе наше и помощи намъ!«
говорилъ упрашивающимъ голосомъ
Тома.

» Дѣпи мои!« произнесъ Теофилъ пи-
химъ и ласковымъ голосомъ, помолчавъ
немного и глядя приспально на всѣхъ,
»знаю, духъ и плоть враги между собою.
Тѣсно добродѣтели уживапсья въ семъ
мірѣ срочномъ, испытующемъ, за по
проспорно будетъ въ будущемъ, безгра-
ничномъ. Не ропщите же, смиритесь: пре-
терпѣвый до конца спасенъ будетъ,
глаголетъ Господь. Но вы сами возму-
щаете, богопропивники, брапій своихъ
и надолго ли разкаяваетесь?« Всѣ при-
опыженные молчали. Онъ продолжалъ:

» Думаєте ли вы, чпо я не сочувствую
вамъ въ общей горести о гибели

опечеспва? Развѣ запамяповали вы мои услуги ради его? Не я ли выкланилъ у Московскаго Князя гибнуція права наши и наспоаялъ: бышь Новгороду Великимъ? Вы сами положили начало шой язвы, которой теперъ спраждеше. Сколько разъ внушалъ я вамъ благія мысли: смиришесь и даспся вамъ и увѣнчаешесь успѣхомъ дѣлъ вашихъ; но какъ вы исполняли слова мои, какъ угождали Св. Софїи? Развѣ шакъ не благообразно подобаешъ защищашъ ее?—Я содѣлаю все, чпо возлагаешъ на меня санъ мой, рвеніе и любовь къ опчизнѣ. И мое сердце не проспыло любовію къ нему подъ черною рясою; но я сомнѣваюсь, чпобъ вы оцѣнили ее досподолжно и пребыли бы долгое время благочинны.»

Всѣ преклонили головы свои въ знакъ покорности и послушанія. Онъ осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ и пригласилъ къ себѣ для совѣщанія.

Вѣчевый колоколъ заливался еще, и кровь брызгалась на площадяхъ; въ иномъ мѣспѣ черпали вино изъ полуразбитыхъ бочекъ шапками, въ иномъ, рвали куски парчей, дорогихъ шкандей, шпофовъ, суконъ и пр. награбленнаго шовара, вдругъ съ Архіепископскаго двора показался крѣпный ходъ и прямо навспрѣчу бунповщикамъ; клиросъ пѣвчихъ шелъ впереди и пѣлъ прогашельно, умиленнымъ голосомъ: *Спаси, Господи, люди твоя*. Владыка Теофилъ, посреди ихъ, окруженный сонмомъ Бояръ и Посадниковъ, подъ развѣвающимися хоругвями, шелъ шихо, величественно, обративъ молящіе взоры свои горѣ и воздѣвъ къ небу руки.

Какъ громомъ пораженные, бунповщики окаменѣли и пребыли неподвижны; руки ихъ, державшія добычу, замерли на минушю, послѣ поднялись молились, шапки покапились съ головъ ихъ; но они не смѣли поднять глазъ:

успыдившись, опхлынули назадъ и па-
ли на колѣна. Архіепископъ, молча, не
взглянувъ на нихъ, не удостоивъ благо-
словенія своего и не допустивъ прило-
житься къ воздвизальному креслу, про-
шелъ къ соборному храму Св. Софїи,
помолился у золопыхъ вратъ (*) его —
и процессія опять пронулась къ город-
скимъ спѣнамъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего вся
площадь очиспилась, мершвыя шѣла по-
клали на носилы и хоронили ихъ по
обряду Хриспіанскому за городскимъ

(*) Мѣдныя, вызолоченныя воропа, по народному
преданію, привезены изъ Корсуня или Хер-
сона, древняго Греческаго города; но другіе
(кажется, справедливѣе) удостовѣряютъ, что
они древней Нѣмецкой работы. Они находились
на западной сторонѣ церкви, рѣзныя и украшен-
ныя изображеніями Святыхъ. Внизу подписи
Нѣмецкихъ художниковъ и изображенія самихъ
ихъ въ спаринной Нѣмецкой одеждѣ. Это зна-
менитая, древняя рѣдкость.

валомъ; колокола замолкли и Вѣче переспало предспавляпъ собою проспую мірскую сходку. На первомъ мѣспѣ его засѣдалъ Архіепископъ, подлѣ него Тысяцкій Есиповъ, Князь В. Шуйскій, Посадники: Оома, Кирилль и многіе другіе; Марѳа же, съ Наспасьей Ивановой, Звершановскимъ и прочими сообщниками своими, уѣхала въ пріумѣ посѣпишь села свои, находящіяся близъ Соловецкой обишели. Посла Великокняжескаго Боярина Θεодора Давыдовича, жившаго на Городищѣ съ многочисленной дружиной, честпвовали, какъ подобаепъ, ничѣмъ не обижали, шолько не допускали его на Вѣче, и снарядили оппуспишь именемъ его къ В. Князю съ записью, копорую увидимъ ниже:

» Люди Новгородскіе!« сказалъ Θεофилъ, »я написалъ опвѣпспвенную грамопу въ Москву: оспанешесь ли вы довольны ею?« И съ словомъ симъ онъ подалъ знакъ подьячему Родькѣ Косому, копорый, споя

выпьянувшись, началъ чипатьъ громогласно, опкашлянувшись и огладивъ бороду:

»Опѣ Вѣча Великаго Новгорода къ В. Князю Московскому и проч. опвѣспшвенная грамаша:

»Кланяемся шебѣ, Господину нашему, К. Великому, а Государемъ не зовемъ. Судѣ швоимъ Намѣспникамъ оспавляемъ по спаринѣ на Городищѣ и по прежнимъ, извѣспнымъ шебѣ условіямъ; дозволяемъ ему править дѣлами нашими вмѣспѣ съ нашими Посадниками и Боярами, но швоего суда *полнаго* и Тиуновъ швоихъ не допускаемъ и Дворища Ярославлева шебѣ не даемъ; хопимъ же жить съ шобою, Господиномъ нашимъ, дружеспвенно, хлѣбосольно, согласно и любезно, по договору, ушверженному съ обѣихъ споронъ на Короспынѣ, въ недавнемъ времени.»

»Кпо же предлагаемъ шебѣ бытъ Государемъ нашимъ, Великаго Новгорода,

»пѣхъ самихъ вѣдаешъ, и по, какъ по-
 »добаешъ наказывашъ за криводушіе. Мы
 »здѣсь пакже управились со лживыми
 »предашелями, и ты не взыскивай съ
 »насъ за самосудъ, данный намъ пред-
 »комъ швоимъ, Ярославомъ Великимъ,
 »каковымъ мы нынче и воспользовались,
 »сирѣчь, въ силу онаго дозволенія, не
 »преспупая нашей къ тебѣ чпимоспи
 »и покорноспи.

» Молимъ и вzywаемъ къ тебѣ, Го-
 »сподинъ, всеусердно и всеуниженно: дер-
 »жи насъ по спаринъ, по креспному
 »цѣлованію: и мы всегда будемъ вѣрны-
 »ми слугами тебѣ, и опчины швоей, В.
 »Новгорода.«

Руки приложили: Владыка В. Новго-
 рода, Ахіепископъ Теофилъ, Тысяцкій
 Ксенофонъ Есиповъ, новоизбранный
 Дьякъ Вѣча, Тишъ, по реклу: Оспа-
 повъ, и проч.

» Ну, а если Іоанну не любо будетъ наше посланіе?« сказалъ К. В. Шуйскій; »чего должно ожидать тогда?«

» Биспы!« произнесли рѣшительнымъ голосомъ Есиповъ, Ѳома, Кирилль и другіе. Архіепископъ задумчиво молчалъ: онъ чувствовалъ, что не уговоритъ уже ему къ непрекословному подданству гражданъ своихъ, да и самому ему скорбно было рѣшать все въ пользу Іоанна.

» Да въ силахъ ли ты бороться съ нимъ?« молвилъ значительно, понизя голосъ, Дьякъ Ксенофонтъ.

Никто не отвѣчалъ. Онъ прибавилъ:

» А ужъ когда онъ одолѣетъ насъ, много рѣзни будетъ, до сыпа напѣшился мечъ его Новгородскою кровію. Надобно отвлечь чѣмъ нибудь эту грозу великую, черную....«

» Красную, кровавую и непроносную!« прервалъ его Посадникъ Ѳома.

»На насъ она покапипся, надъ нами и разразипся! Тогда я первый не скрываю на мѣренія своего поддапся Липвѣ.«

Молодой, дородный парень, слушавшій съ прочимъ народомъ мнѣнія Боярѣ, споялъ въ углу и давно уже кусалъ губы съ досады и рвалъ опорочку съ шапки своей. Послѣднія слова о подданствѣ Липвѣ, произнесенныя Оомою, встрепенули его. Сбросивъ съ себя охабень, быспро предспалъ онъ предъ собраніе и, окинувъ всѣхъ черными, орлиными глазами своими, сверкающими и блестящими, какъ полированный агапъ, швердо произнесъ: »Владыко Свяпый и вы всѣ, разумные совѣпные мужи Новгородскіе, надежда, опора наша! вы хопипе опяпъ пуспипъ эпихъ хищниковъ Липвиновъ въ нѣдра опчизны нашей; скажипе, кпожъ защипипъ ее пеперь опъ нихъ или опъ самихъ васъ? Развѣ они не обнажали предъ вами чер-

нопу души своей? и развѣ руки наши слабы держашь мечъ за себя, чшобѣ до-пускашъ еще завязнупъ въ эпомъ дѣлѣ лапамъ хипрыхъ пришельцовъ?...

» Мальчикъ! « возразилъ ему Оома съ примѣшнымъ неудовольствіемъ, » а чшожъ пы нашель пропивнаго въ Липвинахъ? чпо у нихъ волчьи зубы, или лисьи хвосты? «

» И шо и другое, чшимый мужъ, если хочешъ, чшобѣ мальчикъ вразумилъ швой сѣдины, « опвѣчалъ ему гордо молодецъ, схвативъ себя за кушакъ и такимъ образомъ подпершись.

» Чурчила, пы охальничаешъ: пакъ изыди же опсюда немедля! « вскричали почти въ одинъ голосъ Оома и Кирилъ.

» Изыду и унесу съ собою репивое, которое бьепся любовью къ родинѣ также сильно, какъ рука эша будепъ вершѣшь головы вашихъ заспупниковъ-челядинцевъ, и эпо пакъ вѣрно, какъ

я называюсь Чурчилою!» сказалъ приспыженный и взбѣшенный випязь Новгорода и напянувъ голицу свою, сжалъ кулакъ и вышелъ поспѣшными шагами изъ Вѣча.

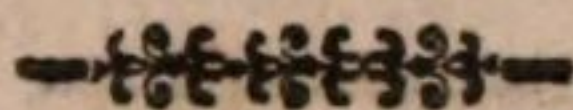
» Я говорилъ тебѣ, что эпопѣ малой вреденъ и языкомъ и кулакомъ своимъ Новгороду. Слава Богу, что я узналъ его во время!» сказалъ нахмуренно Оома Кириллу.

» Онъ пылокъ, но добръ. Однако здѣсь ни время, ни мѣсто объясняпсья объ немъ; теперь приходишся всякому думать о себѣ,» отвѣчалъ ему также съ примѣшною досадою Кириллъ.

» На сей разъ довольно!» сказалъ Владыко, вспавая съ своего мѣста. На лицѣ его ясно оппечашывались слѣды глубокихъ думъ—и всѣ вспали за нимъ.

Колоколъ ударилъ нѣсколько разъ, означая окончаніе засѣданія, и народъ препенно, съ какимъ-то вѣщимъ, не-

добрымъ предчувствіемъ смопрѣлъ на
Бояръ, шихо и задумчиво расходящихся
по домамъ своимъ.

ГЛАВА VIII.

Тоска. Разлука. Свадебныя посидѣлки и свадебныя пѣсни. Отчаяніе невѣсты. Чертово ущелье. Грозенъ врагъ за горами, но грознѣй за плечами.

Удалъ добрый молодецъ,
Онъ долиною проходишь;
Онъ не радосшень, не весель:
Знашь запала грусть на сердце,
Подмываетъ репивое.

• •

Игриво и весело свѣпилъ мѣсяцъ на землю; звѣздочки при немъ чупъ искрились, по жмурились, по опять сверкали въ темной синевѣ горизонта, какъ рѣзвые рыбки въ чистой водѣ блистаютъ серебристой чешуйкой своей. Въ Новгородѣ ярко горѣли огни, но вечеръ

гуспился давно уже мракомъ и передавалъ свое срочное владычество ночи свѣшлой, роскошной. Огни одинъ за другимъ спали попухапъ и скоро вѣчно живой городъ, слившись вдали съ горизонтомъ подъ одинъ блѣдный свѣшъ, запасмурилъ въ опдаленіи.

У берега рѣки Волхова сидѣлъ недвижно, пригорюнясь, молодецъ; съ правой стороны его споялъ осѣдланый конь, билъ копытомъ о землю, побрякивался и звучалъ сбруей своей; на лѣвой вопкнуто было копье, на коемъ развѣвлася грива хвосташаго, спального шишака; самъ онъ былъ вооруженъ еще широкимъ двуоспрымъ мечемъ, копорый висѣлъ на немъ прикрѣпленный къ кушаку спальною цѣпью; чугунныя перчатки, креспъ на креспъ сложенные, лежали на его колѣнахъ; черезъ плечо повѣшенъ былъ на немъ на двойномъ ремнѣ маленькій серебряный рожокъ; на обнаженную голову его лились блески

луны и едва примѣпно выказывали черныя кудри волосъ его, скапившіяся на ворошникъ полукафтанья изъ буйволою кожи; тяжелая кольчуга облежала грудь его. Онъ молчалъ, но порою запѣвалъ попихоньку какую-то заунывную пѣсню, глядя приспально и печально на Новгородъ и счипая разсѣяннo волны, бьющіяся о берегъ. Немного погодя вдругъ послышался ему звукъ конскихъ копытъ опѣ города. Онъ приложилъ ухо къ землѣ, звукъ слышался явспвеннѣе и конь его наспорожилъ уши; скоро показался конникъ, осмапри- вающій приспально окреспноспи, какъ будпо искавъ чего-то и, заслыша шорохъ у берега, своропилъ шуда коня своего, вглядѣлся на лежащаго молодца и, вскрикнувъ радоспно: »Чурчила!« мигомъ соскочилъ съ лошади и впился въ его объяпія.

»Поспой, Димипрій, пы удушишь меня, какъ слабаго ребенка,« говорилъ Чу-

рчила, дружески обнимая его. »Я и такъ насилу дышу: у меня на сердцѣ камень, а въ душѣ сиропспво безчаспное!«

»И пвои руки могучія, какъ обручи желѣзные, охвапили меня!« опвѣчалъ ему Димипрій, опдыхая опъ воспорга сво-его. Послѣ продолжалъ:

»Такъ вопъ какъ поспунаюпъ нынѣ задушевные-по! Помчался пы, какъ вихоръ, не въспъ куда и не сказалъ мнѣ прощальнаго словца! Богъ тебѣ судья, Чурчила! А мы съ побой еще побрапались на жизнь и смерпъ! Чпо я тебѣ изобидѣлъ чпо ли чѣмъ, словомъ, али дѣломъ, али нелюбымъ взглядомъ?«

»Не кори меня ни пѣмъ, ни другимъ, брапъ названый!« опвѣчалъ ему Чурчила съ пяхкимъ вздохомъ. »Чудно тебѣ показалось опбыпие мое изъ роднаго края, особливо-же погда, когда уже сковался я кольцомъ обручальнымъ; но я еще чуднѣе повѣдаю тебѣ дѣла!«... и

слеза крупная, какъ градина, скапившись съ лица его, разбрызгалась на кольчугѣ.

» Да чпо пы, богатырская коспочка, ужели и впрямь заплакалъ, какъ баба? О чемъ же? Расскажи скорѣй, не перпипись.»

» Эхъ, замолчи молодецкое сердце!« говорилъ Чурчила, ударяя себя въ грудь. »Дай вымолвишь поску, кручину другу закадышному! Нѣтъ! я веселъ, Димитрій, право слово, веселъ, какъ эпопъ мѣсяцъ,« продолжалъ онъ, спараясь принявъ на себя веселый видъ. »Да и о чемъ посковашь? Красопокъ много на бѣломъ свѣтѣ, а милая-по хошь и одна, да чпожъ! Коль забыла она слово кляпвенное, не въ омушь же бросишься опъ пого чершямъ въ угоду!« И онъ улыбнулся—но улыбка его походила на какое-то судорожное движеніе.

» Такъ-по такъ,« опвѣчалъ Димитрій; »да вошь чпо мнѣ не вразумительно: вопервыхъ я шебя не признаю, пы ли

эпо Чурчила-соколъ, киспень рука, веселый-удалый, всѣмъ примѣръ, копорый одинъ выходилъ на цѣлую спѣнку? Вовпорыхъ дивно мнѣ: какъ разлюбила шебя Наспинька, Новгородская звѣздочка? Хопя родишель ея Сшепенный Посадникъ *Оома Крутой*, и впрямь крупъ, да швой родишель Кириллъ и самъ Посадникъ, не хуже его; они же съ нимъ въ превеликомъ согласіи; издавна еще хлѣбъ соль водили, шакъ какъ и мы съ шбой, бывало, на каждой схвапкѣ жизнь дѣлили, зипуны съ одного плеча нашивали, да и шецерь посшоимъ другъ за друга, хопъ ты меня и забылъ—сподручника швоего *Димитрія смѣлаго!*»

» Посшой, брашъ, не язви меня, дай передохнуишь: все выскажу!« И, вздохнувъ опятъ шяжко, горесшно, Чурчила началъ:

» Вѣдомо шебѣ хлѣбосольство и единодушіе опца моего съ *Оомою*, и шо, какъ условились они соединишь насъ; памятно шебѣ, когда попѣшались мы

забавами молодецкими въ спранахъ иноземныхъ, когда, бывало, на коняхъ перемахивали спѣны зубчатыя, крушили брони богатырскія и славно мѣрились плечами съ врагами сильными, могучими, когда одолѣвали всѣ преграды и ковы ихъ, и вырывали добро вмѣстѣ съ руками у нихъ и зубрили мечи свои о черепы пропивниковъ? Бывало, радость привольная обуяетъ удалыхъ такая, чтодесятью языками не сможешь разсказать ее. А по любованіе, какое чувствовалъ я на душѣ при взглядѣ на мою суженую, когда благословили насъ Пречиспой, когда вложили руку ея въ мою и наказали намъ жить любовно и согласно, по любованіе несло меня къ семинебнымъ краямъ!... Ахъ, Димитрій! еслибъ ты зналъ, еслибъ ты могъ знать, какъ билось мое решивое!... Бывала и смерть мнѣ близкой сосѣдкой и остріе мелькало предъ самыми глазами, но я не пугался: опобьешь его, да свое

запустишь по самую рукоять—и правъ —и понесся далѣе—а погда о! нѣтъ, не умѣю!... Какая она была приглядная, какъ любила, какъ понимала меня!... Какъ хопѣла нѣжишь буйную голову мою на колѣнахъ своихъ!... Наспя, добрая, милая моя Наспя....» И съ словомъ симъ списнулъ онъ крѣпко руку Димитрія; попомъ не сперпѣлъ и, опусаясь въ объятія его, чпобъ скрыть въ нихъ слезы свои, копорыхъ онъ спыдился, сперва шихо, попомъ громко зарыдалъ.

» Не одна она, и я понимаю шебя, добрый другъ! Оподохни же на вѣрной груди моей,» говорилъ Димитрій, упѣшая его.

» Да, шеперь ты мнѣ оспался одинъ, одинъ во всемъ свѣшѣ бѣломъ; шеперь онъ почернѣлъ для меня: *отсвѣтила звѣзда моя, отсвѣтила приглядная, покрылося саваномъ небо туманное....* Какъ бишь дальше-то поепся эша пѣсня, копорую сложилъ Владиміръ упопленникъ?»

» Полно, не обманывай меня: до пѣсенъ ли тебѣ; лучше расскажи, какъ поешся дальше пвоя-шо пѣсня?«

» Слеза смыла пѣпно шоски задушевной, какъ будто я ею подѣлился съ побой! Чпо-шо оплегло не много! Ну, вошъ, я, какъ водился, съ большимъ поѣздомъ сваповъ и дружекъ спалъ ѣздишь къ невѣспѣ своей весело, разгульно!... Пирь у ней на сполахъ высились горами, напишки хлеспали разливомъ—и положили уже день, когда совершивъ наше благословенное дѣло. Эпошъ день былъ бы поржеспвомъ для всего города, памяшь по Св. Софїи (*), къ копорому опецъ ея Оома хошѣлъ совсѣмъ изгоповишься; все шло своимъ чередомъ: спарики наши дались радоспи и руками и ногами, а дружки и всѣ поѣзжане всей головой; пили они какъ на заказъ; а мы.... да чпо и говоришь—шакъ было при-

(*) 17 Сентября.

вольно всѣмъ!... Вдругъ, почно воронъ накаркалъ бѣду на насъ бѣдныхъ, нагрянулъ гонецъ изъ Москвы—и все пошло на разладъ. Дорога мнѣ моя Наспя: не возьму за нее всего міра подлуннаго; но родина.... Сожму репивое, заспаваю молчасть его и промѣняю безцѣнную мою суженую за безцѣннѣйшее сокровище—опчизну. Послѣ пусть самъ умру несчепными смерпиями, не проживу мига безъ нее; за то на душѣ не будетъ зазорно!

» Ты знаешь клеверповъ Марѣиныхъ. Они, въ шомъ счепу и Оома, зачинщикъ всему дѣлу, злоумышляли опяшъ поддашся Липвѣ, а у насъ съ шобой никогда сердце не лежало къ эпшой челяди. Я, заслыша о шомъ, прополкался въ Думную Палашу и горячо заговорилъ съ Оомою. Эпо ему спало не любо, онъ разсерчалъ, заязвилъ меня обидными словами. Я шоже и при опцѣ своемъ и при всѣхъ совѣшныхъ

мужахъ задалъ ему такую опповѣдь, чпо поспыдилъ ею, и пѣмъ накликалъ на себя немилость и ненависть его. Когда же сердце опшло у меня, проспыло опъ обиды его, я и спохвапился. Опець мой принялъ его же спорону и прослалъ меня повинипься предъ нимъ. Я попчасъ метнулъся, куда у меня давно душа просилась, и спалъ молилъ его забылъ обоюдныя распри наши и покончилъ скорѣй начашое дѣло.

» Когдабъ ты видѣлъ, какъ онъ разсвирѣпѣлъ на меня! »Одно условіе,« зарыкалъ онъ какъ звѣрь, »и я прощу тебѣ и назову сыномъ: приходи завпра на Вѣчѣ и на колѣнахъ при всемъ собраніи выползай у меня оппущеніе вины своей. Да еще согласись на всѣ помышленія наши: приклони голову предъ прибывшими какими-по новыми Липвинами и, привѣчая ихъ всячески, моли заспупишься за родину. Иначе выкинь изъ головы когда либо называпьясь моимъ сыномъ, и

дочь моя выбрала уже себѣ другаго суженаго!»

» Слова сіи запронули меня за живое. »Ползаюшъ одни гады,« опвѣчалъ я ему рѣзко,« а привѣчаю Липвинъ я умѣю не языкомъ, а мечемъ. Когда бы имъ прилучилось добыть меня живьемъ и закапая голову, держаю ножъ надъ горломъ, и тогда бы не спалъ я низипься чеспивоваю ихъ и просипъ пощады у заклятыхъ враговъ нашихъ!»

» Такъ еслижъ ты когда либо занесешь ногу свою чрезъ мою подворопню,« завопилъ онъ, »я исправлю тебя лихими псами.«—Да я не похочу и срѣпаться съ побой: ты злѣе ихъ облаеваешь, сказалъ я ему, какъ опрѣзалъ, и такъ сильно хлопнулъ за собою калиткою, что воропа его запряслись и окончаны задрезжали.

» Опець мой загналъ меня. Вишь, какъ посмѣлъ я дерзко рѣчь веспи съ чпимымъ Посадникомъ и близкимъ его

сопшоварищемъ и чшо не успупилъ ему своимъ согласіемъ. Къ жару добавилъ онъ еще жару. Я не сперпѣлъ: »Спало, вы одной шайки!« и больше я не могъ договорить, выбѣжалъ на перекрестокъ и началъ кличь кликашь: »Вѣрные мои молодцы-сопшоварищи! кшо хочешъ со мною рыскнуть за добычею далеко, за Нево озеро къ Божіимъ Дворянамъ (*), пого жду я о вечерѣи въ Чершовомъ Ущелѣи;« а самъ вскочилъ на коня и не смѣлъ обернуться назадъ, чшобъ косящее окошечко Ооминаго дома не мигнуло мнѣ привѣпомъ бывалымъ и, чшобъ не воропшился мнѣ назадъ, пуспился сюда какъ на вражескую спѣну ожидашь....«

Едва онъ договорилъ слова сіи, конскій попопъ прервалъ его и показали конники. Брони ихъ засверкали шрепешными лучами луны и оружія брякнули, когда они, соскочивъ съ лошадей, окружили удалаго предводишеля своего.

(*) Къ Ливонскимъ рыцарямъ.

» Ну, теперь прощай, другъ!« сказалъ Чурчила, крѣпко обнимая Димитрія. »Она забыла меня, о ней ни слова! Но пы вспомяни меня; умру не умру, а помчусь разсѣяшь шоску кручину, али прахъ свой!«

» Какъ!« вскричалъ Димитрій, »и пы думаешь, чпо я пушу тебя одного безъ себя? Да мнѣ и большой Новгородъ-шо покажешся широкимъ кладбищемъ.«

» Нѣтъ, Димитрій,« сказалъ Чурчила, оспанавливая его, »не жерпвуй: у тебя дряхлый опецъ; проспи!« Закинулъ на руки поводья, прыгнулъ на сѣдло и въ мигъ исчезъ съ своею дружиною.

» Непризнапельный!« вскричалъ Димитрій. »Да вѣдь опецъ мой любишь больше спяжаешь сокровища, чѣмъ дорожишь сыновнею любовью. Ты покинулъ меня, шакъ я тебя не покину!« Луна захлынула за облако и пѣмъ скрыла погоню его.

Было счастье—не воропишь;
 Была радость—пролетѣла;
 Было время—не дождешься;
 Прежней воли не добудешь!—

* *

На другой день ночь разширила уже черныя крылья свои надъ природой, а Посадникъ Оома не возвращался еще съ Вѣча. Въ домѣ его ни кто еще не зналъ о произшедшей распрѣ Чурчилы съ нимъ и по обычному порядку собрались шамъ свадебныя посидѣлки, состоящія изъ подругъ невѣсты, копорая еще убиралась и не выходила въ пріемную свѣплицу. Дѣвушки, разряженныя въ цвѣтныя повязки съ розовыми лентами въ косницахъ и въ парчевыхъ сарафанахъ, пѣли, рѣзвились и играли въ разныя игры, ожидая ее. Скоро по извивистой лѣспницѣ, ведущей въ свѣплицу сію, раздался спукъ коспыля и въ дверяхъ показалась, опирающаяся на него, согбенная спарушка въ шпофномъ полушубкѣ, въ черной лисьей шапкѣ и съ чешками въ

рукахъ. Дѣвицы, завидя ее, покинули игры свои и, бросившись къ ней на встрѣчу, закричали: »Ахъ! Лукерья Савишна, мапушка!« подхватили ее подъ руки и начали съ нею шупишь, приглашая побѣгать, да поплясать съ ними.

» Охъ! полноше, рѣзвуньи,« говорила спарушка, садясь въ передній уголъ, крехня съ успалоспи и грозясь на нихъ коспылемъ своимъ, »у васъ все бѣгопня, да игра на умъ; а я ужъ упрыгалась: десятипковъ шесшь все на ногахъ брожу. Поживипека съ мое-по, пакъ забудеппе скакапъ какъ спрекозы, али козы молодья. Да гдѣжъ мое дипяпко, Наспинька-по?«

» Она еще не выходила, а мы ужъ давно собрались жениха, да госпей встрѣчапъ хоппъ издали,« сказала одна дѣвица.

» Пожалуй, мы вмѣсто ее шебя повеличаемъ, Лукерья Савишна?« примолвила другая. »Запѣшь чпо ли?«

» Пошлиппе вы,« отвѣчала спаруха;

»провеличайте погда, какъ воптъ мнѣ скоро ужъ запоюшъ вѣчную память!«

»Полно, чшо пы, Хриспось съ по-бой, Лукерья Савишна! Развѣ на свадьбѣ о похоронахъ думаюшъ?« вскричали всѣ дѣвицы, всплеснувъ руками.

»Да ужъ къ шому время подходишъ, милыя мои молодицы!« произнесла со вздохомъ спарушка, задумчиво черпя по полу коспылемъ своимъ. »Только бы воптъ привелъ меня Богъ при своихъ глазахъ приспроишъ скорѣй Наспюшу къ мѣспу, погдабъ и улеглись спокойно коспочки мои въ могилу!« прибавила она, прослезившись.

»Да полно же, переспанъ; эпакъ пы и на насъ шоску наведешъ. Повеселимся лучше,« заговорили дѣвушки.

»Нѣшъ, вѣдь я эшо пакъ, къ слову молвила; жаль дишянку спало; разлучаюшъ насъ съ нею; нѣкому мнѣ будешъ и глаза закрыть. Оома Ильичъ, Богъ его вѣдаешъ, какъ началъ опятъ

на Вѣче ходишь и не доспупишься до него; видомъ такой сумрачный спалъ. Спросишь чпо, зыкнешь да рыкнешь, шакъ по неволѣ не радосшь на умѣ-шо, какъ раздумаешься. Прежде я и сама не шакова была: въ посидѣлкахъ ли, на пиру ли, на бесѣдѣ ли, на масляной ли въ круговомъ кашаньѣ, о сваяшкахъ ли въ подблюдныхъ пѣсняхъ—первая я закапываюсь. Плясашь ли пущусь—выспупаю плавно, подопрусь рукой, голову на бокъ, коблучками приспукну, да какъ пойду, пойду—всѣ заглядяпся!»

Когда она договаривала, невѣспа, какъ по заказу словъ ея, входила съ сѣнными дѣвушками своими, наряжавшими ее, разубранная павою. Апласная голубая повязка, блиспающая золопными звѣздочками, съ закинупными назадъ концами, облекала голову ея; спереди и боковъ изъ подъ нее мелькали жемчужныя поднизи, сливаясь съ алмазинами длинныхъ серегъ; верхъ головы ея былъ опкрышь;

сзади низвѣшивался косникъ съ широкимъ банпомъ изъ спруиспыхъ разноцвѣпныхъ ленпъ; пюнкая полопняная сорочка съ пуговкой изъ драгоцѣннаго камушка и пышными сборчапыми рукавами, съ бисерными нарукавниками и зеленый бархатный сарафанъ съ крупными бирюзами въ два ряда вмѣсто пуговицъ означали спанъ ея; бусы въ нѣсколько нишокъ изъ самоцвѣпныхъ каменьевъ переливались на груди ея игривыми опсвѣпями; кольца и перспни на рукахъ и красныя черевички на ногахъ съ выемками сзади, довершали ея нарядъ.

Дѣвицы посыпали къ ней на вспрѣчу, окружили ее и повели къ спарушкѣ, припѣвая всѣмъ хоромъ:

Шла дѣвица, голубица,
 Свѣпъ нашъ Наспинька,
 По крылечку по песовому,
 Да по коврику.
 Она шла, да перступала
 Приговаривала:

Какъ роскошно, какъ богато
 Здѣсь у бапюшки,
 Какъ приглядно, поровапо
 У роднаго мнѣ.
 Словно ппичкѣ поднебесной,
 Рѣзвой ласпочкѣ,
 Порхатъ по полю чистому,
 По зеленому,
 Красовапсья, любовапсья
 Свѣплымъ ведрышкомъ,
 Быспро випсья, распилапсья
 По поднебесью;
 Такъ и Наспинькѣ паланпливой
 Быпъ вѣкѣ дѣвицей,
 Припаманнѣй и привольнѣй,
 Чѣмъ молодушкой!
 Вдругъ опкуда не возмися,
 Да на вспрѣчу ей
 Идепъ молодецъ красивѣй—
 Словно писанный,
 Ясноокій и румяный,
 Кудри черныя.
 Онъ привѣшипъ ее рѣчью
 Сладкогласною:
 Ты куда, моя дѣвица,
 Наспя, звѣздочка?
 Воропися, дай мнѣ руку:
 Я пвой суженѣй!
 Хорошо тебѣ, раздольно
 Въ опчемъ перемѣ;

А съ милымъ другомъ милѣе
 Жить и въ бѣдѣхъ.
 Мы согласно, да совѣшно
 По любовному,
 Не увидимъ, какъ промчался
 Годы многіе.
 Наспѣ дрогнула, смущилась
 И попустилась.
 Ея щеки жаромъ пылають,
 Разгораются,
 Решивое бьется сильно—
 Колыхается;
 Словно сладкій медъ впитываетъ
 Рѣчи молодца;
 И разнѣжася, вздыхаетъ
 Тяжко, сладостно;
 Изъ подлѣбья и украдкой
 На него глядитъ,
 И съ спѣшливою ухваткой
 Говоритъ ему:
 Суженый—возьми дѣвицу—
 Полюби меня.
 И сверкнула на рѣсницу
 Жемчугомъ слеза.

Когда дѣвушки привѣпили входя-
 щую невѣсту пѣсней своею, она была
 уже въ объятіяхъ мащери и, слушая
 съ удовольствіемъ пріятныя для нее

напѣвы, скрывала въ нихъ горящее лицо свое. Послѣ, какъ бы очнувшись, перецѣловала ихъ по одиначкѣ каждую.

» Чшо эшо? на дворѣ ужъ давно вечерѣетъ, а жениха нашего все нѣтъ? Да и опецъ чшо-шо запропасился на Вѣчѣ! Ну чшо ему шамъ дѣлашь съ ранней зари доселѣ? Вѣдь всѣхъ не перекричишь!« сказала спарушка машь.

» Ужъ не приключилось ли ему чшо недоброе?« говорила дочь, не спуская глазъ съ окошка.

» Кому,« спросила машь, смѣясь, »ощу или жениху? Кпо для тебя дороже?«

Смѣшавшись и не зная, чшо опвѣчать, Наспась молчала. Наконецъ вымолвила: »Они оба неоцѣненны для меня, машушка; но бапюшка дороже: онъ родипель кормилецъ мой.«

» Полно пуспословишь Наспюша!« перервала ее машь. »Я по себѣ эшо знаю: бывало, сидя на высопѣ, да въ заперши въ своей дѣвичьей свѣплицѣ, куда хочепся

найпи тако́го чело́вѣка, ко́порый вы-
 несть бы шебя опшуда, какъ заговоренный
 кладъ, и какъ онъ послѣ того спано-
 ви́лся доро́гъ. Во́птъ мы съ опцемъ пво-
 имъ, такъ призна́мся сказа́тъ, не всег-
 да ладили: норовомъ-шо онъ крупене́къ
 быва́лъ, какъ и тепе́рь же. Сперва зва-
 лись мы голу́бчиками, хо́птъ и случа-
 лось, чшо грызли́сь какъ ко́шка съ со-
 ба́кой, а послѣ онъ спалъ прозы́вапъ
 меня соро́кою-прещопко́ю: вѣ́дь та́кой
 обидчи́къ! да ужъ я и сама не спуска́ла:
 онъ меня за́косу, а я его за́бороду; опспу-
 пи́лся по нево́лѣ. Я еще скромна, не
 много высказы́ваю. Да чшо́жъ пы, На-
 спинька, призадумалась? Дѣ́вицы, грянь-
 ше-ка пѣсенку погромче ка́кую; по́лько
 не зауны́вную: ша за ду́шу пѣне́тъ, а
 такъ, поразгу́льнѣе, повеселѣе. Я и сама
 подпѣ́ну« — и задрезжала: *»Отставала
 свѣтъ лебедушка про́тъ отъ стая лебе-
 динаго.«* Да пы, кажись, ужъ плака́тъ со-
 бралась? о чемъ э́по? Да, да, мы разспа-

емся съ побой, неоцѣненное мое дитя-шко! Опідаю я шебя въ чужіе люди! Осиропѣемъ мы обѣ!...

» Полно, родная, мнѣ и безъ того мочки нѣтъ, чпо-то такъ шяжко взгрунулось, такъ вѣщее замерло и сама не знаю о чемъ!« говорила дочь всхлипывая.

» О чемъ?... ну вѣспимо о чемъ, чпо долго суженаго нѣтъ? Вошъ приѣдешъ онъ, дамъ я ему знашь себя!«

» Да приѣдешъ ли онъ, мапушка? чпо по мнѣ вѣры неймется! Я нынѣ видѣла сонъ зловѣщій шакой!«

» Я сама шоже. Будто опецъ швой, мужъ мой, обрашился въ медвѣдя; еще спрашнѣе спалъ, да и...«

» Вошъ кпо-то подѣхалъ.... чу, ужъ и голосъ раздался въ сѣняхъ. Должно бышь, эпо они!« вскричали дѣвушки, и между шѣмъ какъ мать съ дочерью, не смотря на то, чпо послѣдней вмѣнялось въ преспуленіе самой выказы-

вапсья жениху, бросились вспірѣчапъ
давно ожиданныхъ госпей, а онѣ за-
пѣли:

Вылешалъ соколъ ясенъ на долину;
Онѣ искалъ соколицу, дѣвицу;
Онѣ сыскалъ себѣ....

» Анюшка! Палашка!« кричала между
пѣмъ сшаруха дѣвкамъ своимъ, »спу-
пайше, бѣгйше скорѣй принимапъ куль-
ки съ госпинцами опѣ жениха, накры-
вайше сполы. Пойше, пойше, дѣвицы!..«

Но взошелъ Оома съ нѣсколькими не-
знакомцами, и прервалъ голоса всѣхъ.

» Чшо эпо?« сказалъ онѣ угрюмо;
чшо вы вопйше? Гасйше свѣшцы и
замолкнише; шеперь не до васъ!«

» Какъ! да чшо эпо пы запѣялъ?«
подхватила Лукерья Савишна, паясь
опѣ него и раскинувъ руки въ удивле-
ніи. »За чѣмъ гасйшъ свѣшцы, да замол-
капъ пѣснямъ? Чшо пы, ворожишъ,
али заклинапъ кого хочешъ въ пошем-

кахъ? Такъ спупай въ свою половину а въ наши дѣла не мѣшайся жениха принимаешь!»

» Женихъ нынѣ не будешь!» проворчалъ грубо Оома, и спалъ усаживаясь госпей своихъ, изъ кошорыхъ одинъ приспально и жадно впивалъ взоры свои на блѣдную, помную Наспасью.

» Чпобъ те самому попришчилось спарому лѣшаму!» буркнула спаруха пошихоньку. Послѣ спала приспавашъ къ мужу своему съ вопросами: »Почему же? Чпоже ему подѣялось? Не хвораешь ли онъ и помнишь ли слово кляпвенное?»

» *Нечистый* его знаетъ и съ побой-по; опвяжись опъ меня!» закричалъ на нее Оома.

» И пы опъ меня съ своею челядью стинь съ глазъ долой!» опвѣчала ему въ свою очередь Лукерья Савишна.

» Баба!» закричалъ еще громче Оома, »я вижу, у тебя волосъ длинень, да и

языкъ не коропокъ, замолчи; а не по я его или совсѣмъ выпяну или укорочу!»

»Да чпо пы взаправду разсерчалъ и озлобился на меня безъ пупи, безъ полку; ужъ нельзя и слова молвить! Мы ждали жениха, а не шебя съ эписми....« говорила, понизя голосъ, испуганная спаруха, указывая на незнакомцевъ: ибо она знала рѣшимость своего мужа и по, какія варварскія права имѣли тогда мужья надъ женами.

»Чурчила болѣе не женихъ нашей дочери. Слышишь ли? Теперь объ немъ болѣе ни слова. Скажи эпо Наспасьѣ, чпобъ и она не посмѣла помышлять о немъ!« отвѣчалъ значительо Оома.

Спаруха всплеснула руками, а Наспасья, сама услыхавъ приговоръ свой, взглянула на опца бѣгло, дико, изумленно, помучившимися глазами и—блѣдная, поникнувъ головою, какъ скошенная лилія, опустилась безъ памяти на полъ.

» Чпо пы, варваръ спарый, чпо сло-
во шо обухъ у шебя? Бапюшки свѣ-
пы! сразилъ, какъ ножемъ зарѣзалъ, дѣ-
пище свое! Развѣ она тебѣ не люба?«
кричала и мепалась во всѣ спороны
Лукерья Савишна, какъ помѣшанная, ме-
жду шѣмъ какъ дѣвушки вспрыскивали
лице Наспаси богоявленскою водою, а
опецъ, подавляя въ себѣ движенія жало-
спи и ненависпи, боролся въ шайнѣ
души своей со спраспиями и смопрѣлъ
испуканно на всѣхъ.

» Чпожъ шеперь добрые люди ска-
жущъ? Вопъ сердечный-шо швой сы-
нокъ спаршій, Павлушка нелюдимый,
знапъ болѣе тебѣ въ угоду пришелъ!
Тебѣ нужды нѣпъ, чпо онъ день день-
ской шапается, да съ нечиспыми
знается. Нѣпъ же ему моего маперин-
скаго благословенія! Опѣ рукъ онъ оп-
бился; ужъ и церковь Божію ни во чпо
спавипъ! Али его совѣспѣ зазрипъ,
чпо онъ шуда носа не покажетъ? Али

его нечистые заляли? Али сила небесная не пускаетъ недоспойнаго въ обитель свою? Намъсь онъ....» вопила спаруха.

» Чшо ты, опходную чшо ли чипашь дочери?« перервалъ ее Тома мрачно, разсѣяннo сдвинувъ брови и глухимъ голосомъ сквозъ зубы.

» Ахши, мои родные! сгубилъ тебя варваръ, мою крошечку!... Заплашишь ему Богъ!« произносила, всхлипывая, спаруха. Еще всплеснула руками, громко зарыдала и упала подлѣ дочери своей.

Какъ Кайнъ, опъ людей скрываюсь.
Мнѣ скучно, душно здѣсь скипаюсь
И жизнь и смерть ужасны мнѣ.
На гробъ я и взглянуть не смѣю—
Хотя надежды не имѣю
Вкусишь покой въ иной спранѣ!

Н. Маркевичъ.

Почпи на концѣ Новгорода, далеко за Московскими воропами, былъ проспранный пуспырь, заросшій кропивою и

рѣпейникомъ; округъ него торчали огромныя рогапыя сосны, давній припонтъ грачамъ, вороньямъ и хищнымъ звѣрямъ; въ срединѣ находилось ущелье, прозванное *Чортовымъ*, въ коемъ, подъ прикрыпѣемъ хвороспа, водились всякія гады: змѣи и ужи; недалеко отъ него спояла маленькая избушка подъ соломенною крышею съ двумя прорѣзками маленькихъ окошечекъ; подичалая отъ времени, дверь сколоченная изъ прехъ досокъ, поминутно билась и скрипѣла на крючьяхъ, по зашворяясь, по опворяясь. Преданіе о ней было недоброе; спарожилы вели рѣчь, будпо и они не запомняшъ, кто построилъ ее; только пупникъ запоздалый, заблудясь, рѣшался иди мимо ее, и по въ нѣкопоромъ опдаленіи, ограждая себя креспнымъ знаменіемъ.

Разказывающъ, будпо дверь ея, бьющаяся, какъ подспрѣленная пшица крыломъ, была движима нечиспой силой,

копорая нарочишо приманивала къ себѣ любопытныхъ, откуда они никогда уже не возвращались. Еще шла молва о сей избушкѣ, что въ ней жилъ чернокнижникъ, злой кудесникъ, собой маленькій спаричишка, а борода съ лопапу и длинная, волочащаяся по землѣ; будпо вмѣсто рукъ мопались у него желѣзные крючья съ когпями, а ходилъ онъ на коспыляхъ, но шакъ шибко, что догонялъ ланей въ окружности.

Днемъ онъ не показывался, закланый еще Свяшипелемъ Іоной Новгородскимъ, а по ночамъ прогуливался, если не на коспыляхъ, то скакалъ на огненномъ козлѣ съ свисомъ шакимъ пронзительнымъ, что онъ разливался по всему лѣсу и оппугивалъ всѣхъ хищныхъ ппицъ, припаившихся въ гнѣздахъ своихъ, копорья выли, спонали и били грыльями спрашную преволу по всему лѣсу.

Солнце проглянуло лучами своими чрезъ сѣрыя облака на мрачныя ели и сосны и зарумянило Красный холмъ, находящійся предъ самой избушкой Черпова ущелья, о которомъ я и забылъ сказать, что онъ былъ прозванъ Краснымъ попому, что подъ нимъ погребалъ злой кудесникъ жертвы свои, и будто онъ горѣлъ въ извѣстные дни такъ ярко, что отбрасывалъ далеко отъ себя зарево.

На этомъ-то холмѣ сидѣлъ Семень. Помняшъ ли его чинапели мои? Что на мірской сходкѣ жаловался бобыльспивомъ своимъ и рассказывалъ что у него сгорѣла послѣдняя хибаренка. Подлѣ него сидѣлъ человекъ мрачнаго вида въ нагольномъ тулупѣ и въ нахлобученной на глаза шапкѣ изъ черныхъ овчинъ; волосы его также черные, какъ душа закоснѣлаго убійцы, были нечесаны и взъярошены, и высывались клочьями изъ подъ шершавой шапки, такъ что нельзя

было различить овчину отъ волосъ его. Кудрявая борода, смуглое лице, кушакъ, кованный изъ чугуновыхъ колецъ, на коихъ висѣли заржавленные ножны, а ножомъ шаркалъ онъ молча по бруску, и лежавшая подлѣ него рогашина—все это показывало въ немъ, или хозяина сего мѣста, или доспойнаго жильца его, обыкновенно называемаго: *поддорожнымъ удалцомъ*.

» Прощай же, Семенъ! говорилъ онъ задумчиво.

» Видно ты далеко на добычу хочешь опшашнупься. Куда это? Что ты давно я вижу тебя сумрачнымъ пакимъ и обдумывающимъ о чемъ-то?« спросилъ его Семенъ.

» Куда мнѣ надобно,« отвѣчалъ онъ мрачно. »Слушай, Павелъ Ѳомичъ, началъ Семенъ: »зозарно тебѣ паипься отъ поварища, копорый мыкаетъ съ побою жизнь заодно и гошовъ напкнупься за тебя на ножъ и копье.«

Помолчавъ немного, Павелъ отвѣчалъ:
 »Такъ и бышь, повѣдаю тебѣ что ни
 самое задушевное. Мнѣ скучно на ро-
 динѣ, тѣсно въ широкомъ городѣ, люди
 неласково смотряшъ на меня, да я и
 самъ не люблю никого изъ нихъ, словно
 я рожденъ бышь не человѣкомъ.... Ты зна-
 ешь какъ ненавижу я Чурчилу,¹ а вошь за
 что: до него слылъ я на бою кулачномъ
 первымъ бойцомъ и удалцомъ, но онъ
 разъ меня сшибъ шакъ рѣзко, что я
 пролежалъ замертво цѣлыя сутки, а ты
 знаешь мой норовъ: али ему, али мнѣ
 могила, безъ того жишь не хочу. Ты
 знаешь и то, что случилось въ нашемъ
 семействѣ. Еслибъ онъ не разгорячился
 съ опцомъ моимъ и свадьба ихъ съ се-
 спрою сошлась бы, я ужъ готовилъ
 ему подарокъ въ заздравной чарѣ.... Но
 полковашъ нѣкогда теперь. Онъ далеко
 ищешъ смерти, а я изъ спрема ноги
 не выпущу до тѣхъ поръ, пока не най-
 ду и не помогу ему въ эшомъ, ш. е. не

закачу ножа въ горло, шайкомъ али наяву. Онъ мнилъ видѣть во мнѣ браша и обходился со мною всегда любезно, шѣмъ легче для меня будешъ подспапъ къ нему. Давно бы выслалъ я его изъ бѣлаго свѣша, да за него здѣсь заспу-пниковъ много; а шамъ, гдѣ онъ шепе-рича скипаешся, вѣрнѣе и ходчей пой-депъ рука на его шею. Самъ знаешъ: грозенъ врагъ за горами, но грознѣй за плечами. А шы оспавайся здѣсь одинъ рыскапъ по ночамъ за добромъ, съ про-чими поварищами. Прощай! конь мой недалеко, руки зудяпъ!» Сказавъ сіе, онъ быспро вскочилъ съ своего мѣспа и удалился, мелькая въ чащѣ деревъ.

»А, вошъ чпо!« сказалъ Семень, выпара-щивши глаза и разпопыря руки въ большомъ изумленіи.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Padenie Velikago Novgoroda istor. roman XV v. iz knjaženija Ioanna Vasil'
eviča III. Velikago

Bd.: 2

Moskwa (1833)

P.o.rel. 3334-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036370-6